

Великая Отечественная: Неизвестная война

ПРАВДА

Виктора Суворова

2

Восстанавливая историю Второй Мировой

Великая Отечественная: Неизвестная война

ПРАВДА
Виктора Суворова

2

Восстанавливая историю
Второй Мировой

Составитель Д. Хмельницкий

Москва
«ЯУЗА-ПРЕСС»
2007

ББК 63.3(0)62
П 68

Оформление серии художника *П. Волкова*

П 68 Правда Виктора Суворова-2. Восстанавливая историю Второй мировой / Сост. Д. Хмельницкий. — М.: Яуза-пресс, 2007. — 320 с. — (Великая Отечественная: Неизвестная война).

ISBN 978-5-903339-46-4

Продолжение главного исторического бестселлера 2006 года!
Новый сборник работ историков-профессионалов из России, Европы и США, поддерживающих точку зрения Виктора Суворова.

Новые доказательства гипотезы, буквально взорвавшей общественное сознание и навсегда изменившей наши представления о прошлом.

Сенсационные версии и смелые выводы, увлекательная дискуссия без оглядки на официоз, свежий неортодоксальный взгляд на историю и причины Второй мировой войны.

Сам Виктор Суворов не только одобрил эту книгу, но и предоставил для публикации свою новую статью, еще неизвестную читателям.

ББК 63.3(0)62

ISBN 978-5-903339-46-4

© Д. Хмельницкий, составитель, 2007
© ООО «Яуза-пресс», 2007

ПРЕДИСЛОВИЕ СОСТАВИТЕЛЯ

Предлагаемый сборник – второй из серии «Правда Виктора Суворова». Идея первого сборника, вышедшего в мае 2006 г., состояла в том, чтобы впервые собрать под одной обложкой статьи «ревизионистов», то есть ученых, результаты исследований которых опровергают казенный советский (и постсоветский) тезис о миролюбивом Советском Союзе, неожиданно для себя ставшем жертвой немецкой агрессии. И которые тем самым поддерживают высказанный впервые Виктором Суворовым почти тридцать лет назад тезис о целенаправленной подготовке Советским Союзом Второй мировой войны – с однозначно агрессивной и экспансионистской целью.

Материала оказалось так много, что было решено сделать второй сборник, а за ним, видимо, последуют и другие.

Виктор Суворов был первым историком, который ткнул пальцем в очевидные нелепости еще недавно общепринятых представлений о причинах и истоках Второй мировой войны. Он первым разворошил муравейник, взбудоражил и мировую общественность, и мировую науку. Многие не в состоянии принять его выводы но до сих пор никто не сумел его опровергнуть. Более того, сегодня у него нет серьезных противников. А принципиальных сторонников в ученом мире становится все больше и больше – по мере того, как в научный оборот вводятся все новые материалы из недавно ставших доступными архивов России и Восточной Европы.

Суворовская версия с целенаправленной подготовке Сталиным войны за владычество над миром постоянно обрастает новыми доказательствами. Обратная версия — об оборонительных и миролюбивых намерениях Сталина и СССР — все больше теряет шансы на подтверждение.

Большая часть авторов сборников — доктора наук из разных стран мира. Разумеется, научный титул — не гарантия научного качества. В конце концов, у самого Суворова научных званий нет и не будет, а профессорский титул его самого известного ученого оппонента Габриэля Городецкого никак не может компенсировать недопустимо низкий уровень работ последнего.

Но поддержка научной концепции мировым научным сообществом, во всяком случае теми его членами, которые занимаются исследованиями именно в этой области, говорит сама за себя. Сборник, помимо прочего, опровергает миф о том, что Виктор Суворов — одиночка, противопоставивший себя научному миру. В нем собраны работы ученых из России, Европы и США, которые своими исследованиями подтверждают и развивают научные выводы и предположения Суворова. За Виктором Суворовым остается приоритет в разработке темы, но сегодня он уже один из многих.

В России оппоненты Суворова представлены, условно говоря, тремя группами. Первая — это заслуженные советские военные историки старых времен. Среди них генерал М. Гареев, А. Мерцалов и Л. Мерцалова, Ю. Горьков, ныне покойный Д. Волкогонов и др. Эта группа практически вышла из дискуссии.

Вторая группа — авторы издающихся в изобилии «антисуворовских» книг, проклинающие и пытающиеся скомпрометировать «предателя Резуна», как правило, связанные с секретными службами и не скрывающие этого. К науке их деятельность отношения не имеет вовсе.

Третья группа — специфическое интернетовское сообщество «антирезунистов», чрезвычайно бесцеремон-

ное и агрессивное. Эти люди занимаются в основном поношениями Суворова, травлей его сторонников в Интернете и попытками опровергнуть второстепенные и третьестепенные детали его книг. С научной точки зрения эта шумная публика совершенно бесплодна. Иногда их обсуждения носят наукообразный характер, но, как ни странно, они никогда не пытаются задевать или критиковать никого, кроме самого Суворова. С точки зрения идеологии это, как правило, неосталинисты и ностальгирующие советские патриоты, для которых Суворов — олицетворение всего политически ненавистного. «Антирезунисты» этого рода интересны как социальное явление, как специфическая, порожденная нынешним временем идеологическая «субкультура».

Ситуацию с дискуссиями вокруг концепции Суворова на Западе прекрасно описал в статье одиннадцатилетней давности американский профессор Ричард Раак, один из авторов этого сборника:

«В важнейших моментах этой истории Суворов был прав с самого начала. Почти все остальные авторы, включая меня, крайне скептически относившегося к идее Суворова, были не правы. Большинство таковыми и остались... Основная масса западных исследователей войны и сталинской эпохи просто хранила молчание об исторических проблемах, поднятых Суворовым. Молчание рецензентов перед лицом его потрясающих идей — страшная сказка о добровольном обете молчания, ставшем мерзкой, но эффективной цензурой... Многие историки на Западе, долго писавшие о войне в большем или меньшем соответствии с официальной советской пропагандистской версией о начале войны, часто по наивности не понимали, что делают. Многие годы восточноевропейские архивы были закрыты для независимых исследователей. Но когда они открылись, многие авторы впечатляющего списка работ оказались просто неспособны воспользоваться этими огромными новыми возможностями для исследований. Некоторые мало что

понимали в языках открывшихся для них источников. Другие, возможно, оказались в ловушке своих прежних профессиональных публикаций, на которых были построены эффектные академические карьеры и которые им не хотелось опровергать.

Многим историкам, которые в течение многих лет поддерживали в своих работах, прямо или косвенно, сталинистскую линию, согласно которой намерения диктатора были оборонительными, предстояло потерять многое, начиная с гонораров за учебники-бестселлеры и кончая репутациями, — если бы идеи Суворова были когда-либо признаны верными. С появлением все новых архивных документов некоторым становится все неуютнее в их профессорских креслах. В этом, вероятно, причина их выразительного молчания»^{*}.

Будем надеяться, что публикация сборников поможет перевести обсуждение крайне идеологизированной и политизированной исторической проблемы на достойный академический уровень. А читателям, интересующимся советской историей, даст возможность получить объективное представление об уровне и характере научных споров вокруг нее.

Дмитрий Хмельницкий

^{*} «World Affairs», том 158, № 2, 1996.

Виктор Суворов

ВСЕ ЭТО ВЫДУМАЛ ГЕББЕЛЬС!

Прочитал отчет о русской коммунистической радиопропаганде. Эти ребята доставят нам немало хлопот. Русские передачи вовсе не так глупы, как британские.

*Й. Геббельс.
21 июня 1941 года*

1

Я думал — выйдет «Ледокол», и на меня обрушится камнепад критики. Но ошибся. Просчитался. Камнепад не обрушился. Да что там камнепад, никто и камушка в мой огород не бросил. Даже обидно.

Были, правда, статьи, казалось бы, сокрушающие — «Ледокол» в весенней луже», «Ледокол» идет на таран», «Ледоколом» по исторической правде», «Кочегар с «Ледокола», «Ледокол» застрял во льдах холодной войны», «Дырокол», «Пора топить «Ледокол», «Ледокол» в бараньей шкуре», «Антиледокол» и пр. и пр. Были разоблачительные научные конференции. Были разгромные книги и уничтожающие фильмы. «Ледокол» опровергали первый (он же и последний) президент СССР и пять (один за другим) российских премьеров. В ответ на «Ледокол»

* Глава из новой книги.

министр обороны РФ генерал армии Грачев издал громовой приказ о совершенствовании процесса изучения военной истории в Вооруженных силах. Не помогло — пришлось министру издавать еще один приказ, более грозный. Да что там министр...

Государственная Дума приняла специальную резолюцию от 27 мая 2005 года, а Верховная Рада Украины — даже сотворила специальный антиледокольный закон: «Защитим правду истории»!

На «Ледокол» реагировал Президент РФ поручением № Пр-319 от 28 февраля 1995 года. Во исполнение воли всенародно избранного ученые товарищи удивляли мир многопудовыми томами. И их зарубежные коллеги не отставали — по приказу Москвы, по велению собственных горячих сердец крушили они чистыми руками и холодными головами мои ржавые борта, били по мне из всех калибров. Любому залетному иноземному охотнику, который вызывался топить «Ледокол», в Москве стелили красный ковер от Шереметьева до Грановитой палаты.

Министерство обороны, МИД, СВР, ГРУ и другие столь же почтенные организации распахивали (почему-то) перед закордонными ниспровергателями неприступные двери своих совершенно секретных архивов. И вскипали антиледокольные волны, пенились, но били мимо моих бортов.

И германское Министерство обороны подключилось. У них тоже ведь есть Институт военной истории. В Потсдаме. Точно такой, как и у нас. Этот институт издал книгу (опять же — сокрушающую), а в той книге — на целую страницу список научных центров, которые к потоплению «Ледокола» приложили руку: Лондонский институт германской истории, Римский, Вашингтонский, Боннский и еще множество разных. И в той же книге — антиледокольные изыскания университетских деятелей из Кельна, Берлина, Бонна, Эссена, Франкфурта, Геттингена, Тюбингена и пр. и пр.

Так разве все это — не критика? Разве не камнепад?

«Ледокол» я писал ради одного вопроса. Этот вопрос — в 26-й главе. Предшествующие главы — только прическа. Главный вопрос книги написал заглавными буквами. Для непонятливых я еще и приписал: вот он — центральный вопрос. Грядущих своих критиков просил на мелочи не расплываться, а брать барана за рога — отвечать на главный вопрос. Сейчас просто ради принципа вопрос не повторяю — тот, кто книгу читал, знает, о чем речь. Так вот: в сотнях статей, в 47 антиледокольных докторских диссертациях, которые мне известны на сегодняшний день, в 32 опровергающих книгах, во множестве теле- и радиопередач ни один мой противник на поставленный вопрос не ответил. Скажу больше: ни один о центральном вопросе «Ледокола» словом не обмолвился. Так можно ли все эти изыскания считать критикой, если мои уважаемые оппоненты готовы спорить о чем угодно, только не о главном, если они придираются только к мелочам, но лихим маневром обходят центральный вопрос?

И еще: если ведущие мировые светила из институтов и университетов Лондона, Парижа, Тель-Авива, Мюнхена, Рима, Вашингтона, Эдинбурга, Бонна, Москвы, Берлина вот уже больше 20 лет горят желанием опровергнуть книгу, но не решаются даже упомянуть главный вопрос, поставленный в ней, то не является ли это свидетельством того, что «Ледокол» пробился?

Перчатка брошена. Два десятка лет ходят вокруг нее ученые синьоры, мистеры, господа, паны и товарищи, плюются, ругаются, шлют проклятия на мою бедную голову, объявляют меня опровергнутым, разбитым, утопленным, испепеленным, истребленным и по полу растертым, но перчатку так никто поднять и не решился. Уклонились от боя господа генералы и маршалы, премьеры, президенты и разведчики, журналисты и ученые.

Но письма идут. И новые ниспровергатели на бой вызывают. Весь Интернет исписали: выходи! Под телекамеры зовут: спорить будем!

А о чем, граждане, спорить? Это вам следует принимать мой вызов. Это вам следует ответить на тот центральный вопрос, который я написал заглавными буквами. Если вы главное обсуждать не решаетесь, то о чем спорить? А если вы «Ледокол» не читали и не знаете, что там за главный вопрос, то нам и подавно толковать не о чем.

3

Итак: орды моих оппонентов на битву меня зовут, но сами же от нее уклоняются. А уязвить, уколоть, укусить хочется. Потому нужен аргумент, который был бы, так сказать, за бортом «Ледокола». Нужен аргумент, который позволил бы противникам меня топтать, но при том не вязываться в спор по существу.

И ударило кому-то в голову: так не Суворов же открыватель! Он попросту повторил Геббельса! Это Геббельс все выдумал! Гитлеру требовалось оправдание вторжения, и вот рано утром 22 июня 1941 года Геббельс врал в микрофон... А Резун-Суворов повторяет.

Чудный аргумент. Палочка-выручалочка. Можно теперь меня фашистом объявить, о сути книги не споря. Не вдаваясь, так сказать.

Аргумент про Геббельса понравился. Аргумент подхватили. Аргумент повторяют. И звучит обвинение ужасно. Прикиньте, каково оказаться в одной упряжке с Геббельсом?

Но ужасным обвинение кажется только на первый взгляд.

Историю пишут победители. Потому так повелось: раз сказал Геббельс – значит, вранье. Из этого следует, казалось бы, неотвратимый вывод: а все, чем нас кормил кремлевский Агитпроп, – чистая, кристальная правда. И больше того: раз Гитлер агрессор, захватчик, поработитель, следовательно, мы – освободители. Гитлеризм – тьма, а у нас, как говаривал товарищ Сталин, – свет с востока.

Однако советская коммунистическая пропаганда, мягко говоря, особой правдивостью тоже не отличалась. Был у нас свой Геббельс. Звали его Александром Сергеевичем. Только не Пушкиным, а Щербаковым.

Так вот, сам Геббельс еще до германского нападения на Советский Союз считал: победить Александр Сергеевича на состязаниях брехунов крайне трудно. Уж больно талантлив был товарищ Щербаков. Британское агентство Би-Би-Си Геббельс ни во что не ставил: уровень не тот. А вот как победить кремлевского оракула?

Кстати, Александр Сергееич превосходил Геббельса уже своим титулом. Геббельс — министр *пропаганды*. Уже из самого этого титула следует, что задача его и подчиненного ему ведомства — гнуть угодную режиму линию, пропагандировать некие идеи, т.е. пудрить мозги широким народным массам.

А товарищ Щербаков — начальник Советского *информационного* бюро. Начальник бюро, которое распространяет информацию. Только факты и никакой пропаганды.

И во всем так. Газета «Известия». Извещаем о том, что случилось. И только. Или вот: газета «Правда». Правда она и есть правда. Чистый светлый родничок. Без мути и примесей.

У них символ СС — череп с костями, а у нас у чекиста на рукаве колосья зреющие. Из таких мелких камушков грандиозные мозаики складываются. Гитлер миллионы людей истребил, потому как злодей. А наши товарищи с горячими сердцами истребили еще больше. Но — ради прогресса. Потому сегодня по любым городам мира можно привольно гулять с серпом и молотом. Никто и в морду не плюнет. Это же не свастика. И чекисту памятник можно воздвигнуть на народные денежки. Это же не эсэсовец!

А ведь памятник чекисту — это хуже, чем памятник эсэсовцу. Эсэсовец — это зверь со стороны. Он истреблял тех, кого считал врагами. А чекист — это свой, доморощенный негодяй. Он истреблял все вокруг. Своих и чу-

жих. Десятками миллионов. И песня у него: «Не всех еще искоренили!»

И еще разница в том, что в Гестапо пытали ради того, чтобы выявить настоящих сообщников. А в НКВД пытали ради того, чтобы выполнить разнарядку — спущенный сверху план истребления. Чекист наперед знал, что пытает невиновных. Протоколы выдуманных признаний ребята с пылкими сердцами между собой называли «романами», а самых талантливых костоломов, вышибателей зубов, глаз и челюстей — «романистами». Вот из их-то рядов и вышел Александр Сергеевич Щербаков.

Записался он в партию большевиков в 1918 году. Поднимался вверх быстро, прыгая через десять ступеней, — товарищ Сталин самых талантливых видел за тысячи верст и действовал по принципу: молодым везде у нас дорога. Смертные приговоры в те героические времена выносили без суда. Расстрельные списки на местах составляли и подписывали так называемые «тройки». Состав «троек» всегда был стандартным — первый секретарь местной коммунистической власти, прокурор и главный местный чекист. Щербаков в составлении расстрельных списков проявил особую прыть. Лично подписал сотни таких списков, отправив без суда на смерть тысячи людей. За такое усердие в работе Сталин бросал Щербакова в прорыв, туда, где с объемом работ не справлялись. Только за 1937—1938 годы Щербаков побывал главным партийным воротилой, а следовательно, и главарем «тройки», в Ленинграде, в Восточной Сибири, в Донбассе, в Москве и Московской области.

Среди товарищей по работе уважением не пользовался. Даже Хрущев описывал характер Щербакова как «ядовитый, змеиный»¹.

Вот такого борца за светлые идеалы Сталин за полтора месяца до войны поставил во главе самой мощной идеологической машины мира.

Чтобы потом не возвращаться, сообщаю: Щербаков

умер вместе с войной. Был он запойным пьяницей. Пил он не просто много, а страшно много. 9 мая 1945 года на радостях по случаю победы нагрузился так, что в ночь на 10 мая ушел в мир иной, не дотянув до 45 лет. Лаврентий Павлович Берия про него сказал: опился и помер.

Но это нас занесло несколько вперед. Вернемся в 41-й год.

4

С 1922 по 1941 год Сталин не занимал никаких государственных постов. Он управлял всем, но ни за что не отвечал. Он был просто *секретарем* партии. А партия — это не государство и не правительство. Это просто союз единомышленников. И ничего более. Но 4 мая 1941 года Сталин в преддверии победоносной освободительной войны занял пост главы правительства, с тем чтобы иметь возможность Главный приказ своей жизни отдать не из-за кулис, а официально. В тот же день Сталин поставил Александра Сергеевича Щербакова на пост властелина и повелителя всех советских писателей, художников, композиторов, музыкантов, актеров, режиссеров, балетмейстеров, журналистов, редакторов, цензоров, канатоходцев и клоунов, футболистов и пловцов, иллюзионистов, поэтов и певцов и проч. и проч.

Под полный и нераздельный контроль Щербакова попали все творческие союзы, издательства, киностудии, театры и кинотеатры, цирки и стадионы, газеты, журналы, радиовещание и все прочее в этом роде. Должностей у Щербакова было много: секретарь ЦК, начальник Совинформбюро, в ходе войны — замнаркома обороны, начальник Главного политического управления и пр.

На фронте идеологической борьбы Щербаков развернулся во всю мощь. Правда, война пошла совсем не тем руслом. Но он справился.

Вот вам на пробу миниатюрный щербаковский шедевр — небольшой отрывок из сообщения Совинформ-

бюро от 22 августа 1941 года: «Только за последние три недели наши войска разгромили:

а) 3, 4, 7, 10, 11, 12, 13, 14, 16, 18, 19, 20-ю танковые дивизии...»

Учитывая, что на советско-германском фронте в 1941 году действовало 19 германских танковых дивизий, и принимая во внимание, что в другие недели германские танковые дивизии тоже несли потери, следует безоговорочно признать, что танковых войск (если верить Щербакову) у Гитлера к концу августа 41-го года не осталось.

В том же сообщении по пункту «б» Щербаков перечислил номера тридцати семи германских пехотных дивизий, полностью разгромленных за три недели августа.

По пункту «в» Александр Сергеич назвал 2, 8, 14, 17, 18, 20, 25, 27-ю мотодивизии, уничтоженные в августе. Всего их было 14. Если вспомнить июнь и июль, то не приходится сомневаться, что у Гитлера через два месяца боев мотодивизий тоже не сохранилось.

А там еще пункт «г» про дивизии СС и пункт «д» про отдельные полки разных дивизий.

Кое-что Гитлер, конечно, еще мог наскрести, однако «многие немецкие дивизии сохранили лишь свои номера».

Щербаков не унимается: «За два месяца боев германская армия потеряла убитыми, ранеными и пленными свыше двух миллионов человек... По уточненным данным, за два месяца войны немцы потеряли около 8000 танков, 10 000 орудий, свыше 7200 самолетов... В ожесточенных и непрерывных двухмесячных боях Красная Армия потеряла убитыми 150 тыс., ранеными 440 тыс., пропавшими без вести 110 тыс. человек, а всего 700 тыс. человек, 5500 танков, 7500 орудий, 4500 самолетов».

Сейчас-то мы знаем, что за два месяца боев была практически полностью разгромлена и пленена предвоенная пятимиллионная кадровая Красная Армия. А германские потери — по миллиону в месяц — это, мягко говоря, героические баллады Александра Сергеевича.

Вот такие документы ложились в архивы. Удивляюсь, почему ученые товарищи пишут свои умные книги без опоры на документы Щербакова?

5

Пока аргумент про Геббельса повторяли не самые главные, я молчал. Но вот заговорили люди с большими звездами на плечах: генерал-полковник Волкогонов — советник Президента России, генерал армии Гареев — заместитель начальника Генерального штаба, генерал-полковник Павлов — первый заместитель начальника ГРУ. И все — в один голос: эту версию не Резун-Суворов выдумал, это — Геббельс! Это его проделки!

Раз заговорила тяжелая осадная артиллерия, я вынужден отвечать.

Прежде всего, граждане генералы, я никогда себя открывателем не объявлял. Все, о чем пишу, лежало под ногами. И под вашими — тоже. Все, о чем пишу, было известно миллионам. Я просто назвал вещи своими именами. Сделал то, что мог сделать любой. Один из моих недоброжелателей сказал язвительно, что все, что содержится в «Ледоколе», у нас было «известно каждому, от пионера до пенсионера». Правильно сказано. Все так именно и было. Просто запуганные маршалы, генералы, адмиралы, премьеры и президенты, академики и доктора, пионеры и пенсионеры не решились говорить. А я решился.

Генерал-майор Ю. Солнышков заявил, что я никакого открытия не сделал, — все, о чем я рассказываю, известно и без меня². Проще говоря, все, о чем я говорю, — не выдумка, а всем известные избитые истины.

Браво, генерал!

Но из вашего заявления, сэр, неумолимо следует, что и Геббельс не врал и не открывал ничего нового. Он только сказал нечто очевидное и само собой разумеющееся. Он сказал то, что в нашей стране знали все;

включая тех самых генералов с академиками, пионерами и пенсионерами. Выходит, Геббельс не лгал, а всего лишь поведал миру то, что всем было известно до него и без него.

А если Геббельс что-то выдумал, если соврал, то следовало его, прохвоста, разоблачить. Но удивительное дело: Геббельс не разоблачен.

До сих пор.

Нам говорили, что война была справедливой, отечественной, освободительной, великой, что гитлеровские волки напали на наше мирно жующее стадо без всякой причины и без объявления войны, оправдывая свое вероломство выдумками брехливого Геббельса.

Коль так, то следовало выдумки опровергнуть: вот слова этого путаника — и это лживые слова! Вот тут он соврал, тут и тут. С разоблачений Геббельса следовало начинать любое исследование о войне, этими разоблачениями следовало открывать официальные шеститомники и двенадцатитомники. Если на нас напали, прикрываясь фальшивым предлогом, то главная задача советского правительства, правящей партии, идеологического аппарата, дипломатии, разведки, Генерального штаба, историков, ветеранов, пропагандистов и агитаторов заключалась в том, чтобы фальшивый повод к войне опровергнуть. Но нет. Никто в нашей великой стране, никто за ее пределами заявлений Геббельса не разоблачил и не пытался разоблачать.

Геббельс — мерзавец. Геббельс — преступник, один из величайших в истории. Геббельс — лжец, сын лжи и ее отец. Имя его стало нарицательным: врет, как Геббельс. Но почему же речь Геббельса, произнесенная в микрофон утром 22 июня 1941 года, у нас не опубликована как образец злобных вымыслов? Почему эти вымыслы не избличены? Почему наша историческая наука молчит? Почему не опровергает и даже не комментирует?

Меня это удивляет.

А вас, граждане генералы?

Да вовсе и не Геббельса надо опровергать. Геббельс выступил с заявлением по радио 22 июня 1941-го в 5.30 утра. А за полтора часа до этого выступления, ровно в 4 утра, имперский министр иностранных дел И. фон Риббентроп вручил заместителю народного комиссара иностранных дел, полномочному представителю СССР в Германии Владимиру Даканозову меморандум, в котором были изложены причины нападения Германии на СССР. Вручение этого меморандума и явилось актом объявления войны.

О том, что меморандум был вручен, и именно в 4 утра, мы теперь знаем благодаря научному подвигу мужественного историка Юрия Георгиевича Фельштинского. Это он разыскал соответствующие документы и еще в 1983 году опубликовал их в сборнике «СССР—Германия 1939—1941».

Нас десятилетиями приучали к формуле «вероломно без объявления войны», а теперь даже «Красная звезда»³ вынуждена признать: Германия войну объявила.

Правда, интересно: нам говорят о выдумках Геббельса, но ведь Геббельс всего лишь агитатор, пусть и очень высокого ранга, вроде нашего Щербакова. Наше внимание отвлекают на пропагандистское выступление Геббельса, оставляя в тени официальный документ Риббентропа.

Но и Риббентроп действовал не по своему хотению, а по приказу правительства Германии. Меморандум Риббентропа — не личные его проделки, не самостоятельность, а правительственный документ экстраординарной важности.

В чем же важность? Да в том, что нам объявили войну, в чем-то обвинив. И вручили официальную бумагу с обвинениями. Так неужели народ, потерявший в той войне десятки миллионов, не имеет права знать, в чем же его обвинили, по какой причине на него напали?

Возникают и другие вопросы. Почему нам полвека врали о том, что война не была объявлена? Почему ни-

когда не вспоминали тот самый меморандум? Кстати, где он сейчас? Почему нам его не показывают? Что в нем содержится?

Германия объявила войну и чем-то свои действия мотивировала. Если меморандум германского правительства содержит измышления и клевету, то эту ложь следует разоблачить. Почему это не сделано? В Интернете документ гуляет, в Президентском архиве сей документ пылится. Но правительство России его не публикует, не комментирует, не разоблачает и фальшивкой не обзывает.

7

Германия объявила войну Советскому Союзу и на десятках примеров свои действия объяснила как единственно возможные в сложившейся ситуации. Почему же никто на это не реагирует? Чем занимаются президент, Правительство России, Министерство обороны, Генеральный штаб, Министерство иностранных дел, Академия наук, Академия военных наук, Институт военной истории и прочие структуры со столь громкими именами? Почему молчали наши гениальные полководцы? Почему Жуков в своих мемуарах на много страниц расписывал переговоры делегаций СССР, Великобритании и Франции, к которым он никакого отношения не имел, но ни слова не сказал о том, что германское правительство, совершив нападение, чем-то свои действия обосновывало? Ведь к началу войны Жуков был начальником Генерального штаба, и ему — кому же еще? — надо было после войны давать отповедь брехунам, если в меморандуме германского правительства содержалось вранье.

И современные генералы притихли. Вас, ваших отцов и дедов обвинили в преступлении, а вы молчите. Десять лет молчите, двадцать, тридцать, пятьдесят, семьдесят...

Удивляет и другое: если война великая, справедливая, освободительная, то зачем хитрить? Зачем исказить правду, скрывать и прятать документы? И почему великая

война окутана, опутана, оплетена ложью? Почему наши правители извращали и продолжают извращать историю войны прямо с самого первого ее мгновенья, прямо с 4.00 утра 22 июня? Почему наши правители, описывая начало войны, заврались так, что превзошли самого Геббельса?

На все эти вопросы может быть только один ответ: на обвинения германского правительства, изложенные в меморандуме, товарищу Сталину и другим кремлевским товарищам возразить было нечего ни ранним утром 22 июня, ни десять лет спустя, ни двадцать, ни полвека...

Было бы что сказать в ответ, давно сказали бы.

Но крыть было нечем. Потому вместо возражений товарищ Сталин заявил, что Советский Союз ни в чем не виноват, обвинений ему никто не предъявлял, никакого меморандума он от германского правительства не получал. Тут же была введена в оборот ходовая формула «вероломно без объявления»...

И десятилетиями всех мастей Симоновы и Смирновы, Некричи и Шолоховы, Стаднюки, Карповы и Горьковы повторяли как заводные: без объявления, без объявления, без объявления... И тут же — недобрым словом крыли выдумки Геббельса. Но ни один из них ни одного раза не осмелился мертвому Геббельсу возразить. Вроде бы произнес имя Геббельса — этого и достаточно. Дальше можно ничего не объяснять — раз Геббельс, значит, вранье.

Как будто наш Александр Сергеевич меньше врал.

* * *

21 июня 1941 года, в последний день перед нападением, Геббельс не зря кручинился. Тягаться с Щербаковым ему было, право, не по плечу.

Империи Ленина и Гитлера — близнецы-братья. И там и тут ложь была тем связующим материалом, тем цементом, который превращал структуру в монолит.

Империя, которую создал Гитлер, рухнула и рассыпа-

лась в пыль. Одна из главных причин крушения: концентрация лжи была недостаточной.

Империя, которую создали Ленин, Троцкий, Дзержинский, живет и процветает, хотя и в урезанном виде.

У нас с концентрацией полный порядок.

Примечания

- ¹ Империя Сталина. Биографический энциклопедический словарь. Составитель К.А. Залесский. — М.: «Вече», 2000. С. 501.
- ² Независимая газета. 31.12. 1993.
- ³ 25 ноября 1998.

*Александр Гогун**

СЪЕЗД ВОИНСТВУЮЩИХ

Надо форму убрать, а существо, все, что изложено, преподать людям, тогда наши люди будут знать, в чем дело. Надо открыто написать.

И. Сталин, апрель 1940 года

Современные советологи, к сожалению, не слишком много обращают внимания на изучение истории компартии — таковая даже еще и не написана в виде отдельной работы. Понятно, почему в свое время соответствующая дисциплина выработала у думающей части студентов и профессоров стойкое презрение и отвращение, автоматически передавшееся младшему поколению коллег. Однако предмет этот заслуживает изучения — именно в этой организации принимались все наиболее важные решения, именно она, а не государственные структуры вроде ВЧК-КГБ или Совнаркома, задумывала и творила историю.

В том числе и внешнюю политику.

Для примера, подтверждающего данный тезис, обратимся к событию, происходившему в Москве в преддверии Второй мировой войны, — XVIII съезду ВКП (б)¹. Читателю его стенограммы трудно отделаться от мысли, что главная угроза для мира исходила из столицы мирового

* Александр Гогун — петербургский историк, специализируется на вопросах участия СССР во Второй мировой войне.

пролетариата, а не из Берлина, Токио или Рима. Предыдущий, XVII съезд в советской историографии называли съездом победителей, поскольку он проходил по завершении коллективизации. Нынешние историки обычно называют XVII съезд съездом расстрелянных, поскольку проходил он перед террором 1937–1938 годов и большинство его делегатов было убито. По характеру речей и последствиям XVIII съезда — съезда сталинских выдвиженцев, пришедших на смену ленинской поросли, его можно смело называть съездом воинствующих.

Проанализировав речи выступавших, можно выделить два основных мотива, которые отличали этот съезд от последующих и предыдущих:

— глубокое удовлетворение в связи с окончанием Великой чистки 1937–1938 годов как завершающего этапа построения социализма в отдельно взятой стране;

— особенно сильное желание всех присутствовавших перенести это строительство в другие страны.

Как ни странно, речь Сталина на этом съезде отличалась наименьшей свирепостью и воинственностью. Основной мотив его выступлений — успехи в деле строительства социализма. И опасения, так как новая империалистическая война стала фактом².

Разумеется, не обошел вождь внешнеполитические акции ведущих мировых держав, осуждая Италию, Германию и Японию за агрессивность, а Англию, Францию и США за политику невмешательства. В политике невмешательства сквозит стремление, желание не мешать агрессорам творить свое черное дело, не мешать, скажем, японцам впутаться в войну с Китаем, а еще лучше с Советским Союзом, не мешать, скажем, Германии увязнуть в европейских делах, впутаться в войну с Советским Союзом, дать всем участникам войны увязнуть глубоко в тине войны, поощрять их в этом втихомолку, дать им ослабить и истощить друг друга, а потом, когда они достаточно ослабнут, выступить на сцену со свежими силами, выступить, конечно, в интересах мира и продиктовать

ослабевшим участникам войны свои условия. И дешево, и мило!³

Фактически в этой речи Сталин наметил основы своей внешней политики на ближайшие несколько лет. 23 августа с Германией был подписан пакт о ненападении и разделе Европы. 1 сентября гитлеровские войска ворвались в Польшу и в течение первой половины этого месяца поставили ее на грань поражения. А 17 сентября Красная Армия освободила восточную часть Польши с незначительными потерями. Этой акцией Советский Союз нарушил сразу 5 подписанных ранее международных соглашений, включая договор о ненападении⁴. Этому Сталиным заранее было дано теоретическое оправдание. Подорвав основы послевоенного мирного режима и опрокинув элементарные понятия международного права, война поставила под вопрос ценность международных договоров и обязательств. Пацифизм и проекты разоружения оказались похороненными в гробу. Их место заняла лихорадка вооружения⁵.

Надо заметить, что и с Японией в 1945-м дело было окончено почти по тому же польскому сценарию, с таким же нарушением пакта о нейтралитете.

Речь Лаврентия Берии на этом съезде не отличалась большим количеством угроз и особенной свирепостью. После кровавой ежовщины назначение Лаврентия Берии на пост наркома внутренних дел многим в то время показалось признаком некоей либерализации. Из лагерей выпустили часть посаженных в 1937–1938 годы, расстреливать и сажать стали гораздо меньше. Характерно, что в стенограммах гораздо больше места занимают речи о внешней политике, чем о троцкистах и шпионах. Даже в словах Берии сквозит некая направленность вовне — подчеркивается необходимость укреплять внешнюю разведку.

Из всех агрессивных выступлений особенно запоминаются речи военных.

Нарком обороны Клим Ворошилов дал развернутый анализ роста качества и количества Красной Армии, обращая особое внимание на ее возросшие наступательные свойства и рост наступательных вооружений (авиация, танки, артиллерия). Затем последовал ряд приветствий съезду от представителей родов войск — все они дышали воинственностью. Относительно невысокие чины выступавших дают основание предположить, что они сами, скорее всего, речей себе не составляли, во всяком случае, редактировали их выступления люди более высокого ранга в советской иерархии.

Как писал историк сталинизма Абдурахман Авторханов, «не умея импровизировать, он (Сталин) вообще запретил на съездах партии вольное ораторское искусство. Каждый оратор должен был выступать по заранее представленному в ЦК написанному тексту»⁶.

Таким образом, приветствия демонстрируют общее направление генеральной линии партии.

Наименьшей агрессивностью отличалось приветствие съезду от пограничников (погранвойска, как известно, обычно предназначаются для защиты государственных рубежей). Но из относительно мирной речи Героя Советского Союза лейтенанта погранвойск НКВД Чернопятко звучала недвусмысленная угроза:

«Пусть жалкие козявки ползают под ногами у советского слона.

Пусть беснуются фашистские мракобесы вокруг советских границ.

Пусть злится враг и злобу ширит

И новых войн сплетает нить, —

Нет сил таких и в целом мире,

Чтоб нас могли остановить.

Для каждого сумасшедшего мракобеса мы найдем смирительную рубашку!»⁷ Призванные останавливать агрессоров, пограничники здесь явно выступают в чужом амплуа — в выступлении речь идет о том, что это

враг хочет остановить советских пограничников! Но ему это не удастся.

Из дальнейшей карьеры чекиста-пограничника Чернопятко ясно, что он хорошо понимал советскую военную теорию и практику. В годы советско-германской войны он служил в Главном управлении пограничных войск НКВД и в 1948 году получил звание майора.

От военно-морского флота съезд приветствовал младший командир линкора «Октябрьская революция» Г. Мыльников: «Советский народ строит самый сильный в мире военно-морской флот. Этот флот является составной частью героической непобедимой вооруженной силы великого Советского Союза. Этот флот способен громить врага в любом море, в любом океане при любом сочетании вражеских сил. (*Аплодисменты.*)»⁸. СССР действительно строил в те годы самый сильный в мире флот с огромным количеством подводных лодок. На 40-е годы была намечена и программа постройки сверхмощных линкоров. Гитлеровское вторжение сорвало эти грандиозные замыслы. Но желание младшего командира Мыльникова громить врага в любом море говорит о многом.

«Вся эта несокрушимая сила (Красного флота. — *А.Г.*) готова по первому зову партии, по приказу Советского правительства вместе с Красной Армией обрушиться на врага и разгромить его»⁹.

Это желание присутствовало и в приветственной речи от кавалерии батальонного комиссара А. Нерченко: «Красный кавалерист знает и готовится к тому, чтобы наших врагов рубать на их же территории. (*Бурные аплодисменты.*) (...)

Наши кони сыты и быстры.

Наши клинки остры.

Наши механизированные боевые средства: танки, пушки, пулеметы — в полном порядке и в постоянной боевой готовности!

Наши славные бойцы — лихие красные конники, сыновья и братья героев Гражданской войны — в мгновение

ока по первому слову приказа готовы ринуться на любого врага»¹⁰.

По первому слову приказа начинается агрессия. Для начала оборонительной войны приказа не требуется.

Через 5 месяцев советская (фактически механизированная) конница вместе с остальными частями РККА по первому слову приказа нанесла внезапный удар в спину сражающемуся с нацистами Войску Польскому.

От танкистов съезд приветствовал Герой Советского Союза полковник Алексей Панфилов (однофамилец знаменитого Ивана Панфилова, прославившегося и погибшего в сражении под Москвой): «Мы, танкисты, заверяем XVIII съезд большевистской партии... что наши танки в полной боевой готовности. (*Аплодисменты.*)

Мы всегда готовы на удар врага ответить двойным всесокрушающим ударом. Сталин — наше знамя! Под этим знаменем советские танкисты ринутся в бой вперед за коммунизм. (*Шумная овация всего зала.*)»¹¹

Свои внешнеполитические акции коммунисты обычно прикрывали фразами о защите Отечества. А здесь, по словам Панфилова, советские танкисты собираются ринуться в бой не за Родину, а за коммунизм, и именно эти слова вызвали шумную овацию всего зала. Позже полковник Панфилов отлично воевал, в 1945 г. стал дважды Героем Советского Союза, дослужился до генеральских звезд, но его фраза о том, что мы готовы на удар врага ответить двойным всесокрушающим ударом, в свете последующих событий выглядит несколько нелепой. Через 8 месяцев после съезда воинствующих финские белобандиты нанесли удар по Советскому Союзу в районе деревни Майнила. И незамедлительно последовал ответный удар советских танковых войск, которые количественно в десятки раз превосходили финляндские танковые войска. Позже в ходе кампании советские танковые войска опять были количественно увеличены более чем в 5 раз. После германского вторжения 22.06.41 РККА ответила рядом разрозненных ударов, не принесших должного ре-

зультата, но количественно советские танковые войска в 6 раз превосходили бронетанковые силы, брошенные в июне 41-го против Советского Союза.

От летчиков Красной Армии съезд приветствовал Герой Советского Союза (эта награда была ему присуждена в 1937 году за бои в небе Испании) комбриг Сергей Денисов: «Мы, летчики, хорошо поняли исторический доклад т. Сталина на XVIII съезде партии и его слова о капиталистическом окружении. И если фашистские любители чужого добра осмелятся напасть на мирный труд нашего 170-миллионного народа... — на крыльях Советов мы понесем смерть фашистским поработителям, понесем свободу и счастье рабочим стране агрессоров. Мы сделаем все, чтобы полностью стереть с лица земли зарвавшихся империалистов и отучить этих господ от наглых агрессий против нашей Родины»¹².

В данном отрезке выступления издатели стенограммы по какой-то причине удалили часть выступления Денисова и выделили курсивом его слова о свободе и счастье для рабочих из стран-агрессоров.

После этой верноподданнической речи карьера Денисова пошла вверх с головокружительной быстротой: в советско-финляндскую войну он командовал ВВС самой сильной в то время в СССР (если не в мире) 7-й общевойсковой армии. Через 8 месяцев после произнесения процитированной речи авиация под его командованием наносила контрудар по Финляндии. На крыльях Советов она несла смерть не только финским солдатам, но и мирным жителям страны Суоми. Во время советско-финляндской войны на Хельсинки был совершен ряд авианалетов, во время которых пострадали и рабочие районы, о чем было позже доложено в Москву финскими коммунистами¹³. Свободу и счастье рабочим авиация Денисова принесла и в Выборг — целые кварталы этого города были превращены в щебень. Даже Сталин выразил особое удовлетворение масштабами разрушений в Выборге. 21 марта 40-го года Денисов стал дважды Геро-

ем Советского Союза за успешное руководство боевыми действиями ВВС 7-й армии при прорыве линии Маннергейма. При переаттестации высшего командного состава в мае 1940 же года он становится генерал-лейтенантом. В 1944 году, после ряда успешных действий на фронтах советско-германской войны, переводится в Главный штаб ВВС КА, где и работает до 1947 г.

От советской артиллерии, в то время мощнейшей в мире, съезд приветствовал майор Т. Ростунов: «Спасибо советскому народу за то, что он вооружил нас могучей и непобедимой техникой!

Сталинские артиллеристы заверяют XVIII съезд большевистской партии, мы выполним долг перед родиной. Орудия и снаряды, которые дает нам страна, мы употребим умело и с пользой для советской родины. Наша артиллерия — артиллерия наступательного действия. Ураганом ворвется Красная Армия во вражескую землю и убийственным артиллерийским огнем сметет врага с лица земли. *(Продолжительные аплодисменты.)*»¹⁴

17 сентября 1939 года РККА ворвалась в Польшу, но случаев массового применения артиллерии не было, так как деморализованное к тому моменту Войско Польское, получив приказ не сражаться с РККА, оказывало разрозненное сопротивление, его солдаты массами сдавались в плен.

Все же артиллеристы и тут сослужили свою службу. Под угрозой разрушения Львова советскими орудиями гарнизон города сложил оружие¹⁵.

Другой характер носило применение артиллерии в войне с Финляндией. По линии Маннергейма советские войска выпустили гигантское количество снарядов, разрушив или повредив все основные укрепления. По некоторым данным, в финской армии появился даже новый тип госпиталей — для сошедших с ума от канонады.

Таким образом, слова о наступательном характере советской артиллерии, произнесенные майором Ростуновым на XVIII съезде партии, более чем верны.

Знаменитый полковник Александр Родимцев, тогда уже Герой Советского Союза (присвоили 22.10.37 за участие в войне в Испании), будущий защитник Сталинграда, будущий дважды Герой Советского Союза (1945), будущий генерал-полковник, приветствовал съезд от стрелковых родов войск: «Наш стрелковый корпус — это 79 тысяч кг металла в минуту, это — огненный шквал, могучий залп, какого не могут дать корпуса распоясавшихся агрессоров. *(Продолжительные аплодисменты.)*»¹⁶

Следует заметить, что 79 тонн смертоносного металла в минуту — не предел огневой мощи красных стрелковых корпусов. В сентябре 1939 года стрелковые корпуса Красной Армии, и без того самые мощные в мире, были резко усилены путем добавления в стрелковые дивизии и корпуса артиллерийских батарей и целых артполков.

Зачем могут использоваться стрелковые корпуса с самой большой в мире огневой мощностью? Зачем, если даже корпуса таких агрессивных стран, как Германия и Италия, не могут дать такого залпа? Зачем такие мощные корпуса, если для обороны нужно гораздо меньше сил, чем для наступления?

Родимцев продолжил: «Товарищи! Мы — люди военные и живем по уставам. В нашем боевом пехотном уставе сказано, что во время наступления командир отделения должен действовать смело, не оглядываясь назад, помня, что его успех будет обязательно поддержан всем взводом и соседями.

В грядущих сражениях с врагами нашей родины Красная Армия, как гигантское боевое отделение советского народа, будет смело и победно наступать согласно своему боевому уставу на территорию нашего врага. Она будет наступать, не оглядываясь назад...»¹⁷

Эти слова оказались пророческими: спустя 5 месяцев полковник Родимцев, принимая участие в захвате и оккупации восточной Польши, смело и победно наступал, не оглядываясь назад.

Совершенно ясно, что XVIII съезд ВКП(б) проходил

как хорошо отрепетированный спектакль, в котором Сталин был режиссером. Речами и атмосферой этого съезда Сталин и его ближайшие соратники дали понять партии и стране: Советский Союз готовит большую войну.

Потом, после марта 1939 года, началось быстрое наращивание вооружений, продолжался медленный рост численности армии. Потом были бои у Халхин-Гола, пакт о ненападении и раздел Восточной Европы, и первого сентября 1939 года «Правда» объявила о начале мобилизации. Потом были вторжения в восточную Польшу и в Финляндию, оккупация Прибалтики и Бессарабии...

Но это была уже несколько другая история — история Второй мировой войны — практического воплощения в жизнь идей и лозунгов XVIII съезда.

Примечания

- ¹ XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М., Госполитиздат, 1939. Далее в тексте ссылки на эту публикацию. Курсив в цитатах авторский.
- ² Там же, с. 13.
- ³ Там же.
- ⁴ Лебедева Н. С. Катюнь: преступление против человечества. — М., 1996, с. 20.
- ⁵ XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. — М.: Госполитиздат, 1939, с. 14.
- ⁶ Авторханов А. Мемуары. — Frankfurt/Main, 1984, с. 224
- ⁷ XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. — М.: Госполитиздат, 1939, с. 503.
- ⁸ Там же, с. 504.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же, с. 505.
- ¹¹ Там же, с. 506.
- ¹² Там же, с. 507.
- ¹³ Коминтерн и Вторая мировая война. Часть I. До 22 июня 1941 г. — М., 1994, с. 386.
- ¹⁴ XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. — М.: Госполитиздат, 1939, с. 508.
- ¹⁵ Лебедева Н.С. Там же. С. 26–28.
- ¹⁶ XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. — М.: Госполитиздат, 1939, с. 509.
- ¹⁷ Там же, с. 510.

*Д.Г. Наджафов**

ОБ ИСТОРИКО-ГЕОПОЛИТИЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКОГО ПАКТА 1939 ГОДА

В радикальных переменах в мире, происшедших вследствие распада Советской империи, прослеживается исторически обозримая линия взаимосвязи с геополитическим курсом, на который решился Советский Союз, заключив в 1939 г. пакт с нацистской Германией. *Линия причинно-следственной связи*, обнаружившая себя столь разительным образом через десятилетия.

Притом наследие советско-германского пакта этим не исчерпывается. С учетом как его непосредственных, так и долговременных последствий, включая анализ роли пакта в геополитических категориях исторического уровня, оно шире. Охватывая Вторую мировую войну, образование подконтрольной СССР «мировой социалистической системы», складывание биполярных международных отношений в холодной войне и, наконец, скоротечную дезинтеграцию коммунистической евразийской империи. Во всех этих судьбоносных явлениях XX века сказалось, так или иначе, воздействие пакта *как системного геополитического фактора*. С одной стороны, окончательно

* Джангир Гусейнович Наджафов – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН. Эта статья впервые опубликована в журнале «Вопросы истории», № 12, 2006.

обозначившего классовые параметры противостояния двух систем, инициированного Октябрьской революцией 1917 г в России. С другой — приблизившего сроки исхода антагонизма между западным капитализмом и советским коммуно-социализмом.

Без советско-германского пакта 1939 г, одномоментно и круто изменившего в преддверии Второй мировой войны баланс сил в Европе, последующий международный событийный ряд и на Европейском континенте, и за его пределами имел бы иной вид. В этом *гипотетическом* случае изменилась бы ориентация всей мировой политики. Впрочем, случилось то, что было, можно определенно утверждать с исторической дистанции, *запрограммировано* геополитическим соперничеством великих держав. И более всего — международной стратегией нацистской Германии и коммунистического Советского Союза, их маниакальным стремлением к переустройству мира на свой лад. *К военно-силовому переустройству*. Причем у СССР с его антикапиталистической, классово-имперской стратегией и противников было больше, и намерения шли дальше. Советский вызов существующему миропорядку воплощали самые пропагандируемые классовые лозунги: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» и «За победу рабочего класса во всем мире!»¹

Дважды международные последствия советско-германского пакта были наглядно-взрывными, с последующим критическим ускорением хода событий и сменой де-факто вектора мировой политики.

Первый раз — когда пакт избавил гитлеровскую Германию, изготовившуюся нападением на Польшу инициировать всеобщий вооруженный конфликт в Европе, от кошмара войны на два фронта. Проигранная Первая мировая война доказала обреченность для Германии одновременного ведения войны и на западе, и на востоке континента. Добившись в результате сделки со Сталиным решающего военно-стратегического перевеса, Гитлер более чем укрепился в своем намерении напасть

на Польшу, оказавшуюся таким образом в фактической изоляции, чему нацистский диктатор придавал решающее значение².

Если Мюнхен принято считать *поворотом* к войне, то советско-германский пакт означал *пересечение* рубежа необратимости в вопросе войны или мира — через несколько дней началась Вторая мировая война 1939—1945 годов, но впоследствии наиболее пострадавшей стороной стал как раз Советский Союз, вынесший на себе основное бремя войны и понесший не виданные ни в одной из прежних войн многомиллионные людские потери. Однако для В.М. Молотова, подписавшего пакт вместе с нацистским министром иностранных дел И. Риббентропом (отсюда распространенное наименование «пакт Молотова—Риббентропа»), существеннее было то, что в итоге войны «Сталин стал во главе половины земного шара!»³.

Во второй раз наследие советско-германского пакта громко сказалось в 1989—1991 годах, когда взрывная волна от заложенной пактом «мины замедленного действия» (А.Н. Яковлев) распространилась такими мощными кругами, что вызвала, как и полвека до этого, еще одну структурную перестройку международных отношений. Детонатором разительных перемен послужило признание советской стороной — *публичное, на весь мир, впервые* — факта подписания вместе с пактом Секретного дополнительного протокола⁴, зафиксировавшего «в строго конфиденциальном порядке» советско-германскую договоренность «о разграничении сфер обоюдных интересов в Восточной Европе»⁵ и тем самым предопределившего незавидную участь целого ряда сопредельных с Советским Союзом малых восточноевропейских стран.

Безусловно, шумное раскрытие *самой большой из тайн* сталинской дипломатии — тайны Секретного дополнительного протокола⁶, существование которого столь долго и столь упорно отрицали все советские руководители, сыграло свою немаловажную роль в развале Советской

империи. Достаточно напомнить, каким абсолютно безнадежным делом оказались после официального объявления секретных договоренностей с нацистской Германией «юридически несостоятельными и недействительными с момента их подписания»⁷ попытки удержать от отпадения три прибалтийские республики, контроль над которыми Советский Союз установил в 1939–1940 годы по этим договоренностям. Мало того, народы, имевшие статус союзных советских республик, поспешили отделиться от России в поисках своей национально-государственной идентичности. Все республики – без исключения. Национальным меньшинствам, не имевшим союзного статуса, судя по трагедии Чечни, предстоит нелегкий путь в свободное будущее.

Однако тут требуется *оговорка принципиальной важности*. Наступившие решительные перемены в судьбах народов Советской империи были не спонтанно возникшими из-за разглашения Секретного протокола, а концом, громогласным финалом процесса, идущего издалека. Эти перемены потому и оказались столь глубинными по своему характеру, что явились итогом длительной исторической подготовки такой развязки. «Различные факторы, подготавливавшие российский кризис конца XX века, действовали в течение десятилетий, иные – в течение столетий»⁸.

В ряду таких долговременных факторов советско-германский пакт выделяется тем, что, вызвав *эффект домино*, он привел к череде необратимых глобальных изменений. Перемены в мире после Второй мировой войны, приведшие к развалу «мировой социалистической системы» и ее структур, как и конечному крушению Советской империи (Российской империи в коммунистическом варианте), были вызваны не столько Секретным протоколом (а тем более разглашением его тайны), сколько советско-германским пактом как таковым. Его, как показало время, *историко-геополитическими последствиями*⁹.

В связи с рассматриваемой в статье темой анализ причин провала переговоров СССР со странами Запада, которые велись весной и летом 1939 г. с целью организации противодействия агрессии в Европе, имеет большое значение. Позволяя вплотную подойти к постижению международной стратегии Советского Союза, приоритетных целей его предвоенного внешнеполитического курса.

Не вдаваясь в подробности этих переговоров (они достаточно документированы), ограничимся фактами самоочевидными. Советско-германский пакт был заключен в момент, когда политико-дипломатические переговоры с Англией и Францией, к середине августа 1939 г. вошедшие в стадию военных переговоров, еще продолжались. Не кто иной, как глава советской военной делегации на переговорах К.Е. Ворошилов заявил на следующий день после публикации в прессе текста пакта представителям западных стран — потенциальным участникам соглашения о коллективной безопасности, что «дальнейшие переговоры теряют всякий смысл»¹⁰. Как и рассчитывал на то Сталин, западным делегациям пришлось «ни с чем» покинуть советскую столицу¹¹.

Но как оценивать публичные заявления Кремля о том, что советско-германский пакт был следствием, а не причиной провала советско-западных переговоров?

Вот как объяснял неудачу советско-западных переговоров рупор сталинского руководства газета «Правда». В первую годовщину советско-германского пакта в передовой статье газета писала: «СССР стремился к осуществлению своих *государственных задач* в районах западных границ нашей страны и к укреплению мира, а англо-французская дипломатия — к игнорированию этих задач СССР, к организации войны и вовлечению в нее Советского Союза»¹². Осуществления каких «государственных задач» вдоль своих западных границ добивался Советский Союз? И почему западные деятели не видели связи между интересами внешней политики СССР и «укреплением мира»?

Предоставим слово Молотову, разделяющему со Сталиным ответственность за предвоенную советскую внешнюю политику: «Мы вели переговоры с англичанами и французами до (?) разговора с немцами: если они *не будут мешать* нашим войскам в Чехословакии и Польше, тогда, конечно, у нас дела пойдут лучше. Они отказались...»¹³ Не менее откровенен Сталин: «Мы предпочитали (?) соглашение с так называемыми демокр[атическими] странами и поэтому вели переговоры. Но англичане и французы хотели нас иметь в батраках и притом за это ничего не платить! Мы, конечно, не пошли бы в батраки, и еще меньше ничего не получая»¹⁴.

Разумеется, никакого предпочтения переговорам с западными странами не отдавалось. Ведя гласные переговоры с ними и *одновременно* негласные «разговоры» с Германией, сталинское руководство хотело выжать максимум из выгод своего третьейского положения. Из ситуации, когда обе стороны близкого военного конфликта — и демократические Англия с Францией, и нацистская Германия — добивались советской поддержки. Если западные страны нуждались в советской военной помощи, то для Германии важно было, нейтрализовав СССР, выиграть время.

Завершение перегруппировки основных мировых сил, за исключением Советского Союза — последней неангажированной мировой державы, априори повышало его шансы как силы, способной склонить чашу весов в ту или иную сторону. В поступавших в Москву донесениях советских дипломатов из европейских столиц можно найти немало данных о том, что чем больше возрастала напряженность на континенте, тем большее значение придавалось выбору СССР. Из Берлина советское полпредство сообщало о распространенном мнении в дипломатических кругах немецкой столицы, которое сводилось к тому, что масштабная война в Европе начнется лишь тогда, когда прояснится все еще неопределенная советская позиция. Но никак не раньше¹⁵.

Выжидательная тактика Советского Союза, сохранявшаяся вплоть до начала войны, не могла не отразиться на исходе советско-западных переговоров. По целому ряду причин, среди которых и более чем малоудачный опыт советско-западных взаимоотношений в прошлом, а главное — из-за классово-имперского курса Советского Союза, провал его переговоров с Англией и Францией был предсказуем.

В период между двумя мировыми войнами Сталин то и дело клеймил Англию и Францию как застрельщиков антисоветской политики. После кратковременного периода середины 1930 годов, когда была *продекларирована* советская приверженность идее коллективной безопасности, антизападная пропаганда стала снова набирать обороты. Устами Сталина странам Запада за их внешнюю политику предрекалось то «историческое возмездие» (сентябрь 1938 г.), то «серьезный провал» (март 1939 г.)¹⁶. Придерживаясь канвы событий, приходится признать, что участие Советского Союза в коалиции с западными демократиями оказалось вынужденным. Правители в Кремле рассматривали войну с нацизмом *исключительно* под углом укрепления позиций социализма в мире. Великой Отечественной войной она стала для простых советских людей, отстаивших себя и свои семьи, свои дома, свою родину¹⁷.

В разгар войны, при обсуждении на Политбюро в 1943 г. киноповести А.П. Довженко «Украина в огне», Сталин обвинил кинорежиссера в «непонимании» того, что идущая война «есть также война классовая»¹⁸. Заключением советско-германского пакта, по его словам, «удалось вовремя сорвать намечавшийся военный блок империалистических государств, направленный против СССР»¹⁹.

Такое представление о международном развитии в предвоенный период Сталин закрепил при редактировании «Фальсификаторов истории», внося в текст этой брошюры отдельный абзац с сопоставлением советско-

германского пакта с Брестским миром. В обоих случаях, как при рождении советского государства, так и двадцатью годами позже, решающими оказались классовые мотивы. В сталинской интерпретации, «Советский Союз оказался вынужденным заключить пакт с немцами ввиду той же (как и в 1918 г. — *Автор*) враждебной политики Англии и Франции»²⁰. Лица из сталинского окружения в своих воспоминаниях утверждают, что так оно и было — существовала реальная угроза сплочения «империалистов» против Советского Союза²¹.

Но действительно ли в Кремле опасались нового похода «14 государств» против страны социализма? Более чем сомнительно.

Во-первых, в официальных заявлениях и Сталина, и Молотова, действовавших тандемом в вопросах внешней политики, неизменно делался акцент на то, что германская агрессия направлена *скорее* против стран Запада. Одно из заявлений подобного рода было сделано всего лишь за три месяца до начала войны. Глава советского правительства Молотов оценил подписание 22 мая 1939 г. между Германией и Италией военно-политического договора как их отказ от «антикоминтерновской шумихи», которая «сыграла в свое время известную роль для отвлечения внимания». И продолжил: «Теперь агрессоры уже не считают нужным прятаться за ширму... Зато государственные деятели и печать Германии и Италии определенно говорят, что этот договор направлен именно против главных европейских демократических стран»²².

Во-вторых, советско-германский пакт был заключен во исполнение настойчиво повторяемых заявлений о том, что в своей внешней политике Советский Союз исходит из своих государственных интересов и только из них. Этим интересам, по мнению Сталина и его окружения, как раз и отвечал пакт. Подчеркивая взаимовыгодность пакта, говорилось на самом высоком уровне: это соглашение «устранило возможность трений в советско-германских отношениях при проведении советских

мероприятий вдоль нашей западной границы и вместе с тем обеспечило Германии спокойную уверенность на Востоке»²³. Через месяц после пакта и в его развитие было подписано еще одно двустороннее соглашение — Договор между СССР и Германией о дружбе и границе от 28 сентября 1939 г.²⁴. Внося разлад в стан «враждебного капиталистического окружения» (с дальним прицелом дипломатии Кремля), эти договоры имели и прикладное назначение — «возвращение» с немецкой помощью утраченных в годы Первой мировой и Гражданской войн земель Российской империи. Как известно, в 1939–1940 годах удалось прирастить территорию СССР за счет части Финляндии, трех прибалтийских республик, восточных районов Польши, Молдавии с Северной Буковиной.

Предпосылок и условий для советско-германских договоренностей, воплотившихся в пакте, было несравнимо больше, чем для успешного завершения переговоров СССР со странами Запада.

Прежде всего Германию и СССР объединило их общее ущербное международное положение после Первой мировой войны, разделившей Европу на страны-победители и страны-побежденные. В.И. Ленин, отмечая тяжесть обязательств Германии по Версальскому мирному договору, предвидел, что в создавшихся условиях она «толкается на союз с Россией»²⁵. Сталин пошел дальше, подчеркивая геополитическую составляющую их взаимного тяготения. В беседе с английским послом Р.С. Криппсом (летом 1940 г. — после капитуляции Франции!) он говорил о том, что стремление «изменить старое равновесие сил в Европе, которое действовало против СССР... послужило базой для сближения СССР с Германией»²⁶.

Были и иные основания для сближения двух стран — опять-таки в противовес Западу. Характеризуя Рапалльский договор 1922 г. как попытку Германии и СССР «сообща ослабить путы, навязанные державами-победительницами», немецкий исследователь истории взаимоотношений двух стран Х. Таммерман продолжает: дого-

вору «была присуща и определенная *основополагающая*, имевшая социокультурную подоплеку антизападная направленность...»²⁷.

Наконец, с первых дней Советской России у ее коммунистических руководителей были свои специфические планы в отношении Германии и той роли «ледокола» мирового революционного процесса, которую она якобы призвана была сыграть в обозримом будущем. Академик Е.Л. Фейнберг вспоминал праздничные демонстрации в Москве 1920-х годов с лозунгом на транспарантах «Советский серп и немецкий молот объединят весь мир»²⁸.

С объявлением Гитлером похода против большевизма двусторонние отношения быстро ухудшались. Сталин, однако, полагал, что рано или поздно ему удастся найти общий язык с Гитлером. Согласие последнего в мае 1933 г., после почти двухлетних проволочек, на продление советско-германского (Берлинского) договора 1926 г. Сталин вполне мог оценить как позитивный сигнал²⁹. С советской стороны, давал он знать на партийном съезде в январе 1934 г., нет препятствий к восстановлению прежних, доверительных отношений — возврату к практике, «получившей отражение в известных договорах СССР с Германией»³⁰. На переговорах в Москве в сентябре 1939 г. Сталин заверял Риббентропа, что «*основным элементом советской внешней политики всегда было убеждение в возможности сотрудничества между Германией и Советским Союзом*»³¹. Не ограничиваясь этим, подчеркнул: «Советское правительство в своей *исторической концепции* никогда не исключало возможности добрых отношений с Германией»³².

Западноевропейские деятели задолго до советско-германского пакта считались с возможностью тесного сближения СССР с Германией, несмотря на острое идейно-политическое противостояние между ними. Приведем один из таких примеров.

В марте 1935 г. Сталин получил очередное разведывательное сообщение, которым придавал первостепенное

значение. Оно было основано на документах МИД Франции, составленных в связи с миссией в Париж министра иностранных дел Англии А. Идена. На нем пометы: «Важно (правдоподобно)» и «Мой архив»³³.

Приведем ту часть агентурного сообщения, которую подчеркиванием выделил из всего документа Сталин:

«По мнению министра иностранных дел Франции П. Лаваля, совершенно ошибочно рассматривать СССР и гитлеровскую Германию как держащих друг друга в страхе, разрешая таким образом западным державам мирно извлекать пользу из этой враждебности. Германосоветская враждебность вовсе не является неизменным фактором международной политики, на котором можно было бы базировать политику на длительный срок. Похоже даже на то, что в этой враждебности есть известный расчет и что Германия пытается вовлечь Францию в торг, при котором СССР был бы предоставлен Германии. Добившись от Франции свободных рук в отношении СССР, Германия смогла бы очень хорошо сговориться с СССР к невыгоде Франции»³⁴.

Советское руководство крепко уверовало в решающую роль в европейской и даже мировой политике советско-германского согласия. В послевоенный период, в условиях холодной войны, сталинское руководство, видимо, не прочь было попытаться вновь разыграть германскую карту в геополитической игре на континенте, противопоставляя Германию странам Запада. При создании Германской Демократической Республики в октябре 1949 г. Сталин вспомнил о довоенных советских намерениях в отношении Германии, назвав образование ГДР «поворотным пунктом в истории Европы»³⁵. Повторив еще более завышенную оценку, которую дал Молотов советско-германскому пакту 1939 г. при его ратификации — как «поворотному пункту в истории Европы, да и не только Европы»³⁶.

Вышеизложенное возвращает нас к проблеме ответственности за Вторую мировую войну, которая вновь и

вновь требует исследовательского внимания. *Как точка отсчета последующего исторического времени.* Воздействие мировой войны оказалось столь устойчиво-длительным, что период, характеризующийся как послевоенный, растянулся на многие годы, а ее последствия сказываются по настоящее время.

В период всего существования Советского Союза в его политике сохранялись приоритетные для него классовые и имперские цели. Обусловленные противостоянием с *капиталистическим миром*³⁷ жесткие цели советской внешней политики и используемые для их достижения инструменты были одним из постоянных факторов международной напряженности.

Перед Второй мировой войной Сталин в своей внешней политике отнюдь не намерен был ограничиваться реакцией на события, вынуждаемый к этому решениями, принимаемыми в столицах великих капиталистических держав. Наоборот, он стремился играть самостоятельную и активную роль на международной арене, стараясь навязать странам «враждебного капиталистического окружения» свои правила игры во «второй империалистической войне», начавшейся, как он считал, уже в 1935–1937 годы. Понятно, что политико-дипломатические комбинации с участием СССР не могли не иметь временного, переходящего характера. Советско-германский пакт 1939 г., заключенный на десять лет, просуществовал менее двух лет. А советско-западные соглашения 1941–1945 годов были почти сразу сметены холодной войной.

Сменой в ходе войны одной коалиции на другую — *на договорных началах!* — Советский Союз продолжил свой предвоенный курс, основанный на использовании «межимпериалистических противоречий» и исключаящий предрешенный выбор союзников. Если сотрудничество с нацистской Германией — от торгово-экономического до военно-политического — объяснялось заинтересованностью Советского Союза в пересмотре государственно-территориального статус-кво, установленного в Европе

победителями в Первой мировой войне, то последующее его участие в Антигитлеровской коалиции, начавшееся с самозащиты от вражеского нашествия, отражало стремление к всемерному укреплению собственных державных позиций за счет стран «враждебного капиталистического окружения». С окончанием войны советские руководители ставили себе в заслугу то, что удалось, как им казалось, «как перед войной, так и в ходе войны... *правильно* использовать противоречия внутри лагеря империализма»³⁸.

Важнейшей частью проблемы ответственности за Вторую мировую войну является вопрос о ее *непосредственных инициаторах*. Здесь мы сталкиваемся с тайной Секретного дополнительного протокола к пакту, с загадочными обстоятельствами, его окружающими.

Казалось бы, после начала войны между Советским Союзом и Германией одна из сторон могла бы попытаться, разгласив тайну протокола, добиться политико-пропагандистского выигрыша, обвинив во всех смертных грехах бывшего «заклятого друга». Но ничего подобного не случилось. Что же оказалось весомее взаимной ненависти тоталитарных режимов, схватившихся не на жизнь, а на смерть?

Единственно правдоподобное объяснение этого поразительного факта — в том, что признанием тайного сговора за счет третьих стран, прежде всего за счет ближайшей жертвы — Польши, сговора за считанные дни до всеобщего европейского конфликта, снимался вопрос о том, *кто и как* развязал Вторую мировую войну. Развязал в целях перекройки политической карты Европы и в расчете на глобальные структурно-системные перемены в дальнейшем. Объяснение долгой одиссеи Секретного дополнительного протокола — в стремлении сохранить его тайну как можно дольше, отсрочить неотвратимый вердикт истории.

Все же, как уже подчеркивалось, дело было не столько в приложенном к пакту Секретном дополнительном протоколе, сколько в самом пакте. Возникший с самого

начала всеобщий интерес к закулисным маневрам, окружавшим заключение советско-германского пакта, и вероятным секретным договоренностям помимо объявленного соглашения как бы заслонил собой его подлинную роль³⁹. Вплоть до наших дней можно встретить суждения о том, что советско-германский пакт как таковой вполне был в духе норм международного права. Практически закрывая тему геополитической сущности пакта со всеми вытекающими последствиями.

Однако был ли на самом деле советско-германский пакт просто соглашением о ненападении, как он формально именовался? Не только приложенный к пакту Секретный протокол о разделе сфер влияния в Восточной Европе, но и обнародованные положения пакта шли дальше заурядного международного соглашения.

Согласно преамбуле советско-германского договора (пакта) о ненападении, стороны руководствовались «желанием укрепления дела мира между СССР и Германией»⁴⁰. Именно так — *между СССР и Германией*. В момент, когда сроки немецкого нападения на Польшу исчислялись днями, с предсказуемым вовлечением в конфликт западных стран, договаривающиеся стороны давали знать, что их заботит только состояние двусторонних отношений. И поскольку как раз в это время СССР вел переговоры с Англией и Францией для предотвращения масштабного конфликта в Европе, советское обязательство «укрепить дело мира» с одной Германией означало недвусмысленное поощрение ее агрессии. Современники событий, еще не зная о тайной советско-германской сделке о разделе Восточной Европы, задавались вопросом, какой ценой Гитлер купил советское согласие на пакт.

Преамбула пакта содержала также ссылку на то, что стороны исходят из «основных положений» Берлинского договора 1926 г. Провозглашение преемственности договорных отношений между Советским Союзом и веймарской Германией, с одной стороны, и Советским Союзом и нацистской Германией, с другой, указывало на

их предназначение — единение против Запада, отражая их многолетние усилия по подрыву Версальской системы. Неудивительно, что в преамбуле не нашлось места положению Берлинского договора о том, что стороны руководствовались «желанием сделать все, что может способствовать сохранению *всеобщего* мира» (здесь и далее курсив в цитатах мой)⁴¹.

Анализ содержания статей пакта подтверждает обоснованность его однозначного толкования.

По статье 1-й пакта стороны обязывались «воздерживаться *от всякого* насилия, *от всякого* агрессивного действия и *всякого* нападения друг на друга как отдельно, так и совместно с другими державами». Трижды повторенное заклинание «от всякого» призвано было продемонстрировать всем решимость СССР и Германии избегать даже подобия конфронтации. Но когда между ними завязалась жестокая кровопролитная война, спасая лицо, Гитлер твердил о превентивной войне, Сталин — о выигрыше времени благодаря пакту.

Две другие статьи касались случаев вовлечения в конфликты договаривающихся сторон. Предусматривалось, что если одна из сторон «окажется *объектом* военных действий со стороны третьей державы», то другая сторона «не будет поддерживать *ни в какой форме* эту державу» (ст. 2). Стороны также взаимно отказывались «участвовать в какой-нибудь группировке держав, которая *прямо или косвенно* направлена против другой стороны» (ст. 4). Это означало, что Германия отказывалась от Антикоминтерновского пакта, а Советский Союз — от переговоров о коллективной безопасности со странами Запада⁴².

Закрепляли сближение участников пакта статьи 4 и 5. По одной, «затрагивающие их *общие* интересы» вопросы становились предметом взаимных консультаций; по другой — в случае возникновения споров или конфликтов между ними «по вопросам того или иного порядка» стороны обязывались разрешать их «исключительно мирным путем в порядке *дружественного* обмена мнен-

ниями» или путем создания соответствующих комиссий (ст. 5).

Заключенный на десять лет (ст. 6), пакт вступал в силу «немедленно после его подписания» (ст. 7). «Немедленно» — так как дата нападения на Польшу была уже назначена.

Немедленное вступление в силу пакта и особенно отсутствие положения о прекращении его действия в отношении той стороны, которая сама совершит акт агрессии, тут же обратило на себя внимание. Это был тот самый классический случай подготовки к агрессии, о котором предупреждал в свое время М.М. Литвинов, возглавлявший Наркоминдел СССР в 1930–1939 годах. Полемизируя с противниками коллективной безопасности, которые ратовали за двусторонние соглашения о ненападении, он говорил в сентябре 1935 г. на Ассамблее Лиги Наций: «Не всякий пакт о ненападении имеет целью укрепление всеобщего мира. В то время как пакты о ненападении, заключенные Советским Союзом со своими соседями, имеют особую оговорку о недействительности пактов в случае совершения агрессии одной из сторон против любого третьего государства, мы знаем и другие пакты, отнюдь не случайно такой оговорки лишённые. *Это значит, что государства, обеспечившие себе тыл или фланг подобным пактом о ненападении, резервируют себе возможность безнаказанного нападения на третьи государства*»⁴³.

Как и планировалось, первой жертвой сговора пала Польша, атакованная сначала Германией, затем Советским Союзом. Их совместное коммюнике от 18 сентября 1939 г. по поводу «задач советских и германских войск, действующих в Польше», содержало указание на соответствие военной акции двух стран «духу и букве» заключенного между ними пакта⁴⁴. Такое вступление в силу пакта подвигло посольство Франции в Москве на официальный запрос, не означает ли коммюнике, «что между СССР и Германией заключен военный союз»⁴⁵.

Обе стороны пошли на пакт по сугубо геополитическим соображениям. Но в сравнительно узком, ограниченно-геополитическом варианте, когда целями экспансии были намечены ближайшие соседи Германии и СССР. Но война *мировая* — поле для глобальной геополитики. Тут рамки советско-германского сговора стесняли и одну, и другую сторону. Согласие по программе-минимум не означало их согласия по программе-максимум. Схватка между ними стала неизбежной, когда реально встал вопрос о лидерстве в Европе. Тогда, когда Сталин отказался предоставить Гитлеру свободу рук на континенте и ограничиться экспансией в южном направлении — в сторону Индийского океана. Отказался согласиться, умерив аппетиты, на присоединение к Тройственному пакту Германии, Италии и Японии в качестве младшего партнера.

Сталинская классовая система мировых координат исключала такую трансформацию советско-германского пакта. В своей международной политике Сталин и его ближайшее окружение исходили из убеждения, основанного на марксистской теории, что кризисное развитие в мире с неизбежностью ведет к социальным потрясениям. В их представлении состояние и эволюция международных отношений определялись не столько традиционной борьбой великих держав за преобладание в мире, сколько воздействием «общего кризиса капитализма», отражавшего, по сталинскому определению, «прежде всего» усиление загнивания капитализма, подрыв его равновесия. Абсолютизируя классовую борьбу, Сталин говорил на партийном съезде в 1930 г., что «мы живем теперь в эпоху войн и революций»⁴⁶. Другими словами, в сопряженную с насилием переходную эпоху от капитализма к социализму.

Все, или почти все, стало ясно из доклада Сталина на XVIII партийном съезде 10 марта 1939 г. Сказано было много такого, что позволяло с большой долей уверенности судить о его далеко простирающихся антикапиталистических замыслах. Равно как и о том, каким виделся

Сталину путь к достижению целей его классово-имперской политики.

В докладе, получившем известность на Западе как «речь о жареных каштанах», ставилась задача «соблюдать осторожность и не дать втянуть в конфликты нашу страну провокаторам войны, привыкшими загребать жар чужими руками»⁴⁷. Сомнений в том, что «провокаторами войны» он считает Англию, Францию и США — из-за их трусливой политики умиротворения, Сталин не оставил.

В то же время западным странам противопоставлялась своего рода *общая позиция* СССР и Германии. Судите сами.

Затеянная в Мюнхене «игра», заявил докладчик, провалилась. Поскольку странам Запада не удалось «поднять ярость Советского Союза против Германии, отравить атмосферу и спровоцировать конфликт с Германией *без видимых на то оснований*»⁴⁸. В свою очередь и Германия, продолжил Сталин, отказывается «платить по векселю» — развивать агрессию в восточном направлении, посылая западные страны «куда-то подальше»⁴⁹. И все это в контексте «*новой империалистической войны*», которая «стала фактом», хотя «она не стала еще всеобщей, мировой войной»⁵⁰. Не стала из-за того, что неагрессивные государства — Англия, Франция и США — «пятятся назад и отступают», хотя государства-агрессоры — Германия, Япония, Италия — всячески ущемляют их интересы⁵¹.

Выделим по меньшей мере два момента в пространственных сталинских рассуждениях.

Первый. Для Сталина предвоенная политика западных стран представлялась «игрой», затеянной людьми, не признающими, как он выразился, «человеческой морали». И поскольку в этом аморальном мире «прожженных буржуазных дипломатов» (опять-таки западных!) все дозволено, то Сталин, сам «беспринципный в вопросах морали» (Н.С. Хрущев), публично выдал себе индульгенцию на то, что и он может включиться в эту силовую геополитическую «игру». Ее суть изложена была им до-

вольно красочно: «Дать всем участникам войны увязнуть глубоко в тину войны, поощрять их в этом втихомолку, дать им ослабить и истощить друг друга. А потом, когда они достаточно ослабнут, — выступить на сцену со свежими силами, выступить, конечно, «в интересах мира» и продиктовать ослабевшим участникам войны свои условия. И дешево, и мило!»⁵² Пактом с Гитлером Сталин, как ему представлялось, перехватил инициативу в этой обоюдоострой «игре». Своему окружению после подписания пакта он объяснял: «Тут идет игра, кто кого перехитрит и обманет». Сталин полагал, что советско-германским пактом ему удалось «обмануть» Гитлера (и не только его), «создав условия для столкновения Гитлера сначала с западноевропейскими странами»⁵³.

Второй. Как это ни странно, Сталин решился говорить за нацистскую Германию. Заявляя о том, что она не хочет «платить по векселю» — воевать с СССР, посылая западные страны «куда-то подальше». Куда — известно по ненормативной лексике русского языка. Но откуда такая уверенность в намерениях Гитлера? Что могло зародить у него, по выражению Р.Ш. Ганелина, «патологическое доверие к Гитлеру»?⁵⁴ Вероятно, он исходил из ситуации, сложившейся к осени 1938 г., когда наметилась разрядка напряженности в советско-германских отношениях. Тогда «дорожная карта» немецкой агрессии представлялась Сталину в таком варианте: «Сначала захват Австрии, потом удар по Чехословакии, потом, пожалуй, по Польше... а потом... потом «видно будет»⁵⁵. Все это появилось в «Правде» в сентябре 1938 г. в виде текста международного раздела последней главы «Краткого курса истории ВКП(б)»⁵⁶. Время, когда Гитлер, поняв, что он не может рассчитывать на безусловную поддержку Японии, а Муссолини связан в своих действиях «дураками» и «негодьями» из окружения короля и кронпринца, решил «быть заодно со Сталиным»⁵⁷. *Не против — а заодно.*

У Сталина была своя «дорожная карта» очередности целей СССР в «новой империалистической войне». Ло-

гике его слов и дел вполне отвечали поиски (но только на определенном этапе!) согласия с Гитлером. Обоснованно предполагая, что на первых порах Германия ограничится завоеванием малых стран-соседей, и в ожидании, пока война не станет «всеобщей, мировой», вначале с периферийным участием Советского Союза. Для реализации своих планов Сталину был нужен как раз Гитлер, а не нерешительные лидеры западных стран, опасавшихся, по аналогии с Первой мировой войной, социальных последствий всеобщего конфликта.

После начала войны между Германией, с одной стороны, и Англией и Францией, с другой, Сталин, инструктируя генерального секретаря исполкома Коминтерна Г. Димитрова, так обрисовал свой программный замысел: «Мы не прочь, чтобы они подрались хорошенько и ослабили друг друга... Гитлер, сам этого не понимая и не желая, расшатывает, подрывает капиталистическую систему... Мы можем маневрировать, подталкивая одну сторону против другой, чтобы [они] лучше разодрались... Пакт о ненападении в некоторой степени помогает Германии. Следующий момент — подталкивать другую сторону»⁵⁸.

В этих откровениях Сталина хорошо отражена его *подсобная*, в сравнении с Гитлером как агрессором, но одновременно *подстрекательская, провокационная* роль в развязывании Второй мировой войны.

Так и действовал сталинский Советский Союз — единственный из основных участников войны, успевший побывать в рядах обеих враждующих коалиций. По большому счету, цели СССР во Второй мировой войне не совпадали с целями ни одной из капиталистических коалиций, по сталинскому определению, «вцепившихся друг в друга во время войны», чтобы добиться мирового господства⁵⁹.

С гитлеровским нападением 22 июня 1941 г. Советский Союз в одночасье лишился не только фактического союзника, превратившегося в смертельного врага. Он

лишился поддержки единственной из великих держав, признававшей продвинутые на запад новые советские границы. Предстояло в коренным образом изменившихся условиях отстаивать добытое при содействии нацистской Германии.

Поначалу пришлось отступить. По соглашению о взаимной помощи в борьбе против Германии, заключенному в конце июля 1941 г. с правительством Польши в эмиграции, СССР признал «советско-германские договоры 1939 года касательно территориальных перемен в Польше утратившими силу»⁶⁰. Созданный опасный прецедент сталинское руководство постаралось устранить, порвав в апреле 1943 г. отношения с эмигрантским правительством В. Сикорского⁶¹.

Дополнительные трудности для Советского Союза создали Ф. Рузвельт и У. Черчилль, подписавшие 14 августа 1941 г. Атлантическую хартию с требованием «окончательного уничтожения нацистской тирании». Его новоявленные западные союзники отвергали насильственные территориальные изменения, провозгласив «право всех народов избирать себе форму правления, в условиях которой они хотят жить». Чтобы снискать расположение Запада, в помощи которого он жизненно нуждался, Советский Союз присоединился к Атлантической хартии. Вместе с тем от имени правительства СССР было заявлено, что практическое применение ее принципов «неизбежно должно будет сообразоваться с обстоятельствами, нуждами и историческими особенностями той или иной страны...»⁶².

Безоговорочное принятие Атлантической хартии ставило под вопрос добытое с использованием силовых средств воздействие. Отныне усилия Сталина и его преемников сосредотачиваются на том, чтобы сохранить, добившись тем или иным путем международного признания, территориальные приобретения в результате военно-политического сотрудничества с нацистской Германией.

Примером таких усилий могут служить переговоры, которые вели Сталин и Молотов в декабре 1941 г. с приехавшим в Москву министром иностранных дел Великобритании А. Иденом.

С началом переговоров Сталин заявил, что *«гораздо больше его интересует вопрос о будущих границах СССР»*, чем тексты подготовленных соглашений⁶³. Подчеркнув, что вопрос о границах представляет для советской стороны *«исключительную важность»*, Сталин сослался в подтверждение на провал переговоров с Англией и Францией весной-летом 1939 г. По его словам, на советско-западных переговорах *«как раз вопрос о Прибалтийских странах и Финляндии явился камнем преткновения...»*⁶⁴. *Более того* — *«вся война между СССР и Германией возникла в связи с западной границей СССР, включая, в особенности, балтийские государства»*⁶⁵.

Продолжительные переговоры, которые с советской стороны в основном вел сам Сталин, не дали ожидаемых результатов из-за упорства Идена в вопросе официального признания западных границ СССР. Дело ограничилось принятием краткого совместного коммюнике⁶⁶.

О переговорах того времени с западными союзниками Молотов вспоминал: *«Мы настаивали на документе о наших послевоенных границах... Мы настаивали все время, я напирал на это... Все упиралось в признание за нами Прибалтики»*⁶⁷.

Ялтинско-Потсдамских соглашений о фактическом разделе Европы оказалось мало, чтобы закрепить за Советским Союзом его территориальные приобретения. Сталин и его преемники в Кремле отчетливо сознавали, что послевоенная социально-политическая структура Европы по советскую сторону от *«железного занавеса»* основывалась на изменениях, инициированных Советским Союзом с применением насилия, *начиная* с пакта с нацистской Германией. Груз нелегитимности соглашений с поверженным врагом постоянно довлел над Кремлем. Неприятности добавило признание *«ничтожным»* Мюн-

хенского соглашения о передаче Германии Судетской области (по договору 1938 г. между Чехословакией и ФРГ). Понимание правовой несостоятельности соглашений с нацистским агрессором, тем более секретных, подстегивало усилия по предотвращению ревизии сталинской версии пакта.

Показателен случай с внезапным прекращением в 1977 г. издания известной серии «Документы внешней политики СССР».

Двадцатью годами ранее, в разгар хрущевской оттепели, Министерство иностранных дел СССР выпустило в свет первый том этой серии. С обещанием сделать публикацию «систематической»⁶⁸. Невиданное за все время существования советской власти начинание⁶⁹.

Публикация сопровождалась различными ограничениями. За каждый календарный год выпускался один-единственный том, причем архивные документы составляли лишь чуть больше половины содержания такого тома. Нашлось этому и мнимое оправдание: поскольку опубликовать все архивные документы МИДа невозможно из-за их огромных размеров, публикуются документы «наиболее важные для понимания внешней политики Советского Союза»⁷⁰. Задача снабдить исследователей истории внешней политики СССР архивными документами определенно была не на первом месте.

Но и эта половинчатая публикация была неожиданно прервана на 21-м томе серии. Точнее – оборвана. При возобновлении серии спустя 15 лет, уже в постсоветское время, было сообщено, что публикация была «необоснованно приостановлена» по решению советского руководства⁷¹.

Что значит «необоснованно» – неизвестно. Но предположить, почему издание серии было прекращено именно на предвоенном 1938 г. и именно решением высшего советского руководства, думается, можно. Предположение это связано с тем, что следующий, 22-й том серии должен был включать советско-германский пакт.

Не публиковать его нельзя было хотя бы потому, что еще в самом начале было провозглашено за правило публиковать, наряду с архивными материалами, «важнейшие документы» советской внешней политики, пусть даже ранее известные. Чтобы, говорилось в предисловии к первому тому, «составить правильное представление о внешней политике Советского государства»⁷².

Судя по всему, издание очередного тома «Документов внешней политики СССР» было прекращено по соображениям политическим. Вернее — по соображениям *сугубо внешнеполитическим*.

По-видимому, с официальной точки зрения приостановка публикации документальной серии на 1938 г. была единственно приемлемым решением. Глубокий интерес «советского руководства» состоял в том, чтобы вообще «забыть» о советско-германском пакте, один факт повторной публикации которого неизбежно повлек бы за собой постановку крайне нежелательных вопросов. Возобновились бы дискуссии о роли пакта в развязывании Второй мировой войны, обстоятельствах «сталинского натиска на Запад» в 1939–1940 г, масштабах сотрудничества Советского Союза с нацистской Германией. Не говоря уж о том, что обязательно был бы поднят вопрос о Секретном дополнительном протоколе, существование которого категорически отрицалось. В повестке дня международной политики вновь оказались бы многие политико-дипломатические и территориальные проблемы в Европе, оставшиеся со времен мировой войны и разделявшие капиталистический Запад и социалистический Восток. Проблемы, решение которых потребовало бы определенного пересмотра итогов войны.

Об опасениях, по которым прекратилось издание «Документов внешней политики СССР», можно судить по отношению к пакту последнего генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева, публично заявлявшего об отсутствии в советских архивах оригинала Секретного протокола. Между тем Горбачев был ознакомлен с ним

заведующим Общим отделом ЦК КПСС В.И. Болдиным. Видел он и подписанную Риббентропом и Сталиным карту, по которой была проведена линия разграничения советско-германской границы после раздела Польши. По воспоминаниям Болдина, изучив документы, Горбачев приказал: «Убери подальше!» Когда он узнал, что секретные протоколы не уничтожены, воскликнул: «Ты понимаешь, что представляют сейчас эти документы?!»⁷³

Однако дело не ограничивалось проблемой закрепления за Советским Союзом территориальных приобретений благодаря сотрудничеству с нацистской Германией. В послевоенное время эта, первоначально региональная восточноевропейская проблема с расширением внешних границ Советской империи до центра Европы переросла в проблему континентальную. Разрастание Советской империи, вопреки выявившейся в итоге Первой и продолженной во Второй мировой войне тенденции к распаду мировых империй, было исторической аномалией. *Так вопрос о международно-правовом признании послевоенного территориального переустройства в Европе стал вопросом жизни или смерти для коммунистической империи.* Форс-мажорные обстоятельства крушения в 1989–1991 годах ялтинско-потсдамской системы международных отношений привели одновременно и к распаду Советской империи, и к радикальным переменам в пределах самой российской метрополии.

С подписанием Хельсинкского Заключительного акта 1975 г., казалось, усилия советских руководителей наконец увенчались успехом. На очередном партийном съезде Л.И. Брежнев значение хельсинкских договоренностей видел в том, что благодаря им пришло признание «сложившихся в результате Второй мировой войны территориальных и политических реальностей» на Европейском континенте⁷⁴. Это воспринималось Кремлем как определенная гарантия сохранности Советской империи, которая подрывалась изнутри антисоветскими выступлениями в странах-сателлитах. Но как видим в

случае с прекращением издания «Документов внешней политики СССР» спустя два года после Хельсинки, полной уверенности в том, что политическая карта Европы зафиксирована окончательно, у советского руководства не было.

Созданная Сталиным империя, перешагнувшая рамки империи Романовых, чтобы сохраниться и развиваться, должна была постоянно расширяться на новые земли, покорять другие народы. В этом причина официально провозглашенного курса на достижение военно-стратегического и военно-политического паритета СССР с окружающим миром. *Со всем миром!* «Самонадеянность силы» не могла не проявиться самым грубым образом, перегоравшая энергия советской военной машины не могла не искать выхода. Вторжение в Афганистан, которое вылилось в самую продолжительную войну за всю историю СССР, продемонстрировало безудержность советского экспансионизма, выросшего на дрожжах Второй мировой и холодной войн.

Что ж изменилось в советском подходе к внешнему миру со времен правления Сталина? Сохранялась гремучая смесь идеологических установок с непреходящими геополитическими замыслами. Сместилось лишь направление главного удара — с Европы по тылам «мирового империализма». Из второго тома «Архива Митрохина» стало известно, что летом 1961 г. руководство КПСС одобрило глобальную стратегию, нацеленную на достижение победы в холодной войне через наступление в «третьем мире»⁷⁵.

Поначалу новая стратегия сулила успех. Правительства целого ряда независимых и освободившихся стран объявили о своей приверженности делу социализма, заручившись советской помощью вооружением и советниками. Впрочем, достаточно было заявить об антизападной ориентации. На долгие годы СССР занял место крупнейшего экспортера вооружений и военной техники — свыше трети всех поставок в мире⁷⁶. Показательно совместное

советско-эфиопское коммюнике от 20 сентября 1978 г., в котором «революция» в Эфиопии рассматривалась как «составная часть всемирного революционного процесса». «Смотрите, — восклицал в узком кругу Брежнев, — и в джунглях хотят жить по Ленину!»⁷⁷

Сказывался геополитический импульс советско-германского пакта 1939 г., оправдавшего расчеты сталинского руководства превратить Вторую мировую войну в стартовую площадку для расширения классово-имперской экспансии Советского Союза.

Ее объектами стали Юго-Восточная Азия, Ближний и Средний Восток, Африка, Центральная Америка. Преследовалась цель добиться военного присутствия Советского Союза по всему миру. Какую угрозу несла с собой глобальная версия советского экспансионизма, убедительно продемонстрировал Карибский ракетный кризис 1962 г.

Но о пересмотре курса на то, чтобы переломить мировое развитие в свою пользу через интервенции в «третьем мире», не было и речи. Продолжением, из наиболее крупных подобных акций, и стало вторжение в Афганистан в декабре 1979 г. На этот раз понадобилось десять лет, чтобы убедиться в безнадежности попыток выиграть холодную войну.

Безоглядная геополитическая игра роднит афганскую авантюру брежневского руководства со сталинско-молотовским фатальным решением в преддверии Второй мировой войны. К тому выбору — пакту с нацистской Германией — советская сторона шла через продолжительные закулисные «разговоры» с немцами, до поры до времени прикрывая свои подлинные намерения. Преемники Сталина так же исходили из одиозных геополитических мотивов и так же старались соблюсти скрытность своих действий. Но в обоих случаях с ясным пониманием, что это не могло не иметь самых серьезных международных последствий.

Подтверждение этому мы находим в частично рассек-

реченных документах Политбюро ЦК КПСС, на заседаниях которого признавалось, что интервенция в Афганистане чревата неизбежными глобальными осложнениями. Одно из таких заседаний происходило, несмотря на «неурочное время» — в субботние и воскресные дни 17–18 марта 1979 г. Активно дискутировался вопрос о «наших возможных действиях» в связи с антиправительственными выступлениями в афганской провинции Герат⁷⁸.

Созыв экстренного заседания Политбюро, продолженного и 19 марта, показывает, что кремлевские руководители были глубоко вовлечены в дела Афганистана, стараясь держать под контролем ситуацию в этой стране с самого начала прихода там к власти в апреле 1978 г. доморощенных марксистских революционеров.

Члены Политбюро были едины в том, что, как выразился министр иностранных дел А.А. Громыко, «мы ни при каких обстоятельствах не можем потерять Афганистан»⁷⁹. Чтобы этого не случилось, по сообщению министра обороны Д.Ф. Устинова, уже были «разработаны два варианта военной акции»⁸⁰. Председатель правительства А.Н. Косыгин предлагал оставить за собой применение военной акции «как крайнюю меру»⁸¹.

Однако на этой стадии обсуждения вопроса кремлевские руководители все еще не решались на ввод войск. Участие советских войск в подавлении антиправительственных выступлений в Афганистане, разъяснялось в постановлении Политбюро от 12 апреля, «с одной стороны, нанесло бы серьезный ущерб международному авторитету СССР и отбросило бы далеко назад процесс разрядки, а с другой — обнаружило бы слабость позиций правительства Тараки и могло бы еще больше поощрить контрреволюционные силы внутри и вне страны к расширению антиправительственных выступлений»⁸².

Решение об интервенции принималось в начале декабря 1979 г.

Сошлемся на постановление Политбюро от 12 декабря «К положению в А»⁸³. Его текст написан *от руки*

на бланке «особая папка» с припиской «Сов. секретно», но со всеми атрибутами официальной бумаги. Вот этот любопытный документ.

«Председательствовал тов. Л.И. Брежнев.

Присутствовали: Суслов М.А., Гришин В.В., Кириленко А.П., Пельше А.Я., Устинов Д.Ф., Черненко К.У., Андропов Ю.В., Громыко А.А., Тихонов Н.А., Пономарев Б.Н.

К положению в «А»

1. Одобрить соображения и мероприятия, изложенные т.т. Андроповым Ю.В., Устиновым Д.Ф., Громыко А.А.

Разрешить в ходе осуществления этих мероприятий им вносить коррективы непринципиального характера.

Вопросы, требующие решения ЦК, своевременно вносить в Политбюро.

Осуществление всех этих мероприятий возложить на т.т. Андропова Ю.В., Устинова Д.Ф., Громыко А.А.

2. Поручить т.т. Андропову Ю.В., Устинову Д.Ф., Громыко А.А. информировать Политбюро ЦК о ходе выполнения намеченных мероприятий.

Секретарь ЦК Л. Брежнев.

№ 997 – оп (1л.) П 176/125 от 12/ХІІ 79».

Документ лишь слегка зашифрован. Ясно, что речь идет об Афганистане, «намеченные мероприятия» в отношении которого поручалось осуществить руководителям КГБ, Министерства обороны и МИД СССР, что отражало масштабность затеянной акции. Участие в заседании Л.И. Брежнева и его подпись под документом были, по-видимому, данью формальности. Советский лидер, будучи тяжело больным, по словам лечащего врача Е.И. Чазова, «даже не представлял, что происходит в Афганистане»⁸⁴.

Обращают на себя внимание 12 росписей поверх текста документа высших лиц партийной номенклатуры. «За» высказались Андропов, Устинов, Громыко, Пельше, Суслов, Гришин, Кириленко, Черненко, Тихонов, Кулаков, Романов, Щербицкий. Так инициаторы акции постарались сделать ответственность коллективной, связав круговой порукой руководящую группу. На всякий случай. И для истории.

Не менее любопытно нижеследующее машинописное приложение к документу с грифом «Сов. секретно», датированное днем вступления войск в Афганистан (стиль текста сохранен)⁸⁵.

«к № П176/125оп от 12/ХІІ-79 г.

26 декабря 1979 г. (на даче – присутствовали т.т. Брежнев Л.И., Устинов Д.Ф., Громыко А.А., Черненко К.У.) о ходе выполнения постановления ЦК КПСС № П176/125 от 12/ХІІ-79 г. доложили т.т. Устинов, Громыко и Андропов.

Тов. Брежнев Л.И. высказал ряд пожеланий, одоблив при этом план действий, намеченный товарищами на ближайшее время.

Признано целесообразным, что в таком же составе и направлении доложенного плана действовать Комиссии Политбюро ЦК, тщательно продумывая каждый шаг своих действий. Вопросы, по которым необходимо принимать решения, своевременно вносить в ЦК КПСС.

К. Черненко.

3 – оп (1 л.) 27/ХІІ-79».

Упомянутая в приложении Комиссия Политбюро действовала в составе А.А. Громыко, Ю.В. Андропова, Д.Ф. Устинова, а также секретаря ЦК и главы Международного отдела ЦК КПСС Б.Н. Пономарева. Они были теми лицами, которые в ходе длительного обсуждения

вопроса практически на всем протяжении 1979 г. готовили аналитические записки со своими «соображениями» и с перечнем предлагаемых «мероприятий».

Один из подготовленных ими документов — «О дальнейших мероприятиях по обеспечению государственных интересов СССР в связи с событиями в Афганистане», представленный в Политбюро в конце января 1980 г.⁸⁶, примечателен тем, что в нем раскрываются далеко простиравшиеся *геополитические* замыслы.

Начинается документ с заявления, что *своевременное* оказание советской «*всесторонней*, в том числе военной, помощи Афганистану» положило конец «некоторым опасным для нас тенденциям в развитии обстановки *на Среднем Востоке*». И чтобы не увязнуть в этой стране, на что «рассчитывают» Запад и Китай, документ предусматривал «и в дальнейшем *сохранение наступательного характера* проводимых нами мероприятий в связи с афганскими событиями»⁸⁷. Подчеркивалась антиамериканская направленность советской акции, которую, говорилось в документе, «нельзя рассматривать в отрыве от предпринимавшихся уже в течение длительного времени провокационных попыток США добиться односторонних преимуществ в стратегически важных для СССР районах»⁸⁸.

Так логика конфронтации превратила Афганистан в еще один полигон соперничества с США за «третий мир». Столкновение с США и их союзниками шло по нарастающей. Вскоре Политбюро пришлось принять специальное постановление «О противодействии планам расширения военного присутствия США в районе Ближнего и Среднего Востока и Индийского океана». При этом пришлось отбиваться от возобновившихся старых — «абсолютно беспочвенных» (по документу) обвинений Советского Союза в стремлении к «теплым морям» — Персидскому заливу и Индийскому океану, нефтеносным районам Ближнего и Среднего Востока⁸⁹.

Вторжение в Афганистан началось с физического уничтожения президента страны Х. Амина, призвавше-

го советские войска на помощь и неожиданно для себя оказавшегося мишенью для пуль и гранат ворвавшихся ночью в его дворец бойцов знаменитой группы «Альфа». Очередным правителем страны стал давний агент КГБ Б. Кармаль⁹⁰.

Специальным пунктом постановления Политбюро «О пропагандистском обеспечении нашей акции в отношении Афганистана» предусматривалось «*подчеркивать*, что СССР не имел и не имеет *никакого отношения* к изменениям в руководстве Афганистана»⁹¹. Этим же постановлением советским послам в капиталистических странах предписывалось сообщить местным коммунистам, что в ответ на коварные замыслы внешних врагов – Пакистана, Ирана, Китая, не говоря уж о США, «в Афганистане нашлись силы, которые... решительно поднялись против режима Х. Амина, устранили его от власти и создали новые органы руководства партией и страной»⁹².

При заключении пакта с Германией был скрыт от общественности одиозный Секретный протокол, теперь – что тайно посланный из Москвы штурмовой отряд расчистил путь к власти советскому ставленнику.

Решение направить в эту центральноазиатскую страну «*необходимый* контингент Советской Армии»⁹³ (тиражируемая по всему миру официальная версия о вводе в Афганистан «*ограниченного* контингента» предназначалась для непосвященных в партийно-государственные замыслы) было принято в момент, который, судя по многим признакам, представлялся кремлевскому руководству звездным часом советского глобализма.

Вскоре было объявлено о существовании военно-стратегического паритета «между миром социализма и миром капитализма», охарактеризованного на Пленуме ЦК КПСС как «завоевание принципиального, исторического значения»⁹⁴. Формула паритета лишь слегка прикрывала военно-стратегическую доктрину СССР – не уступать по военной мощи любой комбинации противостоящих ему государств. Включая не только США и

другие страны НАТО, но и Японию и даже социалистический Китай (время советско-китайской вражды, растянувшейся на два десятка лет). Ни одна страна в прошлом не ставила перед собой столь амбициозную и, как показала практика, самоубийственную задачу — быть равным, а то и превосходить в военном отношении все остальные страны мира.

В условиях эйфории по поводу военно-силовых и, как представлялось, политических возможностей Советского Союза глобальные контуры афганской акции нашли публичное отражение. Правительственная газета «Известия» опубликовала комментарий к брежневскому заявлению об ответственности США за возникший международный кризис — статью своего обозревателя А.Е. Бовина «Сеющие ветер»⁹⁵. Внимание читателей не могло не привлечь содержащееся в ней суровое предупреждение по адресу США и Китая, спешивших улучшить взаимные отношения. Предупреждение о том, что «любая совместная американо-китайская операция» (формулировка из совместного американо-китайского коммюнике, принятого в Пекине по итогам обсуждения афганского вопроса) была бы не чем иным, как «совместным самоубийством»⁹⁶. Больше всего досталось США, которые, писала газета, «привыкли к безнаказанности». Называя американскую реакцию на советское вторжение «крайне безответственной, спекулятивной и демагогической», газета предупреждала: «В общем, пора бы Соединенным Штатам научиться держаться поскромнее. Так будет лучше и для самой Америки, и для всего мира»⁹⁷.

Позже автору воинственной статьи пришлось бить отбой. В десятую годовщину советского вторжения в Афганистан Бовин писал, что у него «нет информации о том, чем конкретно (?! — Д.Н.) руководствовалось Политбюро ЦК КПСС, принимавшее такое решение»⁹⁸. Чему же тогда следовал Бовин, когда всеми правдами и неправдами оправдывал ввод войск в Афганистан? Более чем сомнительно, что угрозы газеты в адрес США и Ки-

тая были творчеством «свободного художника»⁹⁹. Позже, в изданном сборнике газетных публикаций Бовина многозначительная фраза о «совместном самоубийстве» США и Китая из текста статьи исчезла¹⁰⁰.

Были и другие публичные свидетельства того, что афганская акция имела дальний геополитический прицел. Так, в начале апреля 1980 г. по итогам переговоров с министром иностранных дел СССР А.А. Громыко премьер-министр Индии И. Ганди выступила с заявлением, что «советская роль в Афганистане должна рассматриваться в контексте того, что Соединенные Штаты и Китай все больше и больше сближаются... В такой обстановке Советский Союз был вынужден пойти на принятие соответствующих мер»¹⁰¹.

За массивной пропагандистской кампанией с очевидной целью оправдать в глазах советской общественности интервенционистскую акцию последовало партийное постановление, зафиксировавшее опасные замыслы руководства СССР. Июньский 1980 г. Пленум ЦК КПСС, охарактеризовав «партнерство» США и Китая как «новое опасное явление в мировой политике, опасное для всего человечества»¹⁰², тем самым *подтвердил* линию на конфронтацию и с США, и с Китаем.

По-видимому, с точки зрения советского руководства военная акция в Афганистане открывала заманчивые перспективы для дальнейшей дестабилизации стратегической ситуации в регионе, где нефтяной кризис 1973 г. и исламская революция 1979 г. в Иране уже подготовили, как могло показаться, почву для изменения старого порядка вещей на всем Ближнем и Среднем Востоке. По-другому трудно интерпретировать доклад Л.И. Брежнева на XXVI съезде КПСС в феврале 1981 г. С одной стороны, докладчик утверждал, что советская акция явилась ответом на «настоящую необъявленную войну» империализма против афганской революции, создавшую «прямую угрозу безопасности нашей южной границы»¹⁰³. С другой — подчеркивалась, — что и выдавало широту наме-

рений инициаторов вторжения в Афганистан, — готовность, «чтобы вопросы, связанные с Афганистаном, были обсуждены в увязке с вопросами безопасности Персидского залива»¹⁰⁴. И это задолго до «броска на юг» Жириновского. Но не без связи с советскими планами экспансии в южном направлении времен Второй мировой войны.

Смена высшего партийно-государственного руководства страны и приход к власти М.С. Горбачева на первых порах не внесли заметных изменений в советскую внешнюю политику. В конце 1986 г., за три года до вывода советских войск из Афганистана, на Политбюро ЦК внешнеполитические вопросы все еще обсуждались под углом «глобального противоборства»¹⁰⁵.

Таков был императив холодной войны, ставшей прямым продолжением глобальных конфликтов минувшего столетия. И — в этой связи: в какой мере генезис холодной войны, равно как и ее последствия соотносятся с геополитическим курсом, взятым сталинским Советским Союзом в результате заключенного пакта с нацистской Германией в августе 1939 г.? Какая закономерность проявилась в том, что Вторая мировая война, устранив конфликт между фашизмом и демократией, в то же время вывела на первый план противоречия между советским социализмом и западной демократией?

Понимание поставленных вопросов — в том фундаментальном факте, что холодная война (в ее распространенной трактовке) развернулась вслед за окончанием Второй мировой войны, а пришла к концу с распадом Советской империи.

Вторая мировая война началась и в дальнейшем во многом обнаруживала себя как противостояние демократии и тоталитаризма — по линии главного общественно-политического водораздела XX века. Сущностью холодной войны также стало столь же непримиримое противостояние, на этот раз между капиталистическим Западом и социалистическим Востоком. Еще во время войны писатель К.И. Чуковский предвидел: «С падени-

ем нацистской деспотии мир демократии встанет лицом к лицу с советской деспотией»¹⁰⁶. Притупившиеся было противоречия между советским коммуно-социализмом и западным либерализмом продолжились по окончании войны в открытой форме. Наступила решающая фаза запрограммированной историей борьбы двух систем, предвиденной основателем советского государства Лениным, полагавшим «немыслимым» их длительное сосуществование. Это было столкновение двух линий в мировой политике, дающих взаимоисключающие ответы на вызовы времени. Для послевоенного сталинизма было характерно стремление приостановить, а затем и обратить вспять зародившийся в борьбе с мировым фашизмом процесс формирования новых жизненных и общественно-политических стандартов в самой стране и в ее отношениях с окружающим миром¹⁰⁷.

Ничего необычного не случилось. Антигитлеровская коалиция объединяла страны, правящие круги которых по-разному видели цели войны и, следовательно, по-разному представляли себе картину послевоенного мира. «...В лагере союзников уже во время войны, — говорилось в декларации по вопросу о международном положении первого совещания Коминформа (1947 г.), — существовало различие *в определении как целей войны, так и задач послевоенного устройства мира*», которые стали «углубляться в послевоенный период»¹⁰⁸. Западные страны, наряду с отстаиванием своих доминирующих мировых позиций, видели цели войны также в защите буржуазной демократии от наступления тоталитаризма. Не случайно в итоге победы они получили стимул для дальнейшего продвижения по пути прогресса. Для правящей коммунистической номенклатуры Советского Союза эти цели, еще с довоенных времен, определялись стратегией натиска на капитализм, подрыва его позиций. «Сталин вел дело к гибели империализма и к приближению коммунизма», — говорил Молотов, подводя итог войне¹⁰⁹. Победоносная для СССР война укрепила веру кремлевских

руководителей в универсальность силового подхода при решении мировых проблем.

Во времена холодной войны, как и во Второй мировой войне, противоборствующие стороны считали *конфликт идей и ценностей* неустранимым, рассматривая противника как постоянную угрозу собственному существованию. Коммунистическая пропаганда невольно признавала это, скатившись в объяснении причин мировой войны к тому, что это была следующая, после «похода 14 государств», схватка социализма с капитализмом. Почему холодная война должна была стать исключением в этом ряду? Она и не стала им. По своему глобальному формату и степени мобилизации сил и ресурсов холодная война встала в один ряд с мировыми войнами. Линия мировых войн была продолжена и в плане того преимущественного внимания, которое стороны конфликта уделяли его военно-стратегическим аспектам. Вспомним всепоглощающий масштаб гонки ракетно-ядерных вооружений!

Вот как высказывались о причинах холодной войны такие советские деятели, как М.М. Литвинов, Н.С. Хрущев, В.М. Молотов, которых трудно поставить в один ряд. Достаточно напомнить об острых политических конфликтах между ними — Литвинова с Молотовым, Хрущева с Молотовым. Между тем они по существу едины в том, что привело к опасному конфликту недавних союзников.

По мнению Литвинова, высказанному им в интервью американскому корреспонденту летом 1946 г. (но опубликованному после кончины Литвинова), «глубинная причина» противостояния восходит к коммунистической идее неизбежности конфликта двух систем¹¹⁰. Хрущев, со своей стороны, на советско-бельгийских переговорах 1956 г. в Москве откровенничал: лидеры капиталистических стран «правильно рассматривают нас (мы за это не обижаемся) как рассадник социалистической заразы во всем мире. Отсюда и напряженность»¹¹¹. Наконец, в записях бесед с Молотовым, сделанных в 1969–1986

годы, мы читаем: по окончании войны «нам надо было закрепить то, что было завоевано. Из части Германии сделать свою социалистическую Германию, Чехословакия, Польша, Венгрия, Югославия — они тоже были в жидком состоянии, надо было везде наводить порядок. Прижимать капиталистические порядки. Вот холодная война»¹¹².

Нельзя обойти вниманием два обстоятельства, которые *в решающей мере* способствовали холодной войне, державшей в напряжении весь мир более четырех десятилетий.

Во-первых, то обстоятельство, что холодная война возникла при жизни Сталина¹¹³, который и в послевоенное время оставался ключевой фигурой в процессе принятия решений¹¹⁴. Многие факты и документы не оставляют сомнений в том, что Сталин явно намеревался продолжить свою антикапиталистическую миссию, не ограничиваясь образованием подконтрольной ему «мировой социалистической системы». При нем мир стал свидетелем таких острейших проявлений фронтального столкновения «двух лагерей» (определение, пришедшее на смену «двум системам»), как захват власти коммунистами в Чехословакии, Берлинский кризис 1948–1949 годов, победа коммунистов в континентальном Китае, Корейская война. В воспоминаниях Хрущева говорится, что сразу по окончании Второй мировой войны «Сталин считал обстановку предвоенной и создавал соответствующий политический накал»¹¹⁵.

Считалось само собой разумеющимся, что конфликт социализма с капитализмом нельзя разрешить мирным путем, без глобальных потрясений. На XIX партийном съезде (1952 г.) возникновение большевистской России, а затем и «мировой социалистической системы» непосредственно увязывалось с итогами двух мировых войн, полное же крушение капитализма предвиделось в третьей мировой войне¹¹⁶. Пафос последнего публичного выступления Сталина на съезде свелся к тому, что

буржуазная демократия исчерпала себя, предопределяя тем самым победу мирового пролетариата¹¹⁷. А потому, провозглашалось еще с одной высокой трибуны, «не нам, а империалистам и агрессорам надо бояться войны. (*Бурные, продолжительные аплодисменты.*)»¹¹⁸ В это время *основная* доля бюджетных затрат страны по-прежнему уходила на реализацию военных программ, более того — с постоянным наращиванием таких затрат¹¹⁹.

Все еще ждет своего исследователя тема «Хотел ли Сталин третьей мировой войны?». Во всяком случае, опасность перерастания холодной войны в масштабный вооруженный конфликт была постоянной, реальной. Имея в виду менталитет советских руководителей, их обусловленную классовым восприятием мировых проблем политическую культуру, нельзя не прийти к заключению, что возможность подобной трансформации отвечала сталинской установке на перманентное обострение борьбы «двух лагерей». Отвечала его давней установке на «революционную развязку мировых конфликтов»¹²⁰.

Второе обстоятельство, обнажающее сущность холодной войны. Случайно ли, что она пришла к своему концу *только* с крушением СССР, подведя итог длительному противоборству советского социализма с мировым капитализмом? Бесспорно, холодная война достаточно скоро приобрела собственную динамику, вызвав к жизни своеобразную систему жестких взаимосвязей и закономерностей, заслужив реноме исторического феномена. Все это так. Но так же бесспорно, что инициативной, атакующей стороной была Советская империя, расширившаяся за счет стран капитализма, и которой другая сторона, западная, противопоставила «доктрину сдерживания». Если западная сторона отстаивала устоявшиеся буржуазно-демократические ценности, то советская сторона вела борьбу под лозунгом построения иной, альтернативной капитализму цивилизации. Это была цивилизационная экспансия, питаемая отрицанием всего предыдущего.

Окончание холодной войны подвело черту под международным развитием, последовавшим за Второй мировой войной и растянувшимся почти на всю вторую половину прошлого столетия. Что явилось, таким образом, и завершением почти векового вселенского противостояния социализма и капитализма. В бывшем СССР началось крушение коммунистической системы, претендовавшей одно время на представительство трети человечества. Тем самым прояснилась сущность холодной войны как тотальной конфронтации между двумя системами — социализмом и капитализмом, наложившей отпечаток на весь XX век. Столь однозначный исход противоборства двух систем подчеркивает наличие тесной связи между холодной войной и судьбой того евразийского геополитического образования, которое вошло в историю как Советская империя. Такое понимание сущности холодной войны в свою очередь способствует раскрытию деструктивной в целом роли советского фактора в мировой политике, указывая на одну из основных причин потрясений минувшего «трагического столетия» (А. Эйнштейн).

Советский коммуно-социализм пал в результате тотального проигрыша в соревновании *социально-политических* систем. Прежде всего в соревновании идей. Марксистское учение о диктатуре пролетариата и международное коммунистическое движение существовали постольку, поскольку жила идея победы рабочего класса в мировом масштабе. Угасание коммунистической идеи и вызванный этим распад Советской империи (а не наоборот) коренным образом повлияли на исторический процесс. Ясно, что столь радикальный поворот мог произойти только под напором извне, в силу мировых реалий — как результат несостоятельности вызова, брошенного капитализму большевистской Россией в далеком 1917 г.

Примечания

Лозунги [ЦК ВКП(б)] к 1 мая 1939 года. // *Большевик*. 1939. № 8. С. 1–3. Вот как оценивал значение советско-германского пакта для реализации его программы завоеваний в Европе сам Гитлер: «В первый раз за последние 67 лет можно констатировать, что нам не придется вести войну на два фронта. Наступили такие условия, о которых мечтали начиная с 1870 г.. Сейчас Восточный фронт удерживается силами нескольких дивизий. Создалась такая обстановка, которую раньше мы считали совершенно невозможной». — Совещание руководителей Вермахта 23 ноября 1939 г. (выступление Гитлера). // «Совершенно секретно! Только для командования!» Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Документы и материалы. — М., 1967. С. 77–78.

Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. — М., 1991. С. 33. Записи за декабрь 1969 – июнь 1983 г.

О политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 года. (Постановление Съезда народных депутатов Союза Советских Социалистических республик 24 декабря 1989 г.). // *Правда*. 1989. 28 декабря.

Секретный дополнительный протокол к Договору о ненападении между Германией и Советским Союзом. [23 августа 1939 г.] // Министерство иностранных дел СССР. Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. В 2 т. — М., 1990. Т. 2. С. 321.

Первый и самый важный из шести секретных советско-германских протоколов 1939–1940 годов.

О политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 года. // *Правда*. 1989. 28 декабря.

Лацис О.Р. Тщательно спланированное самоубийство. — М., 2001. С. 476. См. также: Искендеров А.А. Закат империи. — М., 2001; Ожиганов Э. Н. Сумерки России. — М., 1996; Бузгалин А.В., Колганов А.И. Сталин и распад СССР. — М., 2003; Буровский А.М. Крах империи. Курс неизвестной истории. — Красноярск, 2004; Гайдар Е.Т. Гибель империй. Уроки для современной России. — М., 2006 и др.

См., например: Филитов А.М. Советская политика и объединение Германии (1989–1991 годы). // *Отечественная история*. 2004. № 6. С. 45–60.

Краткий отчет о работе совещания военных миссий СССР, Англии и Франции. Август 1939 г. Секретно. // Министерство иностранных дел СССР. Документы внешней политики СССР (ДВП СССР). — М., 1957. Т. 22. Кн. 1. С. 669.

После подписания советско-германского пакта члены Политбюро собрались за обеденным столом у Сталина, который «был в очень хорошем настроении, говорил: вот, мол, завтра англичане и французы узнают об этом и уедут ни с чем». — Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева. // *Вопросы истории* (ВИ). 1990. № 7. С. 86.

Годовщина советско-германского пакта. // *Правда*. 1940. 23 августа (курсив мой).

Сто сорок бесед с Молотовым. С. 16 (курсив мой). Запись за 24 июля 1978 г.

- ¹⁴ Из дневника Г. Димитрова об указаниях И.В. Сталина по вопросу о характере начавшейся мировой войны и задачах компартий. 7 сентября 1939 г. // Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943. Документы. – М., 2004. С. 730–781.
- ¹⁵ Дневник полпреда СССР в Германии Мерекалова А.Ф. // Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Фонд 082. Опись 4. Папка 27. Дело 60. Лист 8; Письма и дневники из посольства СССР в Германии. // Там же. Ф. 06. Оп. 1. П. 7. Д. 67. Л. 24.
- ¹⁶ См. тексты международного раздела последней главы сталинского «Краткого курса истории ВКП(б)» и доклада Сталина на XVIII партийном съезде.
- ¹⁷ См. Попов Г. Х. Три войны Сталина. – М., 2006.
- ¹⁸ Марьямов Г. Б. Кремлевский цензор. Сталин смотрит кино. – М., 1992. С. 54.
- ¹⁹ Там же. С. 56.
- ²⁰ Фальсификаторы истории. (Историческая справка.) – М., 1948. С. 54. Брошюра (на 79 страницах), подписанная к печати 18 февраля 1948 г., была издана массовым тиражом от имени Советского информационно-госбюро.
- Это был советский пропагандистский ответ (с обещанием подкрепить его «в ближайшее время» публикацией трофейных секретных документов) на англо-франко-американскую публикацию немецких архивных документов «Нацистско-советские отношения в 1939–1941 годы». // *Nazi-Soviet Relations. 1939–1941. Documents from the Archives of the German Foreign Policy. Washington, 1948.*
- Целью советской публикации было «правильно осветить» ход событий, приведших ко Второй мировой войне, в частности опровергнуть обвинения в том, что советско-германский пакт 1939 г. имел антизападную направленность.
- Брошюра готовилась по указанию Сталина и была отредактирована им. Сталину принадлежит авторство названия брошюры, как и оглавлений второй и третьей глав. Им же собственноручно вписаны оценки советско-германского пакта и его сопоставление с Брестским миром 1918 г.
- О степени достоверности материалов брошюры дает представление тот простой факт, что в ней нет и намек на существование Секретного дополнительного протокола к пакту.
- См. Российский Государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 558. Оп. 11. Д. 243: «Фальсификаторы истории». 3 февраля – 17 февраля 1948 г. На 159 л.
- ²¹ См. Сто сорок бесед с Молотовым. С. 80. Запись за 9 июля 1971 г.; Мемуары Н.С. Хрущева. // ВИ. 1990. № 7. С. 85; Микоян А. И. Так было. Размышления о минувшем. – М., 1999. С. 376.
- ²² Доклад Председателя Совета Народных Комиссаров и народного комиссара иностранных дел СССР В.М. Молотова на сессии Верховного Совета СССР «О международном положении и внешней политике СССР». 31 мая 1939 г. // Год кризиса. 1938–1939. Т. 1. С. 524–525.
- ²³ Внешняя политика СССР. Из доклада В.М. Молотова на заседании Верховного Совета СССР 1 августа 1940 г. // СССР – Германия. 1939–1941.

- Документы и материалы о советско-германских отношениях с сентября 1939 г. по июнь 1941 г. Кн. 1–2. Vilnius, 1989. Кн. 2. С. 74.
- ²⁴ Германно-советский договор о дружбе и границе между СССР и Германией. [28 сентября 1939 г.] // ДВП СССР. Т. 22. Кн. 1. С. 134–135.
- ²⁵ VIII Всероссийский съезд советов. 22–29 декабря 1920 г. Доклад о концессиях на фракции РКП(б) VIII съезда советов 21 декабря. // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 104.
- ²⁶ Беседа Генерального секретаря ЦК ВКП(б) И.В. Сталина с послом Великобритании в СССР Р.С. Криппсом в Кремле. 1 июля 1940 г. Сов. секретно. // ДВП СССР. Т. XXIII. Кн. 1. С. 395 (курсив мой). В меморандуме об этой беседе, врученном по указанию Сталина германскому послу в Москве Ф. Шуленбургу, говорилось, что Советский Союз «предпримет все меры для того, чтобы предотвратить восстановление прежнего баланса сил в Европе». // Посол Шуленбург – в МИД Германии. Телеграмма. Москва. 13 июля 1940 г. // СССР – Германия. 1939–1941. Кн. 2. С. 68.
- ²⁷ Там мерман Х. Россия и Германия. // Полис. 1995. № 5. С. 49 (курсив мой). Антизападная направленность Рапальского договора признается в официозной «Истории внешней политики СССР», в которой подчеркиваются выгоды договора как для Советской России («это был удар по империалистической политике изоляции Советской России»), так и для Германии («для Германии Рапальский договор был важной опорой в борьбе против давления и шантажа со стороны держав-победительниц»). – История внешней политики СССР. 1917–1985. В 2 т. – М., 1986. Т. 1. С. 164.
- ²⁸ Фейнберг Е. Л. Что привело Гитлера к власти? И кто? // Эпоха и личность. Физики. Очерки и воспоминания. 2-е изд. – М., 2003. С. 359.
- ²⁹ Правительственная газета «Известия» в передовой статье, «приветствуя продление Берлинского договора», в завершение писала: «Дружественные отношения вызывают дружественный ответ, враждебные действия вызывают соответствующий отпор». – Цит. по: ДВП СССР. Т. 16. С. 825. См. подробнее: Случ С. З. Сталин и Гитлер. 1933–1941: расчеты и просчеты Кремля. // Отечественная история. 2005. № 1. С. 98–119.
- ³⁰ Сталин И. В. Отчетный доклад XVII съезду партии о работе ЦК ВКП(б). 26 января 1934 г. // Сочинения. Т. 13. С. 302–303.
- ³¹ ДВП СССР. Т. 22. Кн. 2. С. 609 (курсив мой). Цитируется по немецкой записи переговоров Сталина и Молотова с Риббентропом, завершившихся подписанием Договора о дружбе и границе между СССР и Германией от 28 сентября 1939 г. и двух секретных дополнительных протоколов. // Там же. С. 134–136.
- ³² Там же. С. 609 (курсив мой).
- ³³ Зам[еститель] Нач[альника] ИНО ГУГБ Слуцкий – товарищу Сталину. [29 марта 1935 г.] // РГАСПИ. Ф. 558. Д. 188. Л. 74–78.
- ³⁴ Там же. Л. 77.
- ³⁵ Телеграмма И.В. Сталина президенту Германской Демократической Республики господину Вильгельму Пику, премьер-министру Германской Демократической Республики господину Отто Гротеволу. 13 октября 1949 г. // Известия. 1949. 14 октября
- ³⁶ Выступление В.М. Молотова на внеочередной IV сессии Верховного

- Совета СССР I-го созыва. 31 августа 1939 г. // Известия. 1 сентября 1939 г.
- 37 Переоценка своих сил и возможностей сказалась на речи Сталина на XVIII съезде в марте 1939 г., целиком построенной на противопоставлении СССР всему остальному – капиталистическому миру. Главный партийный орган журнал «Большевик», комментируя итоги съезда, писал в передовой статье: «Политика Советского Союза в корне противоположна политике капиталистических стран». – «Величественная программа борьбы за коммунизм». // Большевик. 1939. № 8. С. 6.
- 38 Маленков Г. М. Информационное сообщение о деятельности ЦК ВКП(б). // Совещания Коминформа. 1947, 1948, 1949. Документы и материалы. – М., 1998. С. 81 (курсив мой).
- 39 Пакт представлялся многим документом, который ввел мир в заблуждение по причине сокрытия Секретного дополнительного протокола. // См., например: Divine R. The Reluctant Belligerent: American Entry into World War II. New York, etc. 1965. P. 64.
- 40 Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом. [23 августа 1939 г.] // ДВП СССР. Т. 22. Кн. 1. С. 630–632.
- 41 [Договор о ненападении и нейтралитете между СССР и Германией] [24 апреля 1926 г.] // Там же. Т. 9. С. 250.
- 42 Как известно, заключение советско-германского пакта испортило отношения Германии с Японией и Советского Союза со странами Запада.
- 43 Речь председателя советской делегации М.М. Литвинова на заседании Ассамблеи Лиги Наций. Женева, 14 сентября 1935 г. // ДВП СССР. Т. 18. С. 510–511 (курсив мой).
- 44 Германо-советское коммюнике. 18 сентября 1939 г. // Там же. Т. 22. Кн. 2. С. 98.
- 45 Запись беседы заместителя народного комиссара иностранных дел СССР В.П. Потемкина с временным поверенным в делах Франции в СССР Ж. Пайяром. 20 сентября 1939 г. Секретно. // Там же. С. 107.
- 46 Политический отчет Центрального Комитета XVI съезду ВКП(б). 27 июня 1930 г. // Сталин И. В. Сочинения. Т. 12. С. 246. Р. Такер, американский биограф Сталина, основываясь на сталинских высказываниях, пишет, что в своих действиях и политике советский вождь усматривал связь между революционной ситуацией 1917 г. и тем, как развивались международные отношения в 1930-е годы. Другой выношенной идеей Сталина была тема заговора внутренних и внешних врагов, ставшая «одной из характерных черт сталинского мышления». // Такер Р. Сталин. Путь к власти. 1879–1929. История и личность. – М., 1990. С. 404.
- 47 Отчетный доклад т. Сталина на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б). // XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). 10–21 марта 1939 г. Стенографический отчет. М., 1939. С. 15.
- 48 Там же. С. 13 (курсив мой).
- 49 Там же. С. 14.
- 50 Там же. С. 12.
- 51 Там же.
- 52 Там же. С. 13–14.
- 53 Мемуары Н.С. Хрущева. // ВИ. 1990. № 7. С. 86; Н.С. Хрушев. Воспоминания. Избранные фрагменты. С. 195.

- ⁵⁴ Ганелин Р. Ш. Советские историки: О чем они говорили между собой. Страницы воспоминаний о 1940–1970-х годах. – С.-Петербург, 2004. С. 26.
- ⁵⁵ Первое многоточие – мое, второе – текста.
- ⁵⁶ Международная обстановка в 1935–1937 годы... Начало второй империалистической войны. // Правда. 1938. 19 сентября. К мысли, что реваншистские устремления Гитлера в первую очередь обращены против ближайших соседей Германии на западе и востоке от нее, Сталин пришел давно и, судя по его словам и делам, строил на этом прогнозе (оправдавшемся!) свою предвоенную политику. – См. «Рукопись статьи М.Н. Тухачевского «Военные планы Гитлера» с правкой И.В. Сталина. 29 марта 1935 г.» // Известия ЦК КПСС. 1990, № 1. С. 169.
- ⁵⁷ Об этом тогда же стало известно английскому правительству. – См. Contents of the Speech by the Führer to the Chief Commanders and Commanding Generals on the Obersalzberg, August 22, 1939. Letter from Sir G. Ogilvie-Forbes (Berlin) to Mr. Kirkpatrick. British Embassy, Berlin, August 25, 1939. // Documents on British Foreign Policy. 1919–1939. 3d Ser. Vol. 1–9. London, 1949–1955; Vol. 7. P. 257–258. (Далее – DBFP).
- ⁵⁸ Из дневника Г. Димитрова об указаниях И.В. Сталина по вопросу о характере начавшейся мировой войны и задачах компартий. // Политбюро ЦК РКП(б) – ЦК ВКП(б) и Коминтерн. С. 779–780.
- ⁵⁹ Сталин И. Экономические проблемы социализма в СССР. – М., 1952. С. 30.
- ⁶⁰ Соглашение между правительством СССР и правительством Польской Республики о восстановлении дипломатических отношений и о создании польской армии на территории СССР. 30 июля 1941 г. // ДВП СССР. Т. 24. С. 200–201.
- ⁶¹ Одной из причин такого решения называлось стремление польского правительства в связи с Катыньским делом «произвести нажим на Советское правительство с целью вырвать у него территориальные уступки за счет интересов Советской Украины, Советской Белоруссии и Советской Литвы». – Нота Советского правительства о решении прервать отношения с Польским правительством. // Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. 22 июня 1941 г. – 31 декабря 1943 г. Т. 1. – М., 1944. С. 302–303.
- ⁶² Декларация правительства СССР на Межсоюзной конференции в Лондоне (24 сентября 1941 года). // Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 1. С. 144–148 (курсив мой).
- ⁶³ Запись беседы Председателя Совета Народных Комиссаров И.В. Сталина с министром иностранных дел Великобритании А. Иденом. 17 декабря 1941 г. Сов. секретно. Особая папка. // ДВП СССР. Т. 24. С. 518 (курсив мой).
- ⁶⁴ Там же. С. 519 (курсив мой).
- ⁶⁵ Там же. С. 521.
- ⁶⁶ Англо-советское коммюнике о беседах Председателя Совета Народных Комиссаров И.В. Сталина и народного комиссара иностранных дел СССР В.М. Молотова с министром иностранных дел Великобритании А. Иденом. 29 декабря 1941 г. // ДВП СССР. Т. 24. С. 563.
- ⁶⁷ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 69–70. Записи за 30 июня 1976 г.

- ⁶⁸ От Комиссии по изданию дипломатических документов при Министерстве иностранных дел СССР. // ДВП СССР. Т. I. С. 5.
- ⁶⁹ Ведущие державы мира к тому времени уже имели продолжающиеся многотомные собрания внешнеполитических архивных документов новейшего времени.
- ⁷⁰ ДВП СССР. Т. I. С. 5.
- ⁷¹ Там же. Т. 22. Кн. I. С. 5 (Предисловие).
- ⁷² Там же. С. 6.
- ⁷³ Болдин В. И. Крушение пьедестала. Штрихи к портрету М.С. Горбачева. — М., 1995. С. 261–262.
- ⁷⁴ Отчет Центрального Комитета КПСС и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики. Доклад Генерального секретаря ЦК товарища Л.И. Брежнева XXV съезду Коммунистической партии Советского Союза. 24 февраля 1976 года. // Материалы XXV съезда КПСС. — М., 1976. С. 17–18.
- ⁷⁵ ИНТЕРНЕТ: BBC.Russian.Com. Поражение КГБ в «третьем мире» — версия Митрохина. В томе приводится откровение главы Комитета государственной безопасности СССР А.Г. Шелепина, по представлению которого принималась новая стратегия: «Я хочу коренным образом переориентировать КГБ на международные дела, внутренние должны уйти на десятый план».
- ⁷⁶ Кумачева В. Н. Получим ли по долгам? // Известия. 1991. 20 июля.
- ⁷⁷ Яковлев А. Н. Сумерки. — М., 2003. С. 237.
- ⁷⁸ Заседание Политбюро ЦК КПСС 17 марта 1979 г. — Об обострении обстановки в Афганистане и наших возможных мерах. Сов. секретно. Экз. единственный. (Рабочая запись). // РГАНИ. Фонд 89. (Коллекция рассекреченных документов). Перечень № 25. Документ № 1. Л. 1–25. Этот же документ, наряду с другими, имеется в «Архиве В. Буковского», помещенном в Интернете. — См. INFORUSS: Советский архив. Собранный Владимиром Буковским. Составители Юлия Закс и Леонид Черников. 9.2. Афганистан. Links 0300–0344.
- Кроме заседания 17–19 марта, запротоколированные решения Политбюро по Афганистану принимались 20 марта, 12 и 21 апреля (по два решения), 24 апреля, 29 июня, 31 октября, 6, 12, 27, 29 и 31 декабря 1979 года.
- ⁷⁹ Там же. Л. 3.
- ⁸⁰ Там же. Л. 8.
- ⁸¹ Там же. Л. 10.
- ⁸² Там же. Перечень № 14. Документ № 27. Л. 7.
- ⁸³ ИНТЕРНЕТ. Архив В. Буковского. INFORUSS: Советский архив. Собранный В. Буковским. 9.2. Афганистан. Link 0314. Number P176/125.
- ⁸⁴ Чазов Е. И. Здоровье и власть. Воспоминания «кремлевского врача». — М., 1992. С. 88.
- ⁸⁵ К П176/125оп от 12/ХП-79 г. // Архив В. Буковского.
- ⁸⁶ О дальнейших мерах по обеспечению государственных интересов СССР в связи с событиями в Афганистане. Совершенно секретно. Особая папка. // РГАНИ. Ф. 89. Перечень № 14. Док. № 3. Л. 1–8: Выписка из протокола № 181 заседания Политбюро ЦК КПСС от 28 января 1980 г.
- ⁸⁷ Там же. Л. 2 (курсив мой).

- ⁸⁸ Там же. Л. 3, 5 (курсив мой). Вторая часть постановления Политбюро касалась советских мероприятий в самом Афганистане.
- ⁸⁹ О противодействии планам расширения военного присутствия США в районе Ближнего и Среднего Востока и Индийского океана. Выписка из Протокола № 191 заседания Политбюро ЦК КПСС от 5 апреля 1980 г. // РГАНИ. Ф. 89. Перечень 34. Документ № 7. Л. 4.
- ⁹⁰ Эндрю К. и Гордиевский О. КГБ. История внешнеполитических операций от Ленина до Горбачева. «Nota Bene», 1990. С. 578.
- ⁹¹ Там же. Л. 16 (курсив мой).
- ⁹² Там же. Л. 22–23.
- ⁹³ № 2519-А от 31.12.79: ЦК КПСС. К событиям в Афганистане 27–28 декабря 1979 г. За подписями Ю. Андропова, А. Громыко, Д. Устинова, Б. Пономарева. // РГАНИ. Ф. 89. Перечень 14. Документ 35. Л. 3. Курсив мой.
- ⁹⁴ О международном положении и внешней политике Советского Союза. Постановление Пленума Центрального Комитета КПСС. 23 июня 1980 года. // Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС. 23 июня 1980 года. – М., 1980. С. 13.
- ⁹⁵ Бовин А. Е. Сеющие ветер. // Известия. 1980. 15 января.
- ⁹⁶ Там же.
- ⁹⁷ Там же.
- ⁹⁸ Бовин А. Е. Афганистан: Трудное десятилетие. // Известия. 1988. 22 декабря.
- ⁹⁹ В недавно изданном сборнике воспоминаний о Бовине, в 1963–1972 годах работнике аппарата ЦК КПСС, подчеркивается, что он имел доступ к самой конфиденциальной информации. // См. Воспоминания об Александре Бовине. Политик, журналист, дипломат. Составители В. Захарько, С. Кондрашов, Л. Шинкарев. – М., 2006. Любопытно, что в своих воспоминаниях Бовин писал об освещении им афганской темы, что его совесть «тут нечиста». // Александр Бовин. XX век как жизнь. Воспоминания. – М., 2003. С. 274.
- ¹⁰⁰ См. Бовин А. Е. Мир семидесятых (политические очерки). – М., 1990. С. 326–329.
- ¹⁰¹ Заявление И. Ганди. // Правда. 1980. 4 апреля.
- ¹⁰² О международном положении и внешней политике Советского Союза. Постановление Пленума Центрального Комитета КПСС. 23 июня 1980 года. // Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС. 23 июня 1980 года. – М., 1980. С. 13.
- ¹⁰³ Отчет Центрального комитета КПСС XXVI съезду Коммунистической партии Советского Союза и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики. Доклад Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л.И. Брежнева. 23 февраля 1981 года. // Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981. С. 13.
- ¹⁰⁴ Там же. С. 29 (выделено в тексте доклада).
- ¹⁰⁵ Черняев А. С. Шесть лет с Горбачевым. По дневниковым записям. – М., 1993. С. 121.
- ¹⁰⁶ Яковлев А. Н. Сумерки. С. 172. (Из спецсообщения НКВД СССР И.В. Сталину о настроениях в среде интеллигенции; июль 1943 года.) Когда я узнал, что К.И. Чуковский с карандашом в руках прочитал

всего Ленина и остался беспартийным, появился хороший повод призадуматься, что бы это значило. Вероятно, впечатления Чуковского от прочитанного были такими же, что и у В.А. Солоухина, описавшего в рассказе «Читая Ленина», как он, вспомнив письмо читателя («А вы откройте Ленина, т. 36, пятое издание, стр. 269 и прочитайте, что там написано»), взял в руки томик сочинений Ленина и пришел в изумление от человеконенавистнических откровений автора.

- ¹⁰⁷ См. Сталин и космополитизм. 1945–1953. Документы Агитпропа ЦК КПСС. — М., 2005.
- ¹⁰⁸ Декларация Совещания представителей Компартии Югославии, Болгарской рабочей партии (коммунистов), Компартии Румынии, Венгерской коммунистической партии, Польской рабочей партии, Всесоюзной коммунистической партии (большевиков), Компартии Франции, Компартии Чехословакии и Компартии Италии по вопросу о международном положении. // Совещания Коминформа. С. 242 (курсив мой).
- ¹⁰⁹ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 90. Записи за 30.07.1970, 02.12.1971.
- ¹¹⁰ Phillips H.D. *Between the Revolution and the West. A Political Biography of Maxim Litvinov.* Boulder, 1992. P. 172.
- ¹¹¹ Стенограмма советско-бельгийских переговоров 23, 25 октября и 2 ноября 1946 г. // АВП РФ. Ф. 072. Оп. 34. П. 148. Д. 17. Л. 20.
- ¹¹² Сто сорок бесед с Молотовым. С. 86. Запись за 28.11.1974.
- ¹¹³ См. сборники статей, подготовленные Институтом всеобщей истории РАН: Сталин и холодная война. — М., 1998; Сталинское десятилетие холодной войны. Факты и гипотезы. — М., 1999.
- ¹¹⁴ См. Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945–1953. — М., 2002.
- ¹¹⁵ Хрущев Н. С. Воспоминания. Избранные фрагменты. С. 203.
- ¹¹⁶ Маленков Г. М. Отчетный доклад XIX съезду партии о работе Центрального Комитета ВКП(б). — М., 1952. С. 27.
- ¹¹⁷ См. Сталин И. В. Речь на XIX съезде партии. — М., 1953.
- ¹¹⁸ Маленков Г. М. 32-я годовщина Великой Октябрьской революции. // Известия. 1949. 7 ноября.
- ¹¹⁹ Пыжиков А. В., Данилов А. А. Рождение сверхдержавы: СССР в первые послевоенные годы. — М., 2001. С. 121.
- ¹²⁰ Из резолюции XV съезда ВКП(б) по Отчету ЦК. // Пятнадцатый съезд ВКП(б). Декабрь 1927 г. Стенографический отчет. Т. I-II. М., 1961–1962. Т. II. С. 1430.

Ричард Ч. РААК

РОЛЬ СТАЛИНА В РАЗВЯЗЫВАНИИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

«Виктор Суворов» — псевдоним бывшего офицера советской военной разведки, многие годы проживающего в Англии. В 80-х годах он опубликовал исследование военных планов Сталина, которое, если версия Суворова заслуживает доверия, должно было бы потрясти тверди исторического истеблишмента. В 1990 г. британское издательство выпустило, наконец, английский перевод его книги «Ледокол». Суворов предлагает в ней новое понимание цели Сталина в войне, детально обоснованное цитатами из советских военных мемуаров и другими важными документами. Американское издательство в том же году выпустило книгу Суворова в Нью-Йорке. Подзаголовок лондонского издания был: «Кто начал Вторую мировую войну?» Естественно, это должно было привлечь внимание читателей. Но, несмотря на постоянный интерес, особенно в те юбилейные годы, к истории войны 1939–1945 годов, на лондонское и нью-йоркское издания не появилось рецензий ни в общих периодических изданиях, ни в профессиональных исторических журналах США¹. Разумеется, издательства «Гамиш Га-

¹ Ричард Ч. Раак — заслуженный профессор Калифорнийского государственного университета (Hayward, USA). Статья впервые опубликована в журнале «Word Affairs», том 158, № 4, весна 1996.

мильтон» и нью-йоркское «Викинг Пресс» заинтересованы в успехе своих изданий — и поэтому разослали экземпляры для рецензий. Отчего же странное молчание?

Книга под схожим названием, «Как пришла война», лондонского профессора Д. Уатта была опубликована в Англии и в США в 1989-м. На нее вышли рецензии — в основном положительные — как минимум в пятнадцати журналах (учитывая только рецензии из *Digest of American Book Reviews* и *Index of Book Reviews*)². Профессор Уатт представил общепринятую версию начала войны, в подавляющем большинстве случаев основанную на западных и германских материалах и не учитывающую множество новых источников, появившихся из-за бывшего «железного занавеса» в те ранние дни гласности.

На самом деле две книги похожи только названиями. Книга Уатта шире, ее подход к освещаемому предмету гораздо более традиционен. А у книги Суворова только один фокус — сталинские планы войны, игнорируемые большинством историков, и она использует совершенно иные источники, в основном военно-исторические.

Суворов выстраивает свою аргументацию на исторической почве, оставленной без внимания: плане советского нападения в западном направлении. По утверждению Суворова, Сталин развертывал свои войска для осуществления именно этого плана, но был застигнут врасплох упредившим его нападением Германии. В тексте Уатта нет ни малейшего намека на этот советский план войны.

Суворов предложил также новое рассмотрение более ранних замыслов Сталина, когда тот в 1939 году подписал «пакт о ненападении» с Гитлером, что подготовило ситуацию для нападения Германии и СССР на Польшу. Этот пакт, учитывая существующие британские гарантии Польше, сделал общеевропейскую войну неизбежной и в течение месяца привел вермахт к советской границе. Без этой общей границы, которую Сталин умышленно помог создать в 1939-м, не могло бы быть прямого нападения Германии на СССР в 1941-м.

Как сказано ранее, Уатт не одинок в том, что не взглянул вперед для того, чтобы лучше разглядеть то, что произошло в прошлом. Бесчисленные авторы так же, как и он, полностью и непонятно почему игнорировали слова Гитлера по этому поводу, хотя именно Гитлер был главным участником событий.

Гитлер много раз говорил, что он вынужден был напасть на Советы прежде, чем они нападут на него³. Был ли он прав? Были ли у Сталина планы использовать войну, особенно войну 1939-го, на пользу СССР и большевизма, интересы которых были, с точки зрения Сталина, идентичны? Широко распространяемая марксистско-ленинская теория, объявившая войны между «империалистическими» державами необходимой дорогой к их неизбежной гибели в пролетарских и колониальных революциях, должна была бы заострить внимание как современников, так и историков на связи между этой войной и вероятной заинтересованностью Сталина в извлечении пользы из нее.

Эти явные связи так же, как и пророчества Гитлера и Ленина, были почти полностью игнорированы историками, которые не задали очевидный вопрос: чего именно ожидал Сталин от второй «империалистической» войны? Они явно предпочли поверить Сталину, что его намерения при подписании пакта были чисто оборонительными, так же как и его планы накануне неожиданного нападения Гитлера в 1941-м.

На самом деле, в своей большей части «информированное» западное общественное мнение полностью приняло тогда сомнительные заверения СССР в том, что он якобы потерял интерес к центральным принципам международного авантюризма, движимого марксистско-ленинизмом⁴.

Привлечет ли вышеописанное внимание читателя, у которого сейчас есть вполне обоснованные причины относиться с подозрением к всевозможным фантазиям, порожденным средствами массовой информации?

И есть ли причины относиться с подозрением к выпущенной известными издательствами книге, содержащей совершенно новую историческую концепцию, но оставшейся без рецензий? Даже в Британии только один видный журнал опубликовал рецензию на книгу Суворова — кстати, положительную. Джон Заметика, рецензент «Обозревателя», высказал мысль о том, что книга Суворова подвергнется нападкам «многих академических историков, предыдущие работы которых окажутся лишены смысла, если Суворов прав». Было бы естественно увидеть среди таких критиков многих академических авторов, изучавших события 1938—1941 годов, начиная с захвата Гитлером Австрии и Судетов и кончая нападением Германии на СССР. Но к Суворову отнеслись иначе: его не рецензировали, что уведомило бы о нем широкую публику, а игнорировали, дали спокойно исчезнуть из области академического общественного мнения. Его практически изолировали, оставив вне внимания интеллигенции западного побережья Атлантического океана, получающей информацию из межрегиональных газет и ведущих общественно-политических журналов⁵. Стал ли Суворов жертвой интеллектуальной «чистки» в наших краях?

Какого рода историческую концепцию могла бы разрушить версия Суворова, если его аргументы обоснованны?

Современный читатель, интересующийся Второй мировой войной, по всей вероятности, знаком со следующей общепринятой концепцией (изложенной здесь упрощенно ради краткости). На ней основана система распространенных на Западе мнений, в течение многих лет дающая как минимум благосклонное объяснение поведения Сталина в военные и послевоенные годы. Общепринятая история выглядит так.

Недоверие Сталина к западным демократиям, Великобритании и Франции, резко выросло после того, как они практически прекратили поддерживать чешского

президента Бенеша, которому Гитлер предъявил свои требования накануне мюнхенского кризиса в сентябре 1938-го. Советский Союз был тогда связан двухсторонними оборонительными пактами с Чехословакией и Францией. Оба эти соглашения были частью системы коллективной безопасности, которую европейские державы медленно создавали в противовес нацистской Германии. Но когда англичане и французы договорились в Мюнхене с Гитлером и позволили ему присоединить к Германии заселенные немцами области Чехословакии, Сталин потерял веру в эти демократии. Он полагал, что их желание умиротворить Гитлера, удовлетворив его требования к Чехословакии, а также то, что они не консультировались с Советским Союзом по этому вопросу, указывает на готовность позволить Гитлеру захватить всё, что он хочет на востоке Европы. После этого Гитлер был бы готов к нападению на Советский Союз⁶.

Гитлер громко декларировал свою враждебность к тому, что он называл «иудео-большевизмом», и свою решимость получить для германского народа «жизненное пространство» на Востоке. Учитывая такие склонности Гитлера, было бы трудно допустить, что эта расплывчатая экспансионистская цель не включает в себя как минимум большинство западных славянских земель Советского Союза.

Согласно этой версии, Сталин, предвидя войну с Германией, усиливал борьбу с тем, что ему представлялось кознями Запада. Он позволил Гитлеру продвинуться на восток и занять половину Польши в обмен на согласие Гитлера разрешить ему, Сталину, передвинуть советскую границу на запад, заняв вторую половину Польши. Таким образом Сталин смог создать из восточной Польши и других восточноевропейских государств и территорий, полученных им в результате этой сделки, земляной вал, буфер между СССР и немцами, прикрывающий восемь миллионов квадратных миль первоначальной советской территории. В результате Гитлер оказался в состоянии

конфронтации с западными державами. Так Сталин выиграл и пространство и время, отчаянно необходимые ему для строительства собственной обороны, поскольку он знал, что Гитлер был непреклонен в решении в скором будущем выступить против него. Поэтому пакт Сталина с нацистами и его согласие поставлять Германии многие виды сырья, в которых она тогда нуждалась для войны на западе Европы против Англии и Франции, были оборонительными мерами, частью плана для оттягивания конфликта с целью приобретения жизненно необходимого пространства и времени.

Как следует из этой версии, декларирующей оборонительные цели Сталина, сталинский вариант большевизма не был агрессивен, несмотря на войны, которые он вел против Польши и Финляндии после пакта, и вопреки последующему жестокому захвату малых стран Балтии. Часто приходится читать, что к тому времени уже пошел на убыль кровавый большевистский экспансионизм, первоначальными создателями которого в дни революции были Ленин и Троцкий и одним из безуспешных проявлений которого было катастрофическое (для большевиков) вторжение в Польшу в 1920-м. Хотя Сталин сам был одним из политических руководителей Красной Армии и одним из главных виновников того вторжения, верящие в эту версию тем не менее доказывают, вопреки очевидности, что позже Сталин отказался от таких дорогостоящих зарубежных авантюр по рецептам его умершего учителя Ленина. Сталин, как следует из этой версии, был озабочен в основном внутренней безопасностью, боялся за будущее Советского Союза. Так считали многие историографы, и очень многие в течение последних пятидесяти лет с симпатией воспринимали внешнюю политику советского вождя. Они полагают, что у Сталина практически не было иного выхода, кроме как заключить пакт с Гитлером и сыграть собственную роль в разрушении того, что осталось от независимой Центральной и Восточной Европы.

Далее, согласно этой версии, Сталин фатально просчитался, поскольку вскоре после неожиданного и быстрого поражения Франции в руках Гитлера оказался весь Европейский континент. Не имея серьезных врагов на западе континента, фюрер начал сосредотачивать свои армии против Советского Союза. Советский диктатор, планы которого — выиграть время и строить в безопасности свою страну — были прерваны германскими победами во всей Европе, не предвидел такого поворота событий. И хотя после пакта с немцами он поспешно перевооружался, укреплял свои оборонительные позиции на западе и выиграл два года в подготовке к войне, его армии тем не менее не сдержали первоначальное германское нападение в июне 1941-го. Красный военно-воздушный флот был практически уничтожен на своих аэродромах по всему фронту германского наступления. Все это произошло несмотря на то, что Сталин получал бесчисленные предупреждения о приближающемся нападении. С самого начала германского вторжения русские почти везде панически отступали. Их потери были огромны: миллионы солдат были убиты или пленены немцами и их союзниками, которые вскоре захватили главные города и промышленные центры запада СССР. За невероятной политической катастрофой последовала невероятная военная.

В вышеприведенной версии (в которой часто замалчиваются масштабы катастрофы, на которую обрек свою страну Сталин, «величайший гений человечества», как его, к его собственному удовольствию, называли) содержится нечто большее, чем отдельные ошибки. Однако, насколько невероятным это ни кажется, именно ее можно услышать чаще всего. Кто не верит, может почитать исторические труды на эту тему или заглянуть в университетские учебники или в «Нью-Йоркер» — один из множества популярных журналов, которые регулярно бомбардируют читателей любительской историографией о различных аспектах войны против Гитлера, как прави-

ло, подтверждая при этом, хотя и не всегда прямо, сталинистскую версию о советских оборонительных планах.

Даже во время войны эта версия убедила многих людей, разрабатывавших политический курс Лондона и Вашингтона и искавших исторические обоснования для предсказания того, что будут делать Советы после войны. Ее явно приняли за чистую монету наши лидеры военного времени, Уинстон Черчилль и Франклин Рузвельт. Она легла, как общепринятая историческая истина, в основу многих критически важных решений и послевоенного планирования во время ВМВ — решений, принятых в Тегеране, Ялте и Потсдаме. На этих важнейших конференциях Запад решал, как себя вести по отношению к сталинскому Советскому Союзу, своему союзнику в войне, опираясь на собственные надежды относительно поведения Сталина в ближайшие годы после войны. И часто решения Запада, обусловленные незнанием и непониманием того, что произошло в действительности, помогали Сталину. Эта версия долго преподносилась населению Запада в оправдание ошибочного доверия к Советскому Союзу и после начала холодной войны, когда советские армии удобно расположились в центре Европы, а сталинские границы и сферы влияния оказались серьезно расширены в Азии. Всего лишь несколько лет назад бывший коммунистический лидер Михаил Горбачев все еще рассказывал эту сказку для укрепления своего нынешнего оправдания Сталина⁷.

За этой версией, разные варианты которой никогда далеко не отклонялись от вышеприведенного, слышится голос сталинистской пропаганды и желание обществности Запада, легковверных журналистов и политиков, а также многочисленных историков верить защитникам Сталина и принимать пропаганду за чистую монету. Сегодня это удивляет, но это должно было удивлять с самого начала. Ведь у современников Сталина на Западе никогда не было серьезных причин ожидать чего-либо хорошего от неожиданно обретенного военного союз-

ника — бывшего военного союзника Гитлера! Серьезных причин не было и у их преемников. Фактически у них было еще меньше причин вообще видеть в нем что-либо хорошее — хотя многие предпочитали это делать в течение долгих лет. Сегодня мы должны признать, что долговременная популярность вышеприведенной сказки — это блестящий продукт наилучшей из когда-либо проведенных пропагандистских кампаний. Но нынешний доступ к многим архивам бывшего Восточного блока, прежде закрытым для независимых исследователей, приводит к тому, что эта версия больше не может оставаться вне критики.

Если так долго распространявшаяся историческая сказка неверна, то какая история заменит ее? По Суворову, Сталин вообще не хотел мира, ни во время судетского кризиса в 1938-м, ни в 1939-м, ни в 1941-м. Его позиция не была ни оборонительной, ни реагирующей на кого-либо. Он не тянул время для подготовки обороны, а готовил нападение, ожидая подходящего момента для собственного похода на запад. Он видел в Гитлере «ледокол», пробивающий большевикам путь на запад, демонического нигилиста, которой разорвет в клочья непрочную ткань постверсальской Европы, повсеместно разрушая правительства, экономический и общественный порядок, натравливая народ против народа, государство против государства, группу против группы.

Таким образом, предполагалось, что «ледокол» — Гитлер широко раскроет ворота континента для вторжения марксистских *terribles simplificateurs* («ужасных упрощателей» (франц.). — Прим. ред.) и поможет реализовать их мечты об окончании империалистических войн повсеместным триумфом пролетарских революций, во время которых массы, пришедшие в отчаяние от бед и лишений войны с Гитлером, наконец восстанут против капиталистических поджигателей войны.

Суворов доказывает, что сталинское вторжение на запад при помощи РККА было назначено на начало лета

1941-го. Если бы его доказательства широко обсуждались, то читатели, столкнувшись с хорошо разработанной системой цитат из советских военно-исторических источников, могли бы начать пересматривать всю прежнюю историю начала войны. И если бы суворовские доказательства были подвергнуты проверке, то приведенная выше псевдоисторическая версия могла быть в конце концов опровергнута. Ведь если Сталин действительно намеревался напасть на Запад в им самим выбранный момент, то причиной, по которой он заключил пакт с Гитлером в 1939-м, было не стремление к обороне, а часть тщательно разработанного плана завершить европейскую войну на истощение политическим, общественным и экономическим разрушением европейских держав.

Суворов писал военную историю и не углублялся в изучение доступных в тот момент документов, чтобы выяснить политические причины военного плана Сталина. Но в действительности этот план войны должен был иметь под собой — и имел — политический фундамент.

Очевидно, что авторами политического курса на агрессивную войну были Сталин и его ближайшие соратники в Кремле. Путь, по которому они шли, был начертан Лениным, и на их долю выпало воплотить в жизнь вышеописанную схему войны и последующей всеевропейской революции. Сообщения об этом мы находим в достоверных источниках из Коминтерна. Кроме того, что Сталин был членом его президиума, руководитель Коминтерна Георгий Димитров был частым гостем в Кремле и находился в регулярном контакте со Сталиным и с теми представителями его ближайшего окружения, кто лично передавал решения вождя органам политического контроля, а в случае Димитрова — международного политического контроля. Задолго до нападения Гитлера на СССР в июне 1941-го Сталин и его ближайшее окружение планировали исход европейской войны именно таким образом, как Суворов описал ее почти пятьдесят лет спустя: разрушение воюющих держав изнутри

в результате массового недовольства (которое Красная Армия сможет поощрять силой), возникающего вследствие войны и ее неизбежных тягостей. Он готовил Красную Армию вступить в действие, как только ожидаемый гражданский конфликт — повторяющий внутренние волнения и революции в воюющих странах в 1917-м и 1918-м — вспыхнет в Западной Европе за фронтами воюющих армий как союзников, так и Германии.

Суворов только набросал эскиз этого рискованного плана. Но теперь мы получили информацию о нем от трех независимых источников, каждый из которых подтверждает слова других, каждый рассказывает о том, что сам слышал из уст кремлевских лидеров и от других высокопоставленных советских деятелей.

Информация самого подробного из этих источников является просто древней, по стандартам современной историографии⁸. Самое свежее свидетельство (из самого Коминтерна), подтверждающее этот план, стало известно совсем недавно благодаря открывшемуся доступу в партийные архивы бывшего Восточного блока. Описание этого устрашающего плана похода на запад было сделано руководителем Коммунистической партии Германии в московском изгнании, верным сталинцем, близким к исполкому Коминтерна. Сообщение этого руководителя, скопированное в феврале 1941-го другим источником, знавшим Сталина, обрисовало возможные и предполагавшиеся тогда Кремлем последствия бушующей на Западе войны, в которую Советский Союз не был тогда непосредственно вовлечен⁹.

Тогда, в феврале 1941 г., Вальтер Ульбрихт, немецкий коммунистический лидер (в будущем — строитель позорной Берлинской стены), рассказал своим товарищам по изгнанию о том, что только что узнал: о запланированных Кремлем возможных сценариях окончания идущей тогда в Западной Европе войны¹⁰. Одним из них была описанная выше безумная затея мировой революции, поддержанной Красной Армией. Очевидно, что этот

исход был наиболее благоприятным в глазах Кремля, так как только он из всех предполагавшихся ближе всего подводил Советский Союз к достижению внешнеполитических целей большевиков¹¹.

Мы не знаем, как долго разрабатывался этот план Сталиным и его кремлевской бандой¹². Он предполагал использование большевистскими агитаторами кризиса гражданского общества внутри воюющих держав. Кремль рассчитывал на то, что Красная Армия, следуя модели 1917–1922 годов, придет на помощь воюющему пролетариату (или, возможно, воображаемому воюющему пролетариату) и рабочим и солдатским революционным советам на Западе. Революционные правительства будут установлены по всей Европе. Планы Ленина о международной революции как последствии Первой мировой войны будут исполнены таким образом в процессе Второй мировой войны.

Кроме отсутствия убедительного документального источника этого политического замысла, в доказательствах Суворова есть еще один возможный изъян. Этот драматический сценарий, с учетом предварительных условий, подразумеваемых планом похода Красной Армии на запад, совсем не совпадает с условиями военного времени, существовавшими в период, когда Сталин, согласно Суворову, планировал напасть на Гитлера: 6 июля 1941 г. Дело в том, что в то время Гитлер, еще не напавший на Советский Союз (что он фактически совершил 22 июня), должен был быть в зените своей военной силы. Он был занят, но только на нескольких второстепенных полях сражений из-за продолжающейся войны против Британии. Исходя из этого, можно сомневаться в аргументированности ряда важных доводов Суворова, особенно в предложенной им последовательности военных действий. Но на сегодняшний день общий план военного вторжения Красных на Западе хорошо известен на основании исторических свидетельств. Так что сомневаться в нем, без предварительного опровержения этих свиде-

тельств, не приходится. В любом случае, две исторических концепции, одна — устанавливающая политический замысел Кремля, и другая — его военную реализацию, должны рассматриваться по отдельности. Существование самого плана может сегодня считаться доказанным благодаря высказываниям его авторов и их ближайших сотрудников, хотя в работах Суворова оно недостаточно обосновано¹³.

Сегодня главный военно-исторический аспект доводов Суворова подтверждается данными, недоступными ему во время написания «Ледокола». И эти данные, полученные из советских военных архивов и из других, доселе закрытых архивов Восточного блока, заслуживают очень пристального внимания. Имеет смысл привести мнение другого советского военного историка, В.И. Семидетко. Начиная свое исследование «Результаты битвы в Белоруссии» о поведении Советской армии ранним летом 1941-го, он вряд ли предполагал, что придет к нижеприведенным выводам.

Семидетко, вероятнее всего, ничего не знал тогда о работе Суворова. Но, публикуя в советском *«Военно-историческом журнале»* результаты своих поисков в недавно открытых советских военных архивах, он пришел к выводу, что причина, по которой германская армия так легко прошла через позиции Красной Армии на центральном фронте в Белоруссии в июне 1941-го (где у обеих армий, нападающей и защищающейся, были приблизительно равные силы), была в том, что позиция Красной Армии была атакующей¹⁴. Это открытие, разумеется, является главной составляющей сформулированной за несколько лет до этого концепции Суворова, объясняющей тот самый разгром. Суворов тогда сказал, что Красная Армия была развернута для атаки на запад и поэтому располагалась вне оборонительных позиций, брошенных из-за наступательной доктрины Кремля. Поэтому Красная Армия оказалась очень уязвима во время наступления немцев, которые, упреждая Сталина, напали первыми.

В мои руки попали другие материалы, подтверждающие заключения, к которым Суворов и Семидетко пришли независимо друг от друга (эта независимость важна сама по себе). Один материал — советского дипломатического происхождения, совершенно независимый от военных источников, приведенных русскими авторами. Второй, совсем другой источник, содержит ту же удивительную информацию! Он из чешских архивов, закрытых до недавнего времени для независимых исследователей.

Перед германским нападением в Москву поступали предупреждения о германских военных приготовлениях на западной советской границе (многие из них британского и американского происхождения, а одно от германского посла в Москве¹⁵), и Сталин явно решил успокоить дипломатические круги и унять разговоры о германском вторжении. Сегодня мы можем только догадываться, каковы были его цели.

Кремль отправил к советскому послу в Лондоне Ивану Майскому эмиссара, ведущего советского журналиста (источник не называет его имени). Майский, действуя, несомненно, по указаниям из Москвы, давно притворялся якобы самостоятельным, заигрывал со многими политическими группами и личностями по всему демократическому Лондону, передавал британцам разные, вероятно успокаивающие вести от Сталина. Мы знаем, что 15 июня у Майского была очень длительная встреча с очень высокопоставленным чиновником британского МИДа. Там настойчиво домогались того, чтобы он передал в Москву срочные предупреждения о предстоящем германском нападении. (Читатель помнит, насколько успешны были тогда британские перехваты германских сообщений.) Доказательства, которые британский дипломат представил на этот раз, явно впервые потрясли веру Майского в утверждения его собственного начальника¹⁶. (Посол, которого могли отозвать домой в Москву, наверняка не часто подвергал сомнению слова, провозглашенные «величайшим гением человечества».) После

этого британцы передали своим союзникам в качестве политических разведывательных данных сталинское послание, отрицающее вероятность германского нападения. Через три дня сообщение из Москвы было записано как минимум одним из них, Карелом Эрбаном, аналитиком Министерства иностранных дел Чехословацкого национального комитета (в изгнании), и передано чешскому руководству в Лондоне¹⁷.

Эрбан сообщил, что Советы не боятся немцев, объясняя германскую концентрацию сил на советских границах просто проверкой бдительности и готовности потенциального противника. Однако, сказал московский эмиссар, если необходимо, они готовы пойти на многие политические и экономические уступки, чтобы откупиться от Гитлера даже с временным эффектом. Было сказано открыто о разрешении предоставления германской военной помощи нейтральной Турции (и, следовательно, намекалось на то, чего Берлин давно хотел: вступление Турции, добровольное или принудительное, в лагерь Германии). Такой ход, вполне возможно, ожидаемый после недавних успешных кампаний Гитлера на Балканах, не вызовет возражений Москвы. Это означало отказ Сталина (как минимум временный) от традиционных российских интересов в юго-восточной Европе, особенно в Болгарии и в проливах, — от интересов, реализации которых Сталин, с помощью Молотова, совсем недавно добивался на советско-германских переговорах в Берлине в ноябре 1940-го — к явному отворачиванию Гитлера.

Сталин, вероятно, представлял себе, что такого рода германское продвижение на юго-запад отвлечет на некоторое время внимание Гитлера от советских границ (и растянет силы вермахта далеко на юго-запад, создавая уязвимый балканский фланг), что уже отчасти и произошло во время его югославской, греческой и критской кампаний. (Быстрое советское продвижение в южном направлении на Румынию, которое Суворов считает необходимым для сталинского плана предстоящего на-

падения на Германию, не только отрезет поставку нефти Гитлеру, но и поймает в ловушку германские армии на юге и на востоке, не позволяя им вернуться на домашний фронт, чтобы встретить там предстоящую главную советскую атаку в западном направлении, через бывшую Польшу.)

Эмиссар сообщил, что сталинский план отвлечь силы потенциального нацистского противника и отсрочить, за счет Болгарии, его продвижение прямо на восток был также направлен на ослабление обеих сторон в войне, заботясь о том, чтобы она длилась как можно дольше. Ясно, что, если бы Гитлер принял от Сталина эту взятку, британцы были бы еще больше втянуты в войну на Балканах и в восточном Средиземном море. Советские уступки в Турции, чтобы заманить немцев на юго-восток, потребовали бы от Гитлера отложить нападение до осени. Это означало бы отсрочку, по климатическим соображениям, до следующей весны. Это дало бы Красной Армии шанс стартовать первой — если действительно, как считает Суворов, Сталин имел в виду наступать¹⁸ в 1941-м (или даже в 1942-м, по мнению другого историка). Тот, кто докладывал из Кремля, сообщил, что в Москве так мало боялись немцев, что Красная Армия уже заняла наступательные, а не оборонительные позиции.

В этом докладе много поразительной информации, определенно неизвестной огромному большинству исследователей истории Второй мировой войны и подтверждаемой другими источниками. Это подтверждение увеличивает доверие к самому источнику, который является, таким образом, совершенно достоверным свидетельством об удивительном — и уязвимом — расположении Красной Армии за неделю до немецкого нападения 22 июня 1941 г.

Такие данные о поведении советских войск накануне нападения Гитлера безусловно должны вызвать новый интерес к спорным заключениям Суворова. Поэтому я считаю важным более подробно коснуться творчества Суворова и надеюсь объяснить, почему большинству

англоязычных читателей, интересующихся этой войной, ничего не известно о его точке зрения.

Фактически выводы Суворова были оспорены в английской прессе только одним автором, профессором Тель-Авивского университета Габриэлем Городецким. Обмен аргументами между Суворовым и Городецким произошел впервые еще в 1986 году в Журнале Британского Королевского Института Служб [RUSI], военном периодическом издании¹⁹. Концепция Суворова была опубликована вне русских эмигрантских кругов только незадолго до этого обмена мнениями.

Решив опубликовать статью Суворова, редакторы журнала RUSI, возможно, решили, что ее спорность требует быстрого опровержения. Редакторы иногда пользуются подобной техникой, чтобы снять с себя ответственность за особо необычную публикацию, в данном случае — в определенном смысле потенциально прогерманскую. Ведь Гитлер сам, как было сказано ранее, оправдывал свое нападение на Советский Союз тем, что он должен был ударить на восток до того, как Советы ударят на запад. И что может быть менее политически корректно, и тогда и сейчас, чем согласиться даже в чем-либо с фюрером нацистов, о котором никто (среди взрослых и умственно полноценных) не будет жалеть.

Возможно и другое объяснение: Городецкий прочитал статью Суворова и предложил редакторам свои доводы в качестве опровержения. Кстати, доводы Суворова были оспорены не раз на различных основаниях (например, автором этих строк, желавшим знать, как кремлевский план удара на запад, следующий за ожидаемым внутренним развалом в воюющих странах, мог быть назначен, по Суворову, на 6 июля 1941 года, когда Гитлер был наиболее силен в военном отношении и его империя относительно послушна)²⁰. Но историк Городецкий не пытался тогда опровергнуть доводы Суворова, даже его странные сроки советского нападения, используя свои источники в противовес военно-историческим источникам Су

ворова. Вместо этого он цитировал дипломатические записи советского происхождения, которые, разумеется, были тщательно отобраны и отредактированы — и крайне ненадежны. И он не использовал никаких своих аргументов для опровержения суворовских суждений о политическом плане Кремля, стоящем за военными планами. И так, Городецкий никогда по-настоящему не оспорил утверждение Суворова, что у Сталина был прежде всего политический план похода на запад. Он просто игнорировал политический аспект. Отсюда следует, что, хотя некоторые из дипломатических аргументов Городецкого познавательны и интересны, он не скрестил интеллектуальные шпаги с Суворовым ни по одному из его важнейших аргументов. Городецкий и в более поздних своих работах на ту же тему не проявил ни малейшей осведомленности о существовании опубликованных документов, указывающих на то, что был обстоятельный политический план вмешательства Советов в ситуацию на Западе.²¹

В контраст почти полному молчанию англоязычных рецензентов, сыгравшему, возможно, свою роль в запоздалом появлении английского перевода книги Суворова (через пять лет после его статьи в журнале RUSI), немецкий перевод «Ледокола», вышедший в 1989 г., самый ранний книжный вариант его исследования (с несколько иным подзаголовком, «Гитлер в планах Сталина» [Hitler in Stalins Kalku²²]), получил очень серьезные рецензии. Среди рецензентов были два очень знающих исследователя того периода, Александр Фишер, профессор Боннского университета (недавно умерший, в прошлом член важной парламентской комиссии по повторному изучению германского прошлого), и Гюнтер Гиллесен, многолетний исторический редактор самой престижной германской газеты «Франкфуртер алгемайне цайтунг». Профессор Фишер, автор многих книг и сборников документов о дипломатии того периода, включая советскую дипломатию, нашел книгу Суворова смелой — но не

убедительной. Однако он тактично воздержался от окончательного приговора, верно замечая, что настоящее решение требует изучения того, что, возможно, раскроют советские архивы. Редактор Гиллесен описал книгу как слишком полемичную и, вторя Фишеру, недостаточно убедительную, как основанную на исключительно косвенных доказательствах²³.

Читатель, знакомый с трагической современной историей Германии и понимающий, какая огромная ответственность накладывается необходимостью исторического и юридического объяснения событий, отягощающих прошлое нескольких поколений немецкого народа, поймет, насколько осторожны должны быть немецкие авторы, оценивая исторические работы, могущие как-либо положительно осветить действия бывшего немецкого фюрера.

Суть того, что можно было бы назвать негласным соглашением между серьезными немецкими авторами, состоит в утверждении, что нельзя снисходительно относиться к попыткам уменьшить ответственность немцев за войну. Следует любой ценой избегать способа уменьшения исторической ответственности, к чему могло бы привести слишком буквальное восприятие доводов Суворова и близких к ним рассуждений. Недавняя долгая, временами беспощадная, дискуссия в немецкой прессе об источниках преступного поведения Гитлера (включая попытки найти эти источники вне Германии), так называемая «битва историков» (Historikerstreit)²⁴, ясно показала, насколько болезненными могут оказаться исторические дискуссии в немецком обществе, мучимом чувством вины, доходящим почти до духовного самоуничтожения. С этой точки зрения можно рассматривать критическую сдержанность обоих немецких рецензентов в отношении вескости доводов Суворова (несомненно, заслуживающих немалого скептицизма). Таким образом, в Германии крайняя осторожность, продиктованная ужасными событиями германского прошлого, произвела тот же цензурирующий эффект, что в англоязычных странах

произвело явное отсутствие интереса к пересмотру этой части прошлого²⁵.

Сам факт того, что первый перевод исследования Суворова появился в Германии, важен не только для историографии. Издание работы Суворова на немецком языке в виде книги свидетельствует о том, что в постоянно ведущихся, хотя и ограниченных, немецких публичных дискуссиях по истории Второй мировой войны пакт Молотова—Риббентропа играет центральную роль. Публикация книги позволила заново открыть тему, почти никогда не обсуждавшуюся и выглядевшую вполне решенной благодаря многолетнему господству (и в Германии тоже) единой интерпретации событий начала Второй мировой войны²⁶.

Как мог бы Гитлер начать войну, к которой он так отчаянно стремился в 1939-м, если бы Советский Союз активно поддержал военной помощью или как минимум военными поставками и продовольствием страны на своем западном фланге, которые блокировали немецкую агрессию, направленную на восток, на Советский Союз? Даже Гитлер не пошел бы, вероятнее всего, на такой риск, имея сильных противников с запада. Но если бы этот вечно рискующий авантюрист все равно двинулся бы в поход, это была бы совершенно иная война, иные союзники, иные сроки, а не те, которые нам известны.

Недавно появилась новая книга Суворова с новыми, тщательно разработанными доказательствами его доводов, и продолжается международное обсуждение тем, относящихся к его работе. Доказательства правоты его версии становятся все сильнее. Поэтому эти темы обсуждаются все шире, хотя, как ни странно, пока вне первых полос исторических форумов англоязычных стран. Нынешнее обсуждение в Европе было стимулировано появлением первой книги Суворова в Польше и в России²⁷. Можно было представить себе популярность польского издания в посткоммунистической, вновь освобожденной Польше. Ведь Вторая мировая война — это центральное событие в новейшей истории Польши. Поляки были

первыми и в конечном итоге наиболее несчастными, жертвами советско-нацистского альянса с 1939 по 1941 год. Половина их довоенной территории была захвачена Сталиным, бесчисленные граждане Польши попали в сталинские и гитлеровские лагеря (наибольшей частью многих миллионов евреев, убитых в немецких лагерях смерти, были граждане Польши), с 1944 по 1989 год они были узниками тиранического режима, изобретенного Сталиным и его друзьями для них – и предназначенного для всех и каждого, кого Красная Армия смогла загнать в свой лагерь. То, что поляки обнаружили большой исторический интерес к своему самому продолжительному – в течение веков – традиционному мучителю, России, не удивит никого, кто знаком с историей Центральной и Восточной Европы.

Русское издание книги Суворова «Ледокол» 1992 года особенно важно для обсуждения судьбы его идей, так как оно явно помогло выдвинуть дискуссию о предполагаемом сталинском плане войны на центральное место исторического спора о Сталине и сталинизме в нынешней России.

Русское издание Суворова появилось только в 1992-м, и уже после этого в послесоветских исторических журналах появились три статьи на ту же тему. Ведущий журнал *«Отечественная история»* напечатал русский перевод статьи немецкого военного историка Йоахима Хоффмана «Подготовка Советским Союзом наступательной войны в 1941 г.»²⁸. Приблизительно в то же время появилась в *«Новой и новейшей истории»* вторая статья, «Готовил ли Сталин упреждающий удар против Гитлера в 1941 г.»²⁹. Ее автор, генерал-полковник Ю.А. Горьков, рассмотрел план под названием «Соображения по стратегическому развертыванию Вооруженных сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками», найденный некоторое время до этого в бывших советских архивах. Этот план, подготовленный в мае 1941 г. генералом армии (в будущем – маршалом) Г.К. Жуковым, был опублико-

ван в краткой форме в падком на сенсации немецком журнале «Шпигель»³⁰.

Статья Хоффмана является исследованием, совершенно независимо от суворовского доказывающим, что Сталин собирался напасть на Запад в 1941 г. Она появилась впервые в 1991 г. в сборнике статей на немецком языке под названием «*Два пути на Москву*» [Zwei Wege Nach Moskau. Vom Hitler-Stalin Pakt zum «Unternehmen Barbarossa»]³¹. Профессор Городецкий был включен в тот же сборник, примостившись в печатной форме рядом с Хоффманом, с намерением опровергнуть Суворова (и усиливая впечатление того, что некоторые редакторы боятся, как бы историки, подозревающие Сталина в агрессивных намерениях, не остались бы одинокими и неоспоренными). Как ни странно, та же в сущности его статья, с некоторыми добавлениями, была опубликована двумя годами раньше в немецком историческом журнале Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. Там Городецкий очередной раз высказался о Суворове и так же запальчиво, как и в своих предыдущих нападках на него, взялся разгромить предположение Суворова о том, что у Сталина был наступательный план (на этот раз назвав его «новейшим, самым крайним и самым неточным описанием тех событий»)³². Но снова атака была направлена на русского эмигранта, а не на ближайшего соседа по сборнику Хоффмана, статья которого осталась неупомянутой.

Работа Хоффмана поддерживает многие открытия Суворова. Но Городецкий явно не видел ее, за исключением намного более ранней (1983) и менее законченной версии. Городецкий снова приходит к своим антисуворовским заключениям, не рассматривая никакие военно-исторические источники Хоффмана (в последней статье — в основном немецкие отчеты о допросах советских военнопленных) и также не критикуя военно-исторические источники, процитированные Суворовым. Более того, Городецкий писал, явно не зная о давно опубликованных материалах кремлевских планов войны³³. Эти планы (ко-

торые, как было замечено выше, Суворов тоже пропустил), были с 1954 г. широко доступны на английском языке. Вместо этого Городецкий отверг саму идею того, что подобное мышление — не оборонительное — существовало в Кремле, отождествляя ее с идеями, которые были созданы (антисталинистами, следует полагать) «в разгар холодной войны»³⁴. И в той области, где новые исторические источники и сюрпризы появлялись почти ежедневно, он привел в поддержку своего последнего опровержения Суворова только материалы, опубликованные как минимум за два года до немецкой публикации «Двух путей на Москву». И, опираясь на такую непрочную базу, Городецкий тем не менее объявил «абсурдным» утверждение, что Сталин планировал наступление в западном направлении. Не заметив нескольких недавних сообщений, ставящих на основе советских источников под вопрос допущение, что политические намерения Сталина с 1939-го по 1941-й были добрыми и оборонительными, сообщений, предоставленных еще в 1989-м и в 1990-м советскими историками В.И. Дашичевым и М.И. Семирягой, Городецкий пришел к заключению (как читатель уже знает — неверному), что «совершенно нет свидетелей [дающих показания] о намерениях Сталина»³⁵.

Городецкий связал интерес к Суворову в Германии с попыткой снять вину с Германии. Он заявил, что популярность книги в Германии (в отличие от ее практической безвестности в Англии, Франции и, он мог бы добавить, в США) происходит из тайной поддержки ее неонацистами. На самом деле, если бы профессор Городецкий следил за солидной немецкой библиографией в этой области исследований, он знал бы, что немецкий исторический интерес к войне на Восточном фронте (и к Восточной Европе вообще, если судить по немецким академическим трудам на славянские темы — в отличие, скажем, от французских) многие годы был большим, чем где-либо в Европе — если не по каким другим, то по понятным географическим причинам. Итак, позиция

Городецкого как историка очень странна. От исследователя можно было бы ожидать скорее преданности идее открытого обмена мнениями, а не их замалчивания. Таковую судьбу, постигшую англоязычные издания Суворова, Городецкий косвенным образом приветствует³⁶.

Статья генерал-полковника Горькова интересна тем, что он отрицает то, что план советского нападения на запад мая 1941 г. (который он сам и публикует) был чем-то большим, чем просто планом контратаки, ввиду известных немецких приготовлений к нападению на Советский Союз. Подчеркивая оборонную суть советского плана войны, Горьков отрицает, что у Советов был и дополнительный план захвата территории после запланированного броска на запад — броска, успех которого завел бы их внутрь Германии, до Бреслау и Данцига.

Невозможно представить, чтобы этот дополнительный советский план не существовал. Как могли обе стороны оставить Красную Армию на ее позициях внутри Германии после таких первоначальных военных достижений — если бы жуковский план увенчался успехом? Осталась ли бы Красная Армия просто занимать большую часть Восточной Германии и того, что ранее было захваченной нацистами центральной или даже западной Польшей? Следовало ли Красной Армии после успешного продвижения на запад стойко держаться на новой линии обороны, ведя войну на истощение против немцев — войну, поддерживаемую огромными людскими и сырьевыми ресурсами Кремля, — до тех пор, пока внутренний фронт Германии не рухнет и Красная Армия снова не двинется на запад, на этот раз почти беспрепятственно?

Но и в том маловероятном случае, если бы Сталин имел в виду мир, а не международную революцию, Советам наверняка был бы нужен военно-политический план окончательного, оформленного переговорами отступления с фронта в центрально-восточной Европе к советским границам, после того как Гитлер будет разбит и воцарится мир. Красная Армия на могла просто так

промаршировать несколько сотен миль внутрь хорошо вооруженной гитлеровской Германии, как предполагалось планом Жукова, а потом вернуться на свои первоначальные позиции. Чего ради? Где-то, на каком-то уровне, должны были быть другие планы с каким-то политическим результатом успешного вторжения, предусмотренного планом, о котором сообщил Горьков.

Однако Горьков демонстрирует непонимание того, что обсуждаемый им военный план мог иметь какое-то отношение к кремлевским замыслам на то время, которое последует за предполагаемым успехом западной кампании. Он также предстает неосведомленным о склонности Сталина к политическому авантюризму, склонности, обсуждавшейся даже в советских исторических изданиях (и в других местах) российскими коллегами Горькова — Дашичевым и Семирягой (и некоторыми другими).

Статья Горькова 1993 года тем не менее важна, поскольку она, как и российское издание перевода статьи Хоффмана, выдвинула вопрос сталинских военных планов прямо в центр оживленных российских обсуждений ключевого периода советского прошлого. Работа Горькова касается и Суворова, и ряда публицистических статей в российской прессе о сталинских военных планах, и «круглого стола» на эту тему, проведенного в мае 1992 г. в Москве в Институте военной истории Министерства обороны Российской Федерации³⁷.

Третья статья, помещенная в № 1 *«Отечественной истории»* за 1994 год, тоже фокусируется на Суворове. Цель автора очевидна: изложить в основном мнения многочисленных немецких критиков Хоффмана и Суворова (игнорируя, как и почти все другие такие авторы, постсоветских историков, доказывающих агрессивные намерения Сталина). Но автор, А.И. Борозняк, тем не менее отмечает, что некоторые из критиков, как, например, профессор Фишер, утверждают, что вопрос не может быть решен, пока советские архивы, многие из которых и сегодня закрыты для независимых исследователей по

очевидным политическим причинам, не будут тщательно исследованы³⁸. Недавно та же «*Отечественная история*» опубликовала несколько статей российских историков, которых пустили в архивы, открытые для независимых исследователей, в то время как Центральный президентский архив недоступен. Суть находок трех из них состоит в том, что советская военная доктрина поощряла «империалистические» войны и что Сталин радикально изменил направление советской пропаганды зимой 1941 г. (когда Вальтер Ульбрихт сообщал немецким партийным товарищам новости о возможной поддержке Красной Армией революции на Западе): от осуждения всех «империалистических» войн на поддержку наступательной войны³⁹.

Обсуждение роли Сталина в развязывании войны идет сейчас и на Западе, и на Востоке, хотя некоторые историки полны решимости прервать это обсуждение, называя «абсурдным» оспаривание традиционного видения замыслов Сталина как миролюбивых. Обсуждение доводов Суворова и других исследователей об агрессивных планах Сталина должно в ближайшие годы помочь вернуть эту тему в главное русло мировых научных споров. Их место там — особенно учитывая склонность некоторых постсоветских историков, как и защитников Сталина на Западе, заранее отвергать его ответственность за несчастья Второй мировой войны.

Настало время добросовестных исторических дискуссий, основанных на открытом допуске к архивам и ведущих к честному пониманию советского прошлого и советской политики, приведшей СССР к катастрофе как на внутренней, так и на международной арене. Это особенно важно, если учитывать тенденцию нынешнего правительства России к военным решениям кризисов и к бессовестному использованию угроз — как в отношениях с более слабыми соседями, так даже и с Соединенными Штатами.

Перевод с английского Миши Шаули.

Примечания

На книгу Суворова была написана краткая рецензия, вместе с рецензией на книгу Д. Уатта (см. в тексте и в сноске 2) и на другие книги того же времени, в *New York Review of Books*, 12 октября 1989, 11–16, отставным профессором Гордоном Крейгом из Стэнфордского университета. Но Крейг писал для американского читателя о немецком издании – английское тогда еще не вышло в свет. Крейг, который многие годы работал в области немецкой истории, но мало занимался советскими или восточноевропейскими темами, как военными, так и другими, сталинского периода, посчитал аргументы Суворова недостаточными. Крейг выразил мнение, что если Сталин действительно собирался нападать в западном направлении в 1941-м, как считает Суворов, то западные военные атташе и дипломаты в Москве сообщили бы об этом. Он не нашел «никаких записей об этом в документах зарубежных посольств или в докладах их военных атташе». Даже если мы предположим, что Крейг перерыл документы и отчеты во многих относящихся к делу архивах, он должен был иметь в виду западные документы и отчеты, так как в 1989-м многие архивы бывшего Восточного блока не были еще открыты для западных и других независимых исследователей. Более того, исследователь, который работал с западными дипломатическими документами из Москвы, должен знать, что в параноидально скрытном государстве Сталина иностранные дипломаты и военные обозреватели не могли свободно передвигаться по Советскому Союзу, и особенно по его недавно оккупированным западным приграничным районам, чтобы проводить свои наблюдения. Многие западные дипломаты упоминали об этих огорчающих обстоятельствах в своих докладах. Поэтому этот аргумент против Суворова вряд ли действителен.

Нью-Йорк, 1989.

См. Ralf Georg Reuth, Goebbels (перевод с немецкого, Нью-Йорк), запись в дневнике Геббельса от 16 июня 1941 г. В феврале 1945 г. Гитлер повторил, что Сталин собирался напасть в западном направлении. См. Alan Bullock, *Hitler and Stalin* (перевод с английского, Берлин, 1991), SS. 924–26, 939, 941.

Судя по всему, многие авторы воспользовались подвернувшейся коммерческой возможностью, представленной пятидесятилетним юбилеем войны в 1989-м, чтобы написать книги о 1939-м. Когда буря разглашений разразилась в начале 1988-го в СССР, а вскоре после этого в остальном Восточном блоке, они, видимо, не знали, что там происходит, либо были связаны договорами или другими обязательствами, заставлявшими их закончить работу к годовщине окончания войны (т.е. практически к 1989 г.). Новые материалы, жизненно важные для понимания истории возникновения войны, остались вне рассмотрения. О руководителях западной дипломатии, ведущих кампанию веры в оборонительные намерения Сталина, см. R.C. Raack, *Stalin's Drive to the West, 1938–1945. The Origins of the Cold War* (Stanford, 1955), 55, 89.

Observer, 5 мая 1990, 30. Книгу проигнорировали главные академические и специальные (занимающиеся славянскими исследованиями) журналы. В США были рецензии только в двух относительно малоизвест-

ных военных журналах. В обоих случаях рецензенты отвергли доводы Суворова: один очень решительно (*The Journal of Soviet Military Studies*, 4[1991]:195–97); вторая рецензия была краткой, в *Air Force Magazine* 7[1991]:55. Рецензент *JSMS* написал, что германские военные документы не подтверждают выводы Суворова, согласно которым Советы были неподготовлены, и что Сталин отверг жуковский план упреждающего удара. Смотри сноску 26 – обсуждение работы немецкого военного историка Иоахима Хоффмана, доводы которого частично поддерживают Суворова на основании тех же немецких источников. Смотри в тексте также обсуждение жуковского плана. В Британии книгу не рецензировали в двух наиболее важных академических журналах, специализирующихся на славянских исследованиях.

- ⁶ Игор Люкес в нескольких статьях успешно опроверг мнение о том, что Сталин хотел предоставить чехословакам серьезную военную помощь в 1938-м. См. статьи Люкеса «Желал ли Сталин войны в 1938? Новый взгляд на советское поведение во время майского и сентябрьского кризисов», *Diplomacy and Statecraft*, 2 (1991): 2–53; и «Benesch, Stalin und die Komintern 1938/1939. Vom Münchener Abkommen zum Hitler-Stalin Pakt», *Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte*, Jg. 1993, Heft 3, 325–353.
- ⁷ Горбачев в «Правде», 3 ноября 1987 г. Далее следует небольшая, но представительная выборка работ как популярных, так и академических авторов, поддерживающих мнение об обороняющемся Сталине. Не все авторы согласны друг с другом по всем деталям вышеприведенной версии. Но суть, т.е. то, что намерения Сталина в 1939-м были оборонительными, присутствует везде, явно или намеком. См. Winston S. Churchill, «The Gathering Storm» in *The Second World War*, I (Boston, 1948), 391–94; Arnold J. and Veronica Toynbee, eds., «The Eve of War, 1939» *Survey of International Affairs* 10 (London, 1958), 23, 25, 504; A. J. P. Taylor, *The Origins of the Second World War* (New York, 1968), 163–64, 241, 261, 263, 267, 278; D. C. Watt, *How War Came. The Immediate Origins of the Second World War* (London, 1989), 112–113, 117–119, 369–370, 372–373; Peter Calvocoressi, Guy Wint and John Pritchard, *Total War. The Causes and Course of the Second World War* (second ed., Harmsworth, 1989), 71, 96–100, 106; Hermann Graml, *Europas Weg in den Krieg. Hitler und die Mächte 1939* (Munich, 1990), 251. Контрастируя с вышеприведенными авторами, James E. Macsherry, *(Stalin, Hitler and Europe. The Origins of World War II, 1933–1939, vol. II* (Cleveland, 1970) уделил должное внимание советским источникам, существовавшим во время, когда он писал, но тем не менее оптимистично заключил (задолго до недавнего открытия источников и архивов бывшего Восточного блока), что «сравнительно легко сформулировать ясную картину советской зарубежной политики в 1938-м и 1939-м». Еще недавно наличие оборонительных намерений Сталина в 1939-м представлялось как неоспоримое Джонатаном Гасламом: Jonathan Haslam, *Soviet Foreign Policy, 1939–1941: Isolation and Expansion*, *Soviet Union* 18 (1991): 106.
- ⁸ См. мою статью «Stalin's Plans for World War II» in *Journal of Contemporary History*, 26 (1991): 215–27.
- ⁹ Доклад Вальтера Ульбрихта в архиве *Stiftung der Parteien und Massenorganisationen der DDR im Bundesarchiv* (Berlin), Wilhelm Pieck

Nachlass 36/528: «Politischer Informationsabend am 21.2. 1941». Пик также отметил, что Ульбрихт непосредственно перед этим выступил в Президиуме Исполкома Коминтерна. См. также «Did Stalin Plan a Drang nach Westen?» in *World Affairs*, 155 (1992), 13–22; особенно важно – «Послеловие», 22.

- ¹⁰ Читатель помнит, вероятно, что в феврале 1941-го, когда Ульбрихт это рассказывал, Советы были вовлечены в несколько необъявленных войн, связанных с общей европейской войной, формально объявленной Британией и Францией после вторжения Германии в Польшу в сентябре 1939-го. У Советов было несколько серьезных схваток с Японией на границе Маньчжурии в конце лета 1939-го. Они вторглись в Польшу в конце лета – начале осени того же года, в сотрудничестве с Гитлером, потом сделали то же в Финляндии без его помощи. Через несколько месяцев они военной угрозой присоединили страны Балтии и румынские провинции Бессарабию и Северную Буковину к Советскому Союзу. Но слишком многие историки, часто выдающие события от 1938-го до 1945-го исключительно через очки, изготовленные в Западной Европе и в США, проглядели связь между советским авантюризмом на востоке и германской войной на гораздо более знакомом им западе Европы.
- ¹¹ Наиболее доступным из нескольких сообщений, если читатель не понимает литовский язык, является свидетельство бывшего министра иностранных дел Литвы Винкаса Креве-Мицкевичуса, переведенное на английский в U.S. Congress, House of Representatives, Select Committee on Communist Aggression, Third Interim Report (Washington, D.C., 1954), 340–45, 451–63. J. Эдгар Гувер предоставил явно независимое сообщение о нем же от одного из «высших русских источников», А.А. Берлу 17 июня 1940 г. в United States National Archives, M982, R25. См. также Grigoriĭ A. Tokaev, *Stalin Means War* (London, 1951), chapter 2, *passim*.
- ¹² Вероятнее всего – с первых же дней большевистской власти в России, поскольку этот план в общем дублирует недавно опубликованную ленинскую идею войны против Польши: В.И. Ленин, «Я прошу записывать меньше: это не должно попадать в печать», *Исторический архив*, № 1/1992, 12–30; см. также Joachim Hoffmann, *Stalins Vernichtungskrieg, 1941–1945* (Munich, 1995), 18.
- ¹³ См. R. C. Raack, «Stalin's Plans for World War II», *passim*, и того же автора «Stalin's Plans for World War II Told by a High Comintern Source», *The Historical Journal* 38 (1995).
- ¹⁴ В. И. Семидетко. Истоки поражения в Белоруссии, № 4/1989, 1–30.
- ¹⁵ С.А. Горлов в «*Новом времени*», № 8/1991, 38–39 и В.В. Соколов, «Дипломатический ход во имя мира», *Вестник Министерства иностранных дел СССР*, № 20/1990, 57–58.
- ¹⁶ Gabriel Gorodetsky, «Was Stalin Planning to Attack Hitler in June 1941», *RUSI Journal* (June 1986): 71–72.
- ¹⁷ Датировано 18 июня 1941-го, найдено в Archiv ministerstva zahranicnich veci' в Праге, дело 4–70–114.
- ¹⁸ Joachim Hoffmann, «Die Angriffsvorbereitungen der Sowjetunion 1941» in Bernd Wegner, ed., *Zwei Wege nach Moskau. Vom Hitler-Stalin-Pakt bis zum «Unternehmen Barbarossa»* (Munich 1991), 367–388.
- ¹⁹ Viktor Suvorov, «Who was Planning to Attack Whom in June 1941, Hitler or

Stalin?» RUSI Journal, (June 1985): 50–55; Gorodetsky, *ibid.*, June 1986, 69–72; и снова, Suvorov, «Yes, Stalin Was Planning to Attack Hitler in June 1941», *ibid.*, 73–74.

- ²⁰ На конференции в итальянском курорте Белладжио, посвященной годовщине немецкого нападения, как минимум четыре историка коснулись непосредственно этой темы, но только двое говорили о плане сталинского нападения на запад – и оба отвергли эту идею. Немец Герд Юбершар (Gerd Ueberschar) говорил о «Hitler's Decision to Attack the Soviet Union in Recent German Historiography» (опубликовано в *Soviet Union 18* [1991]: 297–316). Он цитировал статьи Суворова в журнале RUSI, книгу Суворова и Хоффмана (о последней – см. сноску 18) и критиковал доводы обоих. Доклад Александра Даллина (Alexander Dallin) назывался «Сталин и немецкое вторжение» (напечатано в том же номере *Soviet Union 18*, 19–37). Даллин заметил, что «мнение о возможном советском нападении на Германию в 1941-м (или в 1942-м) абсурдно... полностью несостоятельная гипотеза» (там же, 20). Он цитирует статьи Суворова, но не книгу и не статью Хоффмана. Даллин назвал статью Городецкого в сборнике Вегнера (см. сноску 21) «мастерским опровержением» (там же). Он ничего не сказал об аргументах и доказательствах в пользу его утверждения. Карл Дрекслер (Karl Drechsler), историк из бывшей Восточной Германии, в докладе «Germany and its Allies and the War against the Soviet Union, 1940–1942», (там же, 39–58) не обращался к этой проблеме, явно важной для темы его работы. Так же поступил и британский ученый Джонатан Гаслам (см. сноску 7).
- ²¹ Gabriel Gorodetsky, «Stalin und Hitlers Angriff auf die Sowjetunion», in Wegner, 347–366.
- ²² Stuttgart, 1989.
- ²³ Fischer in *Das historisch-politische Buch*, 1989, 117; Gillessen in «Politische Bücher», FAZ, 27 April 1989.
- ²⁴ См. обсуждение у Charles S. Maier, *The Unmastered Past* (Cambridge, Mass., 1988).
- ²⁵ В книге Ernst Topitsch, *Stalin's War: A Radical New Theory on the Origins of the Second World War* (перевод с немецкого, Лондон, 1984), содержащей ранние версии тезисов, похожих на суворовские, нет исследовательского материала, основанного на военной документации или на других источниках, могущих убедить автора этих строк в том, что в ней представлено нечто большее, чем гипотеза.
- ²⁶ Очевидная самоцензура немецких историков, пишущих по этому предмету, и вредящая историческим исследованиям, описана Гюнтером Гиллессеном в рецензии на книгу Йоахима Хоффмана «*Сталинская война на уничтожение*» (см. сноску 12) как «связанная с политическими интересами и проявляющаяся в добровольном отрицании профессиональных знаний».
- ²⁷ *Lodolamacz* (Варшава, 1991) и «*Ледокол*» (Москва, 1992).
- ²⁸ В номере 4/1993, 19–31, опубликован перевод с немецкого этой статьи из Вегнера, 367–388.
- ²⁹ В номере 3/1993, 29–45. К той же теме относится и опубликованный в ВИЖ («Планировал ли Сталин войну против Гитлера?» 6/1991, 26–33) отрывок из книги 1970 года двух немецких авторов, писавших в те вре-

мена, когда еще не были известны важные материалы, и отвергавших версию о том, что Гитлер был вынужден начать превентивную войну. Мне показалось, что редакторы журнала очень хотели опубликовать все, что только угодно, опровергающее этот взгляд.

³⁰ «Schukows Angriffsplan», *Der Spiegel*, 24/ 1991, 148

³¹ См. сноску 15. Недавно сборник вышел на английском.

³² Сборник Вегнера, сноска 1. Городецкий также нападает в том же сборнике Вегнера на статью Гоффмана с 1983 г. («Der Rote Armee bis Kriegsbeginn 1941», в сборнике Хорста Боога и др., *Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg, IV [Stuttgart, 1983], 56–75*) как «не имеющую существенных доказательств».

³³ См. сноску 11.

³⁴ Статья Городецкого под заголовком, сходным с появившимся в сборнике Вегнера, «Stalin und Hitlers Angriff auf die Sowjetunion. Eine Auseinandersetzung mit der Legende vom deutschen Praeventativschlag», in *Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte*, Jg. 37 (1989): 645–72. Приписывание Городецким вины на основании хронологической общности – в сборнике Вегнера, сноска 13.

³⁵ V. I. Dashichev, «Der Pakt der beiden Banditen», и «Stalin hat den Krieg gewollt», в *Rheinischer Merkur/Christ und Welt*, 21 и 28 апреля 1989; и М. И. Семиряга, «17 сентября 1939 года», *Советское славяноведение*, 5 (1990): 14, и «Советский Союз и предвоенный политический кризис», *Вопросы истории* 9 (1990): 54–61. Два известных американских специалиста, Роберт Конквест (Robert Conquest) и Роберт Такер (Robert C. Tucker), также скептически относившиеся к предполагаемым оборонительным планам Сталина, подверглись, как и Хоффман, резкой атаке в статье из журнала (стр. 646, сноска 3, стр. 658, сноска 40). Городецкий заявляет, что мнение о том, что у Сталина были экспансионистские планы и что он собирался захватить Центральную и Восточную Европу, давно устарело (сборник Вегнера, стр. 363, сноска 13). В 1977 г. Такер высказал мнение, что сталинские территориальные планы международного большевизма восходят к Ленину. См. «The Emergence of Stalin's Foreign Policy», in *Slavic Review*, 36 [1977]: 588–589).

³⁶ В статье, напечатанной в журнале (сноска 34, стр. 645–648), Городецкий явно радуется неизвестности Суворова в англоязычных странах (стр. 646); Городецкий возмутительным образом связывает популярность Суворова с «ревизионистской» частью участников «битвы историков» в Германии (там же, 645–646). Кажется совершенно очевидным, что историки должны добывать факты, письменно излагать их и критически рассматривать основанные на них аргументы, не приписывая «политически некорректные» мотивы тем, с кем они интеллектуально несогласны.

³⁷ Горьков, стр. 29.

³⁸ «22 июня 1941 года: взгляд с той стороны», в номере 1/1994, 148–156. Автор Борозняк, открыто восторгающийся тем, что немцы (как минимум – некоторые) так хотят оправдать Сталина (и русских), явно не понимает, что некоторые немецкие критики идеи превентивной войны Гитлера грешат той же роковой ошибкой, что и американские историки-«ревизионисты», пишущие о холодной войне: они пытаются разгадать замыслы Сталина, изучая исключительно собственные архивы. Но

это очевидно порочный метод, хотя его неизбежно ущербные результаты не помешали их издателям продать много книг.

- ³⁹ См. в номере 1/1995, Л. Н. Нежинский и И. А. Челышев, «О доктринальных основах советской внешней политики в годы холодной войны», 3–27, и в номере 2/1995, В. А. Невежин, «Речь Сталина 5 мая 1941 года и апология наступательной войны», 54–69, и М. И. Мельтюхов, «Идеологические документы мая-июня 1941 года о событиях Второй мировой войны», 70–85.

*Хайнц Магенхаймер**

СТРАТЕГИЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА: НАСТУПАТЕЛЬНАЯ, ОБОРОНИТЕЛЬНАЯ, ПРЕВЕНТИВНАЯ?¹

...Советская сторона наблюдала за немецкими успехами в юго-восточной Европе с растущей озабоченностью. Для Сталина и руководства Красной Армии Германия была главным противником, доказавшим свою боевую силу во многих походах. С лета 1940 г., но особенно интенсивно с сентября 1940 г., советское руководство все более настраивалось на войну с Германией и ее союзниками. В соответствии с четырьмя военными планами², три последних из которых имели откровенно наступательный характер, на территориях непосредственно перед западной границей, захватывая район Москвы и вплоть до Ленинграда на севере, до полуострова Крым на юге и до Донца, разворачивались огромные военные силы. В последней фазе развертывания находились два стратегических эшелона и

* Хайнц Магенхаймер (Heinz Megenheimer) – Dr.-Hab., род. в 1943 г. в Вене. В 1972–2006 гг. сотрудник, затем заместитель руководителя Института стратегических исследований австрийской Академии обороны (Landesverteidigungsakademie). Области исследований: стратегия, политика безопасности, военная история, геополитика. Основные публикации: *Abwehrchlacht an der Weichsel 1945* (Freiburg 1975); *Die Verteidigung Westeuropas* (Koblenz 1996); *Eurostrategie und Rüstungskontrolle* (Baden-Baden 1992); *Die Militärstrategie Deutschlands 1940–1945* (3. Auflage, München 2002); *Entscheidungskampf 1941* (Bonn – Bielefeld 2000); *Kriegsziele und Strategien der Großen der Mächte 1939–1945* (Bonn – Bielefeld 2006).

стратегические резервы, в общей сложности — 255 дивизий и две бригады; третий стратегический эшелон находился в стадии формирования³.

Всего Генеральный штаб с одобрения Сталина сосредоточил в западной России (включая резервы) 23 армии с 14 500 танками (из общего количества 24 500) и приблизительно 8500 самолетами (из имевшихся 15 800). В четырех западных военных округах на 22 июня находились все дальнебомбардировочные соединения — 8300—8500 самолетов. К общему числу в 15 300 самолетов следует прибавить еще 4000 машин, которые не входили в боевые соединения, но тоже учитывались⁴.

Как следует из соответствующих документов, планы развертывания не представляли собой, как можно было предположить, чисто кабинетные разработки. В них содержались предложения генеральному секретарю КПСС, то есть Сталину, утвердить соответствующий план. Кроме того, план развертывания от 18 сентября 1940 г. был доложен правительству и утвержден 14 октября⁵.

Одновременно с оперативным планированием началась реализация мобилизационного плана (МБ-41) от 12 февраля 1941 г., который был утвержден на самом высоком уровне и предполагал увеличение Красной Армии до 8,9 миллиона человек, 37 000 танков и 22 200 боевых самолетов. Согласно этому мобплану в Красной Армии должно было быть восемь фронтов (групп армий) и 29 армий, что в общей сложности составляло 303 дивизии⁶. Форсированное после 15 мая 1941 г. развертывание проходило в соответствии с детальными указаниями начальника Генерального штаба Георгия Жукова, направленными командованию четырех западных военных округов⁷, с началом войны переименованных во фронты.

Отсюда следует, что генерал армии Жуков накануне должен был получить от Сталина разрешение действовать согласно плану развертывания, который он, Жуков, и нарком обороны Тимошенко предъявили высшему руководству⁸. Всякая самостоятельность армейской верхуш-

ки, таким образом, исключается. Этот план развертывания от 15 мая создавался на основе сведений о немецких приготовлениях к наступлению и выдает намерение предупредить немецкое нападение, то есть действовать *превентивно*.

Однако советская разведка существенно недооценила немецкий потенциал. Советская превентивная идея соответствовала военной доктрине, предписывавшей с самого начала брать инициативу на себя. 22 июня 1941 года друг против друга стояли следующие силы:

КРАСНАЯ АРМИЯ

Стратегический эшелон	Дивизии	Бригады	Мех. корпуса
Первый стратегический эшелон	170	12 возд.-дес. 2 стрелков.	20
Второй стратегический эшелон	73–74	3 возд.-дес.	5
Резерв главного командования	12		2
Всего	255–256	15 возд.-дес. 2 стрелковые	27
Артиллерия главного командования:		74 тяж. полка, в каждом 24–48 орудий	
Воздушные силы в 4 зап. военных округах		144 полка	
Резерв главного командования		21 полк	
Боевые самолеты*		ок. 8500	
Всего развернуто		218 полков	
Всего самолетов на фронтах,		115 полков	
в резерве главного командования,		15 800, в боевой готовности	
воздушная оборона, морская авиация		13 300	
Численность армии		4,9 миллиона человек	
*Истребители, штурмовики, ближние бомбардировщики, тяжелые бомбардировщики и дальняя бомбардировочная авиация фронтов; в одном авиационном полку – 60–65 самолетов, составляющих четыре эскадрильи; в полках дальних и тяжелых бомбардировщиков – 40–45 самолетов.			

ВЕРМАХТ

Все фронтовые части оперативн Reserven	Дивизии	Бригады/ Regimenter	Мот. корпуса
Группы армий* Север, Центр, Юг	120	2	11
Резервы ОКХ	28	1	
Всего	148	3	11
Численность	3,1 млн человек		
Авиация	5 возд. корпусов		2 зен. корпуса
Самолеты всего** включая доп. группы	2713	в боевой готовности 2082	
без доп. групп	2510	в боевой готовности 1945	
*49 дивизий находились на других фронтах или выполняли функции оккуп. войск. **Разведчики, истребители, штурмовики, бомбардировщики и пикирующие бомбардировщики, включая те части пятого воздушного флота, которые оперировали из Финляндии и северной Норвегии.			

Реконструированные детали развертывания войск⁹, необыкновенно высокая концентрация танковых соединений в выступающих далеко на запад Белостокском и Львовском «балконах», а также вдоль румынской границы не оставляют сомнений в том, что советский Генеральный штаб и не думал о стратегической обороне. Уже в конце декабря 1940 г. генерал-лейтенант Кленов, позже начальник штаба Северо-западного фронта, заявил на одной конференции, что цель будущих операций с самого начала — нападение, причем до того, как вражеские войска приступят к развертыванию, чтобы ошеломить и раздробить силы противника; об оборонительных операциях в начальной фазе и речи не было¹⁰.

В начале 1941 года в Москве состоялись две штабные игры на самом высоком уровне, в результате чего Генеральный штаб решил в соответствии с идеей Жукова сосредоточить гигантские силы южнее припятских болот

в районе Карпатского бассейна и Румынии для нападения на южную Польшу. Тамошние нефтяные поля были первоочередной целью. Эти соображения были полностью одобрены Сталиным. В еще одной штабной игре в феврале 1941 г. уточнялись задачи тех армий, которые составляли второй стратегический эшелон¹¹.

Многие детали¹², в том числе отказ от оборонительных укреплений в непосредственной близости от границы, свидетельствуют о предполагавшемся нападении. О том же говорит, например, изготовление военных карт, глубоко захватывающих занятые немцами территории и издание русско-немецкого разговорника, годящегося только для использования на немецкой территории. Приказ на прикрытие находящихся вблизи границы войск действовал только до окончания развертывания. Переход к нападению не зависел от положения на фронте, а должен был произойти через 25 дней после начала мобилизации¹³. Склады в западных военных округах были уже в мае 1941 г. переполнены оружием, боеприпасами, горючим и другими военными материалами. Поэтому груз 14 000 вагонов с боеприпасами в силу необходимости пришлось складировать на открытом воздухе, а в июне Генеральный штаб, не заботясь о возможностях хранения, сообщил о том, что в западные военные округа будут доставлены еще сотни тысяч тонн горючего¹⁴.

Эту дезорганизацию можно объяснить только предварительным расчетом на временные трудности. Не ожидалось, что военные грузы останутся тут надолго, так как готовилось нападение. Кроме того, поскольку многочисленные войска располагались на биваках или во временных укрытиях, а обеспечение на длительное время пятимиллионной армии, находящейся в полевых условиях, было чрезвычайно тяжелым делом, такое положение дел не могло продолжаться слишком долго без серьезных экономических потерь. Немалую роль играл и психологический фактор, поскольку моральное состояние войск, длительное время находящихся без дела, катастрофически ухудшалось.

Генерал-майор Василевский, разработчик предпоследней версии плана развертывания (11.3.1941), особо подчеркнул, что *советское нападение должно начаться 12 июня 1941 г.*¹⁵ Кроме того, были разосланы указания Жукова во многие места о том, что войска после завершения развертывания должны быть готовы «нанести стремительные удары для разгрома группировки противника, перенесения боевых действий на его территорию и захвата выгодных рубежей»¹⁶.

В процессе развертывания возникали многочисленные проблемы и задержки, связанные с дальними транспортными перевозками, размещением больших масс войск в пограничных военных округах и принятием на вооружение новых образцов оружия; тем не менее большая часть войск первого стратегического эшелона — 16 армий — вышла на исходные позиции. Только 7 армий второго стратегического эшелона, сформированные 13 мая, к 22 июня еще оставались позади и, вероятно, только к 15 июля добрались бы до предназначенных для них планом развертывания позиций.

По подсчетам генерал-лейтенанта Ватутина, заместителя Жукова и начальника оперативного отдела Генерального штаба, которые он сделал за неделю до начала войны, два предназначенных для главного удара фронта на юге страны должны были располагать вместе с резервами 120 дивизиями¹⁷, собранными в 10 армий, включающих 12 механизированных корпусов. Один такой корпус должен был иметь, кроме пехоты, две танковые и одну моторизованную дивизию, располагающие в зависимости от характера вооружения более чем 1033 танками. В действительности один корпус имел не более 500–600 танков¹⁸. Таким образом было достигнуто почти тройное превосходство над группой армий Юг. Советское преобладание в танковых войсках было во всех отношениях очевидным. Только 10 мехкорпусов Юго-западного и Южного фронтов располагали 5600 танками, в то время как на Северном, Северо-западном и Западном фронтах

находилось в общей сложности 5400 танков¹⁹. И к тому же в составе большинства располагавшихся близко к границе мехкорпусов имелся лучший в то время в мире танк «Т-34», который по многим параметрам превосходил самый мощный немецкий танк «Panzer-IV»²⁰.

В задачи исключительно мощного Юго-западного фронта входило проникнуть глубоко в южную Польшу, чтобы там вместе с частями Западного фронта окружить войска немецкой группы армий Север и уничтожить их в котле около Радома-Люблина; после этого, во второй фазе, предполагалось броском на север захватить бухту Данцига, ударить в спину находившимся восточнее частям групп армий Север и Центр и их уничтожить. Другой второстепенный удар должен был быть в зависимости от ситуации нанесен Румынии. По плану Жукова и Ватутина в дело должны были быть введены вместе с частями Западного фронта, усиливавшими основной удар, 152 дивизии²¹, которым вермахт мог на том же участке фронта противопоставить едва ли 60. Ориентация на наступление в юго-западном направлении подтверждается тем, что в начале июня командование 5-й армии разработало план политической поддержки будущих операций. При этом командование армии рассчитывало на боевые действия на вражеской территории, поддержанные местным населением и солдатами вермахта, которые якобы были готовы на сопротивление политике Гитлера²².

Расчеты генерала Ватутина давали 237 дивизий, которые могли быть выставлены против Германии и ее союзников, что было меньше первоначально исчисленных генералом армии Жуковым 258 дивизий. Эта разница объясняется трудностями процесса развертывания, который из-за задержек протекал не по плану, хотя, впрочем, Ватутин нехватку войск отнес за счет стратегических резервов, в частности третьего стратегического эшелона, который только что был сформирован²³.

Развертывание военно-воздушных частей тоже создавало подавляющее советское превосходство на Юго-

Западном и Южном фронтах. Тринадцать воздушных дивизий с 58 полками боевых самолетов, то есть около 3500²⁴ машин, должны были поддержать наступление наземных войск, ударить по тылам противника и обеспечить свободное воздушное пространство.

Кроме того, верховное командование расположило между Ленинградом и Ростовом-на-Дону 4 воздушных корпуса дальних и тяжелых бомбардировщиков; вдобавок 18-я дивизия дальних бомбардировщиков была выдвинута далеко на запад, в район Шепетовки. Эти воздушные корпуса должны были атаковать важные цели в тылах противника. В сильной спешке в западных военных округах были построены 63 больших аэродрома. Расположение вблизи границы большого числа авиаполков на Западной Украине и в районе Белостока—Бреста подчеркивает намерение с самого начала проникнуть как можно глубже на занятую немцами территорию, даже с учетом риска самим стать целью немецкого воздушного нападения. Но нужно признаться, что многие соединения находились в процессе перевооружения новыми типами самолетов. Тем более опасным выглядит перемещение множества полков истребителей к самой границе с целью защиты воздушного пространства при наступлении, так как свою силу они могли проявить только в условиях свободы собственной инициативы.

Советский военный флот не был серьезным фактором, так как, несмотря на гигантские сталинские планы вооружений 1936 г., он находился в фазе становления. Планировалось помимо прочего построить в течение двух пятилетних планов, начиная с 1937 г., 15 линкоров, 22 тяжелых крейсера, 32 легких крейсера, 162 эсминца и 412 подводных лодок, для чего было запланировано сооружение больших верфей. Для использования в Балтийском море было предусмотрено строительство большого числа линейных крейсеров типа «Шарнхорст». Поскольку эти планы оказались нереалистическими, они были урезаны 27 июля 1940 г., так что целью остава-

лось строительство 10 линкоров, 8 линейных крейсеров и 14 тяжелых крейсеров, причем для Тихоокеанского флота дополнительно предполагалось строительство двух авианосцев. Задача создать огромный океанский флот тем более удивительна, что в это время СССР готовился к конфронтации с Германией, и поэтому, казалось бы, вооружение наземных и воздушных войск должно было быть приоритетным²⁵.

Против Финляндии тоже был разработан детальный план нападения. Параллельно с разработкой плана нападения на Германию от 18.9.1940 г. было дано указание Ленинградскому военному округу подготовить развертывание шести армий и одного корпуса, которые должны были на семи участках перейти в наступление. Планирование предусматривало отдельную войну с Финляндией, хотя при этом и учитывалась немецкая военная помощь. На самом севере предполагался удар на порт Петсамо, в то время как намного южнее, из района Салла и Куусамо, должны были последовать два удара на Рованиemi-Кеми и Оули с целью проникнуть на побережье Ботнического залива и вбить таким образом широкий клин поперек Финляндии. На юге четыре армии должны были во взаимодействии с Балтийским флотом, поддержанные атакой из Ханко, ударить из районов Выборга, Сортавалы и Суойерви в направлении Тампере, Миккели и Хельсинки. Предназначенные для этого части были вдвое сильнее тех войск, которые напали на Финляндию в ноябре 1939 г. Согласно плану, в наступление должны были пойти 47 дивизий и 5 танковых бригад, поддержанные 78 авиаполками, в то время как 3 дивизии оставались в резерве. Конечной целью было полное сокрушение Финляндии²⁶.

Поскольку весной 1941 г. конфликт с Германией становился все более реальным, Генеральный штаб переориентировал будущий Северный фронт в основном на оборону, тем более что финская армия оценивалась как более сильная, чем раньше. Туда передислоцировали еще 21 полнокомплектную дивизию. В первой половине мар-

та 1941 г. была совершена ознакомительная поездка Генерального штаба в Ленинградский военный округ, а кроме того, Архангельский военный округ получил указание создать фронтовой командный пункт для нападения на Финляндию. Сразу после 22 июня две танковые дивизии из резерва были передвинуты на границу под Выборгом²⁷. Кроме того, была создана мощная группировка фронтовой авиации в районе Ленинград—Псков—Старая Русса, вторая по силе после украинской в рамках авиационного развертывания, что отчетливо указывает на наступательные намерения.

Советское руководство было осведомлено о плане «Барбаросса» уже в конце 1940 г. благодаря предательству с немецкой стороны. В последующее время оно получило 87 предупреждений собственных органов и официальных западных представителей о предстоящем нападении вермахта, при этом называлась и дата — 22 июня 1941 г.²⁸ Общее число предупреждений об угрозе было гораздо большим.

Со стороны американского правительства последовало как минимум два предупреждения Сталину. Сталин реагировал недоверчиво и сдержанно, поскольку хотел избежать любых действий, которые могли бы использовать немцы, и учитывал возможность дезинформации. Он рассчитывал на то, что Германия не сделает ту же ошибку, что и в Первой мировой войне, и не откроет второй фронт. Вероятно, Сталин с Молотовым ожидали, что немцы сначала предъявят ультиматум.

После известия о полете Гесса в Англию 10 мая 1941 г. Сталин начал воспринимать возможность нападения немцев очень серьезно. Он боялся тайного соглашения между немцами и английским правительством, которое он считал высокомерным и коварным²⁹. Даже если согласиться с тем, что английские секретные службы содействовали решению Гесса лететь в Англию, то все равно не требовалось никаких уловок, чтобы убедить Германию напасть на Советский Союз³⁰. Даже если Черчилль и меч-

тал о советско-германской войне, то это обстоятельство никак не влияло на позицию Гитлера, поскольку его решение уже давно было принято.

Более того, 5 мая 1941 г. в речи и тостах перед молодыми офицерами — выпускниками Военной академии имени Фрунзе Сталин дал понять о своем отношении к Германии. Следует сейчас, когда армия стала сильной и хорошо вооруженной, «переходить от защиты к нападению», защиту нужно осуществлять «наступательным образом»³¹. Еще 30 января 1941 г. он говорил советской военной верхушке о наступательных операциях, которые могут начаться, если у Советского Союза будет вдвое больше сил, чем у его противника. Отсюда вытекала и советская стратегия — избегать провокаций, ускорить развертывание войск против Германии и выиграть время.

Через девять дней после речи 5 мая началась перестройка советской пропаганды на наступательную войну³² и переход на лозунг о том, что любая война, которую развернет Советский Союз, будет «справедливой войной»³³.

Главное управление политической пропаганды Красной Армии предложило известным писателям, в том числе Илье Эренбургу, журналистам и кинорежиссерам, например Сергею Эйзенштейну, морально подготовить Вооруженные силы к предстоящей войне с Германией. ЦК КПСС издал основополагающий указ наполнить людей активным, боевым, наступательным духом. По согласованию с военным ведомством кинопромышленность начала снимать только такие ленты, где речь шла о «прорыве укрепленных зон на немецкой границе» или «переправе с боем через реки».

В конце мая Андрей Жданов, крупный функционер политической пропаганды, получил согласованный Высшим военным советом проект решения об идеологическом обучении офицерского корпуса Красной Армии. Главной целью было использование всех средств, чтобы подготовить солдат и командиров к «справедли-

вой, наступательной, нацеленной на разгром противника войне»³⁴.

Намерения Сталина вести войну наступательным образом подчеркиваются решением Политбюро от 4 июня 1941 г. сформировать стрелковую дивизию из одних поляков; она должна была послужить ядром польской «освободительной армии» и быть готовой к введению в дело к 1 июля³⁵. Незадолго до этого началось формирование «финской» дивизии, которая должна была участвовать в «освобождении» Финляндии.

Тезис, согласно которому развертывание войск на оперативном уровне указывает на однозначно наступательную дислокацию, но войскам при этом ставились оборонительные задачи, и они не были готовы нападать³⁶, не выдерживает критики: наступательная дислокация, которая преследует оборонительные цели, противоречит военным принципам и означает как раз на рассмотренных участках серьезные проблемы для задействованных войск, так как она приглашает противника к нападению с последующим окружением. Кроме того, войска, стоявшие вблизи границы, были очень хорошо вооружены, особенно танковые соединения, и в случае нападения они были бы потеряны первыми³⁷.

Переход к контрнаступлению полностью зависит от ситуации после отражения вражеского нападения, только тогда могут приниматься конкретные решения. Даже если согласиться с тем, что стоявшие на границе войска должны были выдержать первый удар немцев и потом перейти в наступление, это не отменяет того факта, что для этого войска были неверно расположены³⁸. Нужно совершенно не понимать тактических возможностей войск, чтобы требовать от них быть *одновременно* готовыми и к наступлению, и к обороне. Армия, предназначенная для обороны на оперативном уровне, должна была бы быть по-другому развернута³⁹.

Не более осмысленно и дилетантское возражение против планирования большого наступления, согласно ко-

торому Генеральный штаб готовил наступление «только» на полосе 350—400 км и «только» на глубину до 300—350 км, и поэтому план не имел «агрессивного характера»⁴⁰.

Готовившееся частями Юго-западного фронта вместе с частями Западного фронта между Санок и Островом (северо-восточнее Варшавы) наступление с окружением захватывало больше половины полосы между Бескиде-ном на юге и Балтийским морем в районе Мемеля; на этой территории находились главные силы немецкой восточной армии. Нападение на таком широком фронте могло бы в случае успеха, как это планировал Жуков, уничтожить группы армий Центр и Север. Может ли такой сценарий иметь отношение к военному плану без «агрессивного характера»?

Коротко выражаясь, оба диктатора исходили из *субъективной неизбежности* войны. Отсрочка войны представлялась практически невозможной⁴¹.

Однако вопрос о дате окончательного столкновения в том случае, если бы вермахт не напал на СССР 22 июня, остается открытым. Развертывание Красной Армии, включая и третий стратегический эшелон, закончилось бы между 15 и 20 июля. Неоднократно называвшуюся датой возможного советского нападения — 10 июля 1941 г. — нельзя считать доказанной⁴². В любом случае Сталин стремился устранить единственную силу, которая стояла на его пути к владычеству в Европе. Стратегически содействие западных стран могло бы быть ему полезным, но политически победа над Германией и ее союзниками весила бы гораздо больше, если бы досталась одной Красной Армии.

Гитлер же пошел на риск войны на два фронта, которая связывала много войск на разных фронтах и которую он начал с уступающими силами, меньшими резервами и более слабой военной промышленностью, чем у его противников. Да и расчет по времени был очень рискованным. Немецкая сторона имела достоверную картину развертывания Красной Армии на расстоянии прибли-

зительно до 300 км вглубь за границей, но тем не менее не представляла себе реальный советский потенциал⁴³.

Начальник Генерального штаба Гальдер рассчитывал на наличие на европейской части СССР в начале июня 226 советских дивизий и бригад и полагал, что на той же территории находятся 7500 самолетов, что было грубой недооценкой советской авиации. Гитлер задним числом называл итальянскому министру иностранных дел Чиано цифру в 270 советских дивизий, развертывавшихся в июне 1941 г.⁴⁴

В строгом смысле слова тут нельзя говорить ни о какой «превентивной войне», даже если задним числом и выяснилось, что немецкое нападение де-факто носило превентивный характер⁴⁵.

Можно, однако, доказать, что вермахт вонзился в превосходящий его масштабами процесс наступательного развертывания. Чем ближе подходило 22 июня, тем яснее видели Верховное главнокомандование вермахта (ОКВ) и Главное командование сухопутных войск (ОКХ) угрожающую концентрацию сил на советской западной границе. В этом смысле высказался вскоре после окончания войны генерал Йодль, впрочем, упростив ситуацию и оставив за скобками невоенные мотивы нападения: «...Мы не потому напали на Россию, что хотели получить пространство, а потому что развертывание русских нарастало день за днем и в конечном счете привело бы к ультимативным требованиям»⁴⁶.

Динамику военной конфронтации было невозможно не заметить. И Германия, и Советский Союз выставили друг против друга мощные силы, которые тем меньше могли укрыться от внимания разведывательных служб, чем дольше продолжались передвижения и чем дольше массы войск оставались на исходных позициях. Представляется абсолютно невозможным, чтобы такое угрожающее развертывание не подтолкнуло обе стороны к превентивному удару. Долгое пребывание настолько мощных войсковых масс в просматриваемом пригра-

ничном пространстве, как это происходило на советской стороне, в любом случае могло означать только открытую провокацию. Развитие конфронтации стало непреодолимым, поскольку ни одна сторона не хотела дать другой преимущество проявления инициативы и не существовало внешних останавливающих факторов⁴⁷.

С такой точки зрения германо-советская война лета 1941 г. была неизбежна. Это, правда, не значит, что возможный советский удар с ходу был бы успешным и привел бы к таким же победам, что и в 1945 г. Но даже с учетом недостатков командования и войск, Красная Армия обладала бы всеми преимуществами проявления инициативы и существенно большими резервами.

Не в последнюю очередь следует заметить, что о «набеге» на «миролюбивый Советский Союз», как это иногда трактуется, не может быть и речи, потому что такое нападение всегда сопряжено с внезапным ударом, растерянностью и беззащитностью. Но советское политическое и военное руководство не было ни в коем случае ошеломлено нападением, так как уже давно считалось с его возможностью, оно не было растерянным и хорошо подготовилось к войне. Кто был ошеломлен, так это многие войсковые части на передних линиях, потому что приказ «боевая тревога» раннего утра 22 июня настиг расположенные на границе соединения не вовремя.

Перевод с немецкого Дмитрия Хмельницкого

Примечания

- ¹ Отрывок из книги «Военные цели и стратегии великих держав в 1939–1945 годы» («Kriegsziele und Strategien der großen Mächte 1939–1945», Bonn-Bielefeld, 2006).
- ² Июль 1940, 18.9.1940, 11.3.1941, 15.5 1941; опубликовано в: Военно-исторический журнал 12/1991, 1/1992, 2/1992; см. также: ÖMZ 1/1993, S. 41ff; Россия XX век. Документы: Год 1941, в двух книгах, под ред. Л.Е. Решин и др., Москва, 1998. — Этим планам предшествовала разработка от апреля 1940 г. (B. V. Sokolov, Did Stalin Intend to Attack Hitler?; in: The Journal of Slavic Military Studies, Juni 1998, S. 119).

- ³ Первый стратегический эшелон: 170 дивизий, 2 бригады; Второй стратегический эшелон: 73–74 дивизии; стратегические резервы: 12 дивизий; находившийся в состоянии формирования третий стратегический эшелон состоял из трех армий (прежние расчеты автора были незначительно изменены).
- ⁴ Jurij J. Kirschin, *Die sowjetischen Streitkräfte am Vorabend des Großen Vaterländischen Krieges*; in: *Zwei Wege nach Moskau*, S. 389–403; hier: S. 395; zusätzliche Berechnungen des Autors.
- ⁵ Кроме прочего, нужно иметь в виду практику советского государственного управления, которая не допускала, чтобы некий офицер из высшего командования разрабатывал планы развертывания наступательного характера, не получив на это приказа; нарушение правил имело бы для виновника фатальные последствия.
- ⁶ Earl F. Ziemke, *The Red Army: From Vanguard of World Revolution to US Ally*, London – New York 2004, S. 266. В мае 1941 года имелись 28 армий с 303 дивизиями.
- ⁷ Эти четыре указания командованию Северо-западного, Западного, Юго-западного и Одесского военных округов к развертыванию, начавшемуся 20 мая 1941 г., носили характер приказов. См. *Россия XX век. Документы: Год 1941*, в двух книгах, ред. Л.Е. Решин и др., Москва 1998, с. 227, 233, 239, 283.
- ⁸ К одобрению планов развертывания Сталиным: P. N. Bobylev, *For What Kind of War Was the Red Army General Staff Preparing in 1941?*; in: *Russian Studies in History*, Winter 1997/98, S. 47–75, hier: S. 68.
- ⁹ Реконструкцию развертывания в виде карт см: Михаил Мельтюхов, *Упущенный шанс Сталина*, 2-е издание, Москва 2002 (карты). Также см.: Evan Mawdsley, *Crossing the Rubicon: Soviet Plans for Offensive War in 1940–1941*; in: *The International History Review*, Dezember 2003, S. 757–1008.
- ¹⁰ Речь идет о конференции высшего военного командования в Москве (23.–31.12.1940); siehe: P. N. Bobylev, *For What Kind of War Was the Red Army General Staff Preparing in 1941?*; in: *Russian Studies in History*, Winter 1997/98, S. 47–75, hier: S. 62; ebenfalls: *Am Vorabend des Krieges* (russisch), Verlag Terra, Moskau 1983, S. 153ff.
- ¹¹ См: Brian Fugate/Lev Dvoretzky, *Thunder on the Dnjepr. Zhukov – Stalin and the Defeat of Hitler’s Blitzkrieg*, Novato, CA. 1997, S. 49 ff.
- ¹² Формирование пяти воздушно-десантных корпусов, выдвижение многочисленных штурмовых и истребительных авиасоединений на аэродромы в 10–15 км от границы; сооружение многочисленных складов боеприпасов и горючего вблизи границы; складирование артиллерийских снарядов под открытым небом.
- ¹³ Это следует из плана развертывания от 18.9.1940. См: Michael Meltjuchoy, *Am Vorabend des Großen Vaterländischen Krieges*, a.a.O., S. 54.
- ¹⁴ Michael Meltjuchoy, *Disputes over 1941*; in: *Russian Studies in History*, 2/1997, S. 6–34, hier: S. 16.
- ¹⁵ Ebenda, a.a.O., S. 60.
- ¹⁶ *Das Jahr 1941 in zwei Büchern*, a.a.O., 2. Buch, S. 236.
- ¹⁷ Согласно окончательному плану Ватутина, на южном крыле должны были разворачиваться 8 армий с 97 дивизиями (включая войска в Кры-

- му), в то время как две другие армии (16, 19) с 23 дивизиями рассматривались как усиление. (Das Jahr 1941 in zwei Büchern, 2. Buch, а.а.О., S. 259–261.)
- ⁸ Даже использовавшийся на второстепенном участке 3-й механизированный корпус располагал 672 танками разных типов, в том числе 50 новейшими «Т-34». См. М.В. Ежов «Танковый бой первого дня войны», с. 2; www.RKKA.ru, 29. 12. 2004.
- ¹⁹ Михаил Мельтюхов, Упущенный шанс Сталина, 1-е издание, Москва 2000, С. 603. — По другим данным в западных военных округах находилось 12 782 танка всех типов. См: Charles C. Sharp, Soviet Order of Battle, World War II, Nafziger-Collection 1995, S. 11.
- ²⁰ Deutsche Militärzeitschrift 1/2005, S. 8–13.
- ²¹ Valerij Danilov, Hat der Generalstab der Roten Armee einen Präventivschlag gegen Deutschland vorbereitet?; in: ÖMZ 1/1993, S. 51; hier: S. 50. Линия нападения простиралась от Острова у Буга на юго-восток до Литовска, неподалеку от южного конца германо-советской границы. В противоположность двум первым планам развертывания от главного удара по Восточной Пруссии отказалась, хотя должны были быть нанесены удары по Инстербургу и Алленштайну.
- ²² V. A. Neveshin, Stalin's Speech of 5 May 1941 and the Apologia for an Offensive War; in: Russian Studies in History 2/1997, S. 49–72, hier: S. 64.
- ²³ Всего Красная Армия располагала во всех военных округах 303 дивизиями. Ватутин учитывает, однако, в середине июня еще 17 дивизий, находившихся в стадии формирования.
- ²⁴ Данные включают находившиеся в стадии формирования полки. В то время как средняя мощность авиаполка составляла 60 машин, некоторые особо боеспособные полки располагали 70 машинами. См: www.rkka.ru/22/vvs. от 21. 1. 2005.
- ²⁵ Milan Hauner, Stalin's Big-Fleet Program; in: Naval War College Review, 2/2004, S. 88–120; ausführlich: Jürgen Rohwer/Michail S. Monakov, Stalin's Oceangoing Fleet: Soviet Naval Strategy and Shipbuilding Programmes 1935–1953, London 2001. — Сталин пресек в 1940–1941 годы попытки командования флота увеличить производство легких надводных кораблей и подводок за счет строительства линейных кораблей и тяжелых крейсеров.
- ²⁶ Ohto Manninen, The Soviet Plans for the Northwestern Theater of Operations in 1939–1944, Helsinki 2004, S. 73.
- ²⁷ Ebenda, S. 81/82. — О дислокации советских войск на Северном фронте см.: Kriegsgeschichtliche Zeitschrift 2/1992 (russisch), S. 64/65. Ватутин исходит в своих расчетах от 13.6.1941 из 22 дивизий на Северном фронте.
- ²⁸ Stefan T. Possony, Hitlers Unternehmen «Barbarossa» und die Rolle des sowjetischen Geheimdienstchefs Berija; in: Beiträge zur Konfliktforschung 3/1975, S. 99–114, hier: S. 102. — Английская разведка благодаря расшифровке радиопереговоров знала о немецких намерениях как минимум за два месяца до нападения.
- ²⁹ К вопросу об ультиматуме: Ernst Topitsch, Stalins Krieg, 2. Auflage, München 1986, S. 112ff. — О сталинской оценке германо-британского соглашения: Gabriel Gorodetsky, Grand Illusion, Yale University Press 1999 (deutsch: Die große Täuschung, Berlin 2001).

- ³⁰ Как сообщает Мартин Аллен («Churchills Friedensfalle», Inning 2003), британские секретные службы производили сознательную дезинформацию, чтобы создать у немецкого правительства иллюзию готовности Британии к переговорам о мире; целью акции было подтолкнуть Германию к нападению на Советский Союз, раз с запада опасность больше не угрожала.
- ³¹ Valerij Danilov, Juni 1941. Früchte einer falschen Konzeption (russ.); in: «Poisk» (Suche) 25/1996, S. 3; V. A. Nevezhin, Stalin's 5 May Addresses: The Experience of Interpretation; in: The Journal of Slavic Military Review 1/1998, S. 116 – 146, hierin zahlreiche russische Quellenangaben.
- ³² Ziemke, The Red Army, a.a.O., S. 268.
- ³³ B. V. Sokolov, Did Stalin Intend To Attack Hitler?; in: The Journal of Slavic Military Studies, Juni 1998, S. 113–141; hier: S. 132/32.
- ³⁴ V. A. Nevezhin, Stalin's Speech of 5 May 1941 and the Apologia for an Offensive War; in: Russian Studies in History 2/1997, S. 48–73, hier: S. 38ff, S. 61. Кроме того, было предписано использовать для мобилизации населения в целом законодательные мероприятия, поскольку без такой мобилизации воспитание армии в наступательном духе остается пустой фразой.
- ³⁵ Речь шла о 238-й стрелковой дивизии с численностью в 10 300 человек. Подготовка к формированию большого соединения, состоявшего из поляков, началась уже осенью 1940 г., когда НКВД рекрутировал тех польских военнопленных, которые изъявили желание воевать против Германии. См: B. V. Sokolov, Did Stalin Intend To Attack Hitler?; a.a.O., S. 113 – 141; hier: S. 121, 131.
- ³⁶ Harald Moldenhauer, Die Reorganisation der Roten Armee von der «Großen Säuberung» bis zum deutschen Angriff auf die UdSSR (1938–1941); in: Militärgeschichtliche Mitteilungen 55 (1996), S. 176–164, hier: S. 163/64.
- ³⁷ Ошибочность развертывания была признана даже Габриэлем Городецким (Die Große Täuschung, S. 360); см: Cynthia A. Roberts, Planning for war: The Red Army and the catastrophe of 1941; in: Europe-Asia Studies, Dezember 1995, S. 1293–1326; hier: S. 1294.
- ³⁸ Подробнее см.: Michael Meltjuchoy, Am Vorabend des Großen Vaterländischen Krieges, Moskau 1999, S. 55.
- ³⁹ Это значит: расположение только небольших сил непосредственно у границы для задержания противника; концентрация основных соединений в глубине с опорой на естественные препятствия, для остановки наступления противника; развертывание сзади сильных механизированных резервов для контр наступления.
- ⁴⁰ Это неудобопонимаемое высказывание принадлежит генерал-полковнику Юрию Горькову: Was Stalin Preparing a Preemptive Strike Against Hitler in 1941?; in: Russian Studies in History, Winter 1997/98, S. 22–46; hier: S. 32.
- ⁴¹ V. N. Kiselev, Stubborn Facts Associated with the Beginning of the War; in: Russian Studies in History, Winter 1997/87, S. 8–21, hier: S. 11.
- ⁴² Это, например, стремится доказать Игорь Бунич в книге «Операция «Гроза». Ошибки Сталина», Москва, 2004. Эрих Хелмдах (Erich Helmdach: Täuschungen und Versäumnisse, Berg am See 1979, S. 128) считает нападение в августе более вероятным.

- ⁴³ Советский Союз мог при тотальной мобилизации получить дополнительно 12 миллионов человек, если исходить из уровня мобилизации в 10–11% населения. См: David M. Glantz, *Collossus Reborn, The Red Army at War 1941–1943*, Kansas 2005, S. 135.
- ⁴⁴ Hans-Adolf Jacobsen, *Der Weg zur Teilung der Welt*, Koblenz – Bonn 1977, S. 219. – Es handelt sich um die Unterredung Hitlers mit Ciano am 18. 12. 1942.
- ⁴⁵ Ко времени принятия окончательного решения противодействие скорому нападению не было центральным мотивом, преобладающим было намерение противостоять среднесрочной советской угрозе. Из-за отсутствия такого дифференцирования возникла вводная в заблуждение дискуссия, см. напр.: В. Bianca Pietrov-Ennker (Hrsg.), *Präventivkrieg? Der deutsche Angriff auf die Sowjetunion*, Frankfurt/M. 2000.
- ⁴⁶ Joachim Schultz-Naumann, *Die letzten dreißig Tage. Das Kriegstagebuch des OKW April bis Mai 1945*, München 1980, S. 130. Der Ausspruch stammt vom 12. Mai 1945.
- ⁴⁷ Сравнение этой ситуации с эпохой холодной войны, когда Советский Союз вместе с другими странами Варшавского договора создал преобладающий военный потенциал, что, однако, не привело к эскалации агрессии, хромает: потенциальное нападение Варшавского пакта было предотвращено не самоограничениями кремлевского руководства, а ядерным оружием Запада, которое делало нападение на него более чем рискованным.

*Штефан Шайль**

«ЛЕТНИЕ МАНЕВРЫ» КРАСНОЙ АРМИИ 1941 ГОДА, ПЛАН ЖУКОВА И ОПЕРАЦИЯ «БАРБАРОССА»

«Проводимые сейчас летние сборы запасных Красной Армии и предстоящие маневры имеют своей целью не что иное, как обучение запасных и проверку работы железнодорожного аппарата, осуществляемые, как известно, каждый год, ввиду чего изображать эти мероприятия Красной Армии как враждебные Германии по меньшей мере нелепо».

Сообщение ТАСС от 13 июня 1941 г.

«Произвести скрытое от мобилизации войск под видом учебных сборов запаса.

Под видом выхода в лагеря произвести скрытое сосредоточение войск ближе к западной границе, в первую очередь сосредоточить все армии резерва Главного командования».

*Из плана нападения маршала Жукова
от 15 мая 1941 г.¹*

* Штефан Шайль (Stefan Scheil) — род. в 1963 г., доктор философии, историк и публицист. Живет в Германии. Основные книжные публикации: «Fünf plus Zwei – die europäischen Nationalstaaten, die Weltmächte und die vereinte Entfesselung des Zweiten Weltkriegs», Berlin 2003, 3. Aufl. 2006.; «1940/41 – Die Eskalation des Zweiten Weltkriegs», München 2005; «Legenden, Gerüchte, Fehlurteile – ein Kommentar zur 2. Auflage der Wehrmachtsausstellung des Hamburger Instituts für Sozialforschung, Graz 2003»; «Logik der Mächte – Europas Problem mit der Globalisierung der Politik, Überlegungen zur Vorgeschichte des Zweiten Weltkrieges, Berlin 1999; Die Entwicklung des politischen Antisemitismus in Deutschland zwischen 1881 und 1912, Eine wahlgeschichtliche Untersuchung, Berlin 1999.

Летом 1941 года немецкие войска перешагнули границу Советского Союза. Началась операция «Барбаросса». Причиной нападения немецкая сторона объявила многочисленные советские нарушения заключенных в 1939 г. договоров, коммунистическое проникновение в Европу, советские требования, переданные в ноябре 1941 г. министром иностранных дел Молотовым, которые вели к стратегической капитуляции Германии, и, наконец, текущие военные приготовления СССР. Решающим ключевым понятием стало в конечном счете «превентивное нападение», очень сильный раздражитель для тех, кому за техническим в первую очередь термином, описывающим мотивы нападения, чудится моральное оправдание всего того, что произошло во время этой войны. Однако случившееся в эту самую кровавую из всех земных войн нельзя оценивать подобным образом. Сформулированный Клаузевицем закон об эскалации войн и военных методов, обусловленной обеими сторонами, действовал между 1941 и 1945 годами особенно очевидным, а в начале войны и малопредсказуемым образом. Независимо от этого можно проследить, как операция «Барбаросса» вырастала из становившейся все более безнадежной стратегической ситуации Германии, но одновременно была связана с конкретными советскими приготовлениями к собственному нападению.

Немецкие солдаты верили в то, что участвуют в превентивной войне, тем более что вскоре после нападения они на собственном опыте убедились в масштабах русских военных приготовлений, скрытых до тех пор угрожающим полумраком.

Сегодня эта тема обсуждается серьезнее, чем когда-либо. Тезис о превентивной войне — это не только предмет политической полемики, как это стало очевидным в недавней атаке профессора Рольфа-Дитера Мюллера на автора этих строк в форме обсуждения его книги в газете «Франкфуртер альгемайне цайтунг»². В результате

находок новых источников тезис о том, что немецкое нападение лишь опередило советское, подтверждается все более детально.

Не так давно был, как известно, найден план нападения от 5 мая 1941 г., составленный начальником Генерального штаба Жуковым, который, судя по плану, хотел в течение 30 дней оказаться в Верхней Силезии и боялся, что вермахт может упредить советские действия³. Красная Армия действительно находилась в готовности к нападению; об этом пишет профессор Бернд Бонвеч, нынешний директор Немецкого Исторического института в Москве: приказ к нападению «мог бы быть отдан начиная с 10 июля 1941-го — если бы Сталин действительно хотел его дать, и он был бы отдан, если бы Гитлер не опередил его собственным приказом о нападении»⁴.

Это одна сторона дела. С другой стороны, подвергалось сомнению то, что нацистское руководство знало об этих советских приготовлениях и воспринимало их как серьезную угрозу. Но и это было доказано. Военная угроза СССР, которая висела «как грозная туча на горизонте»⁵, нашла выражение в многочисленных высказываниях Гитлера. То, что Красная Армия устроила по ту сторону границы, он считал «самым большим развертыванием войск в истории»⁶. Гитлер наилучшим образом подготовился к нападению и чем быстрее напал бы Советский Союз, тем было бы лучше, упрямо замечал по поводу советского-югославского договора от 6 апреля 1941 г.⁷. В конечном счете, нечто подобное обнаруживается даже в сообщениях советских агентов из немецкой правящей верхушки: «Гитлер — инициатор плана нападения на Советский Союз. Он считает, что превентивная война против СССР необходима, чтобы не попасть в ловушку более сильного врага»⁸.

Это сообщал в Москву советский агент под псевдонимом Доуап 14 апреля 1941 г., через восемь дней после того, как Гитлер говорил с Геббельсом о предстоящем нападении на Россию. Все это, как и многие другие дан-

ные, позволяет предположить, что нападение на СССР вполне могло стать средством самозащиты. Самое интересное в процитированном только что высказывании Гитлера — это сделанное в первую очередь в связи с началом войны и ролью вермахта ясное и точное указание на источник инициативы: Гитлер — инициатор. Это было его решение — напасть на Советский Союз. Поэтому совершенно необходимо выяснить, давала ли получаемая Гитлером информация возможность обосновать такое решение или нет. Сам Гитлер был того мнения, что советское правительство через специального посланника Крипса дало понять о своем намерении вступить в войну на английской стороне⁹.

Уже летом 1940 г. на германо-советской границе происходило нечто странное. В то время как в Западной Европе англо-французские войска на побережье проливов начинали отступление, передовые позиции Красной Армии на Украине заполнялись войсками. О причинах стационарирования на западной границе такого большого количества войск советские власти, как обычно, давали уклончивые объяснения. Сначала, до того как в связи с этим была найдена формулировка «летние маневры», говорилось о принятии мер безопасности. Немецкая разведка обнаружила на Украине семьсот тысяч красноармейцев. Удивленное немецкое правительство поручило послу Шуленбургу получить в Москве объяснения на этот счет. После встречи с министром иностранных дел Молотовым Шуленбург в очередной раз удовлетворился очередной советской интерпретацией и успокоил «отдел иностранных армий Восток» объяснением, которое не смогло убедить сотрудников отдела:

«Согласно объяснению Молотова немецкому послу имеют место только предохранительные мероприятия защитного характера. Однако, идет ли тут речь действительно о защитных мероприятиях или о сосредоточении крупных сил для нападения, определить пока невозможно»¹⁰.

В тот момент, когда бои в Европе достигли своей кульминации, такая советская интерпретация выглядела оригинально. Это были дни Дюнкерка. Английские войска как раз начинали отступление, а немецкие готовились ко второй части похода на запад. Европейские державы концентрировали свои войска более чем в тысяче километров от советской границы. Против кого советское командование сконцентрировало в эти дни три четверти миллиона солдат с «защитной» целью, как доверчиво сообщил об этом Шуленбург, осталось тайной. Но и без того вскоре выяснилось, что всего месяцем позже защитные мероприятия положили начало шантажу Румынии, которая должна была согласно советскому желанию уступить Бессарабию и Буковину. То, каким образом советский министр иностранных дел, а в тот момент и глава правительства обманывал немецкого посла, которого он согласно условиям германо-советского договора о дружбе обязан был консультировать во всех вопросах, касающихся взаимных отношений, уже в 1940 году не давало повода надеяться на лучшее.

Эта же ситуация повторилась годом позже. Когда начальником Генерального штаба Жуковым был заново разработан план сокрушительного удара по немецким войскам в Польше, необходимые для этого войска выдвигались в рамках мнимых летних маневров. Информационное агентство ТАСС официально объявило об этих маневрах, и даже Вячеслав Молотов настаивал в первой реакции на немецкое нападение на «летних маневрах» как мотиве советского выдвижения¹¹. Интересно, что это коммюнике ТАСС было впоследствии определено как «дезинформация» командиром Московского военного округа. Под прикрытием этой дезинформации можно было чувствовать себя спокойно, и не без оснований. С весны в Германию проникали сообщения о том, что предполагаемые «маневры» Красной Армии в приграничных районах на самом деле есть «замаскированное выдвижение для нападения на Германию». Это была вер-

сия, которая и после начала войны еще долго оставалась предметом анализа немецкой стороны, анализа того, как проводилась в деталях советская подготовка к войне, в том числе и с точки зрения простых солдат:

«Только одно постепенно становится ясно даже дуракам: правительство Сталина ведет двойную игру. С одной стороны, оно говорит о мире и заключает пакт с Гитлером, с другой стороны, ясно дает понять политрукам: военное столкновение между национал-социализмом и большевизмом неизбежно потому, что обеим системам нет места рядом... Начинаются большие передвижения войск. Цель: новые маневры! Ни у кого нет объяснений, и политрук молчит»¹².

И тем не менее высшее руководство вермахта весной 1941 г. скептически относилось к тому, что касалось сообщений о замаскированном под маневры советском нападении, хотя эта возможность и обсуждалась. «Невероятно», чтобы Красная Армия хотела напасть, отметил Федор фон Бок, но он постоянно фиксировал и дальнейшие военные мероприятия Красной Армии на границе и даже двумя неделями позже дошел до того, что запросил приказ о том, что «в случае русского нападения следует удерживать границу и необходимые для этого силы следует разрешить придвинуть ближе к границе»¹³. Но он все еще считает нападение маловероятным. Так что самодовольство в Красной Армии по поводу, казалось бы, удавшихся маскировочных маневров было не совсем неоправданным:

«Да, мы, особенно высшие военные круги... знали, что война не за горами, стучится у наших ворот. И все же, надо честно признать, дезинформация вроде вышпериведенного опровержения ТАСС, настойчивая пропаганда того, что «если завтра война, если завтра поход, мы сегодня к походу готовы», привела к некоторой самоуспокоенности»¹⁴.

Эта кампания выражалась в множестве отдельных мероприятий, из которых здесь могут быть названы лишь некоторые:

— 13 мая в военные округа было передано указание выдвигать войска на запад из внутренних округов... Всего в мае перебрасывалось из внутренних военных округов ближе к западным границам 28 стрелковых дивизий и четыре армейских управления.

— Иностранцам и советским гражданам, которые не проживали в приграничных районах, были запрещены поездки в приграничные районы.

— В конце мая Генеральный штаб приказал командующим приграничными округами «немедленно организовать командные пункты» и занять их до конца июня.

— Полевые командные пункты в Паневежисе, Обус-Лесне, Тарнополе и Тирасполе должны были быть заняты 21 и 25 июня¹⁵.

В полном виде приказ на развертывание для планировавшегося южного участка фронта содержится в «Приказе Народного комиссара обороны и начальника Генерального штаба Красной Армии командующему войсками Киевского специального военного округа»¹⁶. Входящие в него войска получали задание:

«По указанию Главного командования нанести стремительные удары для разгрома группировки противника, перенесения боевых действий на его территорию и захвата выгодных рубежей»¹⁷.

Формулировка соответствует плану Жукова. В соответствии с ним этой группировке придавалась дальнебомбардировочная авиация, в чьи задачи входит разрушение железнодорожных узлов Бреслау, Оппельн и Кройцбург¹⁸. По представлениям Жукова, наземные войска в течение тридцати дней должны были достигнуть Оппельна. Подобные планы разрабатывались еще в тридцатые годы. Практически во всей центральной и восточной Германии уже давно были намечены цели для бомбовых ударов, как это явствует из документов, захваченных во время русской кампании:

«Главному командованию Военно-воздушных сил 22 апреля 1942 года.

...В качестве трофеев захвачено большое число советских документов с обозначением целей, которые относятся к 1937–1940 годам. Большая часть документов относится к 1937 г. На данный момент имеются документы по следующим городам: Лейпциг, Бранденбург, Бойтен, Варнемюнде, Цоссен, Гюстров, Гера, Дойтче-Эйлау, Коттбус, Кюстрин, Киль, Кройтц, Козел, Лауххаммер, Лаута, Магдебург, Нойруппин, Нойбранденбург, Нинхаген, Халле, Целле, Штаргард, Эрфурт, Элбинг.

Для каждого из городов имеется от 2 до 8 карт в масштабе от 1:100 000 до 1:25 000 с напечатанными по-русски обозначениями важнейших районов и близлежащих населенных пунктов, далее специальные карты, частично на русском, в основном с расположением аэродромов, а также репродукции воздушных снимков мостов, теплоэлектростанций, военных заводов, аэродромов и портовых сооружений. Важные военные и военно-экономические объекты на картах обведены и пронумерованы. К большинству документов прилагаются отпечатанные подробные описания целей. Весь этот материал – однозначное подтверждение военных приготовлений Красной Армии в 1937 г.»¹⁹.

Так что необходимые силы на советской стороне уже стояли и были готовы начать немецко-русский конфликт военным ударом. То, что Военно-воздушные силы Красной Армии должны были при этом сыграть ключевую роль, было отмечено немецкими военными наблюдателями осенью 1940 г. в рамках сообщения о маневрах. Советские воздушные силы, вероятно наученные неудачами финской войны, теперь готовились к поражению новых целей в «Западной Европе» совсем другим образом:

«Теперь большевики ставят перед Воздушными силами РККА совсем другие цели, нежели в советско-финской войне. Это ясно видно из сравнения задач, которые тогда ставились перед Военно-воздушными силами... с задачами, которые ставились большевиками Воздушным

силам во время последних сентябрьских маневров по воздушной защите города Киева (так!)... Большевики быстро поняли, что окружение больших плотно населенных городов Западной Европы может принести непосредственные военные результаты, так как благодаря этому нарушается снабжение, рабочие и служащие устают, плохо спят и поэтому днем плохо работают»²⁰.

Эта угроза со стороны советских воздушных сил была отмечена несколькими неделями раньше и стала первоочередной темой при первых обсуждениях военного удара по СССР: «Разбить русскую армию или как минимум захватить столько русской территории, сколько необходимо, чтобы предотвратить вражеские налеты на Берлин и силезские промышленные районы», — так были обозначены в июле 1940 г. первые цели предполагаемой кампании²¹. Здесь защита от угрозы советских ВВС имеет даже приоритет перед победой над русскими сухопутными войсками. Только от политического руководства СССР зависело определение момента выступления против Германии. Но тут сталинский механизм принятия решений совершил грубую ошибку, провалившую всю концепцию, даже с учетом того, что Берлин все-таки удалось захватить, не в последнюю очередь благодаря несостоятельности американского военного руководства в этом вопросе²². Хотя советское руководство могло ожидать в 1941 г. немецкого нападения, точный его момент определить было невозможно. Многие говорят за то, что Москва рассчитывала на обострение кризиса только в июле, и то с предварительными открытыми дипломатическими шагами с немецкой стороны. Возможно, в этом решающую роль сыграла немецкая военная хитрость, поскольку из Берлина дали в скрытой форме понять, что хотят в начале июля выставить новые требования²³. Если иметь в виду недостигнутые цели, сталинские результаты войны выглядели более чем скромно.

«Война скоро кончится, через пятнадцать-двадцать лет мы оправимся, а затем — снова!»²⁴ К тому времени,

как Иосиф Сталин произнес процитированную выше фразу, он уже захватил, несмотря на предшествующие неудачи, всю Восточную Европу и как раз отдал приказ штурмовать Берлин. Но получилось у него не все. Совершенно очевидно, что, несмотря на все эти успехи, он достиг не всего, что собирался. То, как это должно было быть, он выдал чуть позднее другой недовольной фразой. «Царь Александр Первый дошел до Парижа», — фыркнул Сталин на одного американского генерала, который хотел поздравить его с военными победами²⁵. Немецкое нападение 1941 г. действительно было произведено настолько вовремя, что сорвало на тот момент сталинские планы захвата всей континентальной Европы. Но, как дал понять Сталин, — можно же попробовать и еще раз.

Перевод с немецкого Дмитрия Хмельницкого

Примечания

- ¹ Zit. n. Ueberschär, der deutsche Angriff auf die UdSSR, S. 190 f.
- ² Vgl. FAZ vom 22. Juni 2006: «Adolf der Friedliebende», Buchbesprechung von «1940/41 – die Eskalation des Zweiten Weltkriegs».
- ³ Жуков: 15. Mai 1941, см. Ueberschär, Angriff, S. 187.
- ⁴ Цит. по: Bonwetsch, Die Forschungskontroverse über die Kriegsvorbereitungen der Roten Armee 1941, S. 185. Bonwetsch spricht im übrigen von russischen «Präventivkriegsabsichten» und fügt hinzu, daß eine endgültige Klärung noch aussteht.
- ⁵ См. Scheil, 1940/41 – die Eskalation des Zweiten Weltkriegs, S. 358.
- ⁶ Гитлер в разговоре с Вальтером Хевелем 8 июня 1941 г. См. Scheil, Eskalation, S. 398.
- ⁷ См. Goebbels, Tagebücher, Eintrag vom 6. April 1941.
- ⁸ Цит. по: Ueberschär, Angriff, S. 204.
- ⁹ См. Scheil, Eskalation, S. 203 f.
- ¹⁰ «Nach Angaben Molotovs gegenüber dem deutschen Botschafter sollen zwar nur defensive Vorsichtsmaßnahmen getroffen worden sein. Ob es sich hierbei aber tatsächlich nur um defensive Maßnahmen oder um die Versammlung stärkerer Kräfte für einen offensiven Vorstoß handelt, läßt sich noch nicht übersehen.» Цит. по: BA-MA RH 19 III/381, S. 6, Fremde Heere Ost, 27. Mai 1940. Согласно другому сообщению, Молотов в разговоре с Шуленбургом просто отрицал присутствие советских войск в этом районе. См. ADAP, D, IX, Dok. 322, 26. Mai 1940.

- ¹¹ Молотов Шуленбургу 22 июня. См. Hilger, Kreml, S. 313.
- ¹² Цит. по: BA-MA RW 4/330, S. 15, Fremde Staaten: Rußland, Bericht über die Einstellung sowjet. Kriegsgefangener und die Indoktrination vor Kriegsbeginn, Vortrag, eingegangen am 23.12.41.
- ¹³ См. Вокс, КТВ, S. 180, 27. März 1941.
- ¹⁴ Цит по: Nekrich, 22. June, S. 197 f.
- ¹⁵ Цит. по: Werner Maser, Der Wortbruch, S. 331.
- ¹⁶ Документ датирован маем 1941 г. См. Heinz Magenheimer, Entscheidungskampf, S. 91.
- ¹⁷ В. А. Анфилов. Бессмертный подвиг. – М. 1971, с. 170–171. Zit. n. Magenheimer, Entscheidungskampf 1941, S. 91.
- ¹⁸ Ebd. Magenheimer, Entscheidungskampf 1941, S. 93
- ¹⁹ Полный немецкий текст документа:

«Der Oberbefehlshaber der Luftwaffe H.Qu., den 22. April 1942

Führungsstab Ic

Nr. 10307/42 geh. (Pol)

Betr.: Sowjetrussische Kriegsvorbereitungen

An das

Auswärtige Amt – Pol I M – (2x)

OKW/Ausland (2x)

Hier ist als Beute eine größere Zahl sowjetrussischer Zielunterlagen angefallen, die durchweg in den Jahren 1937 bis 1940 erstellt worden sind. Die überwiegende Mehrzahl der Unterlagen stammt aus dem Jahre 1937. Unterlagen sind für folgende Städte bisher hier vorhanden:

Leipzig, Brandenburg, Beuthen, Warnemünde, Zossen, Güstrow, Gera, Deutsch Eylau, Kottbus, Küstrin, Kiel, Kreutz, Kösel, Lauchhammer, Lauta/O.S., Magdeburg, Neuruppin, Neubrandenburg, Nienhagen, Halle, Celle, Stargard, Erfurt, Elbing.

Für jedes Stadtgebiet sind 2 bis 8 deutsche Karten im Maßstab 1:100000 bis 1:25000 mit russischen Namensaufdruck für die wichtigeren Stadtteile und umgebenden Orte vorhanden, ferner zum Teil russische Spezialkarten, insbesondere für die Lage von Flugplätzen, sowie Reproduktionen von Lichtbildern von Brücken, Kraftwerken, Rüstungswerken, Flugplätzen und Hafenanlagen. In den Karten sind militärisch und rüstungswirtschaftlich wichtige Objekte eingerahmt und nummeriert. Genaue Zielbeschreibungen liegen gedruckt den meisten Zielunterlagen bei». Zit. n. RW 4/330, S. 249.

Das gesamte Material ist ein eindeutiger Beweis für Kriegsvorbereitungen der Roten Armee im Jahre 1937. Das Material kann auf Wunsch zur Einsicht übersandt werden.

i.A.

(Unterschrift)». Цит. по. RW 4/330, S. 249.

- ²⁰ Цит. по: BA-MA 2/2731, S. 166, Bericht 'Fremde Heere Ost' vom 27. September 1940.
- ²¹ См. Ueberschär, Angriff, S. 220 und Halder, KTB, II, S. 33.
- ²² Дуайт Д. Эйзенхауэр, в то время Верховный главнокомандующий союзными войсками в Европе, подарил Сталину этот успех без всякой необходимости. В марте 1945 г. он лично написал в Москву, чтобы сообщить, что он не собирается сразу атаковать Берлин, а поворачивает на юг. Сталин, «несомненно удивленный тем, что генерал обращается к главе государства, да еще и по такому серьезному вопросу», ответил, что он рассматривает Берлин как второстепенную цель. Он послал это сообщение Эйзенхауэру, но немедленно приказал Красной Армии быстро и всеми силами нанести по Берлину удар, который, собственно, был запланирован месяцем позже. Цит. по: Kissinger, Vernunft der Nationen, S. 444 f.
- ²³ См. Scheil, Eskalation, S. 416.
- ²⁴ Цит. по: *Milovan Djilas*, Gespräche mit Stalin, S. 147.
- ²⁵ Цит. по: *Kissinger*, Vernunft der Nationen, S. 424.

*М. Маркуша**

АССИМИЛЯЦИЯ ПРОИЗВОДСТВА

По материалам книги Л. Самуэльсона «Красный колосс»¹

Разрабатывая с 1927 года модель модернизации Красной Армии, М.Н. Тухачевский исходил из того, что грядущая война будет «войной моторов». Об этом он писал наркому К. Ворошилову в докладной записке от 20 декабря 1927 года. Доводы М.Н. Тухачевского были услышаны, но далеко не сразу.

15 июля 1929 года Политбюро ЦК ВКП (б) постановлением «О состоянии обороны в СССР» приняло новый пятилетний план строительства вооруженных сил, нацеленный на достижение военного превосходства над вероятным противником. Утвердило оно и лимиты вооруженных сил на конец первой пятилетки: численность армии мирного времени — 648 700 человек, а в случае мобилизации — 3 млн; военно-воздушный флот — 2000 боевых самолетов в строю, 500 в резерве, 1000 в запасе; танков — 1500 в строю, столько же в запасе и 1000–2000 в резерве; орудий средних и крупных калибров — 9348, мелких калибров — 3394².

М.Н. Тухачевскому такие масштабы прироста Вооруженных сил СССР представлялись недостаточными в соответствии с той стратегией так называемых «глубоких

* Маркуша, Марек Клиович — архитектор-исследователь, Иркутск.

операций» (танковых и воздушно-десантных), которую он теоретически разрабатывал в контакте с В. Триандафиловым. 16 декабря 1929 года он выступает на заседании Военной секции при Коммунистической академии с докладом «О характере современных войн в свете решений VI Конгресса Коммунистического интернационала». В докладе излагаются оперативно-тактические методы «глубокой операции», в основе которых лежит убеждение, что грядущая война будет основана на «повышенном технико-экономическом базисе», а это предполагает не только численное увеличение армии, но и ее серьезное обеспечение новой техникой. Через месяц — 11 января 1930 года М.Н. Тухачевский направляет Ворошилову новую докладную, в которой излагает развернутую программу модернизации Красной Армии с учетом геостратегических целей и геополитического положения СССР. По его мнению, к концу пятилетки страна обязана была иметь армию в 260 стрелковых и кавалерийских дивизий, 50 дивизий артиллерии большой мощности и минометов, 40 тыс. самолетов и 50 тыс. танков³.

Цифры невероятные, по сравнению с намеченными Политбюро лимитами вооруженных сил. Подобное предложение встречает сопротивление высших чинов военного руководства и партии, потому что для них очевидным является тот факт, что страна не располагает производственными мощностями, способными обеспечить производство военной техники в подобных количествах.

Способность страны в случае войны к срочной мобилизации своих экономических ресурсов и к максимально быстрому переводу гражданской промышленности на военные рельсы рассматривается руководством страны как один из основных показателей ее военной мощи⁴. В соответствии с этим гражданские производства должны проектироваться, территориально размещаться и технологически развиваться таким образом, чтобы в случае войны их можно было бы легко переориентировать на выпуск военной продукции. Но опыт Первой мировой войны

показал, что быстрого освоения гражданским производством военной техники не происходит — приспособление (с началом войны) гражданских заводов под военные цели занимало от одного до трех лет. Кроме того, изделия военной промышленности требуют высокой точности и технологичности, к чему гражданское оборудование и специалисты оказываются далеко не всегда готовы.

Идеи М.Н. Тухачевского необычны тем, что они предлагают изначально создавать всю гражданскую промышленность таким образом, чтобы еще до войны на постоянной основе она содержала военный компонент. То есть основные виды военного производства в мирное время должны быть в постоянной производственной отработке на гражданских объектах — гражданские заводы должны постоянно производить отдельные полуфабрикаты военных изделий. Например, именно гражданскими производствами должны постоянно выпускаться компоненты военного изделия, именуемого «выстрел», — гильзы, корпуса снарядов, капсюли, взрыватели, дистанционные трубки, тротильные заряды. Или компоненты такого военного изделия, как «система орудийного огня», — орудийные тела, лафеты, передки, оптические приборы. По отдельности все эти комплектующие не образуют еще конечного «военного продукта» и превращаются в него лишь на специализированных объектах ВПК, где подлежат сборке в законченное «военное изделие» вместе с другими «специализированными военными» полуфабрикатами, изготавливаемыми на военных заводах.

Своеобразное исключение в этой схеме составляют лишь военные изделия так называемой третьей группы, изготавливаемые целиком на гражданских заводах сразу в законченном виде и имеющие двойное употребление — и военное, и гражданское, — понтоны, интендантское имущество, средства связи и маскировки, инженерный инструмент, электротехническое и железнодорожное оборудование и т.п.

Эта идея не нова. Она высказывалась и ранее. Еще

2 марта 1924 года в докладе «Об организации военной промышленности», представленном в Реввоенсовет, Совнарком и СТО начальником Главного управления военной промышленности ВСНХ СССР П.И. Богдановым и его помощником по военно-техническим вопросам проф. В.С. Михайловым, предлагалось усиливать оборонную мощь страны с помощью заводов гражданской промышленности, приспособленных для изготовления военных изделий⁵.

Но М.Н. Тухачевский придает ей абсолютное значение. Он предлагает для массового выпуска определенных типов танков вообще не строить обособленных специализированных военных заводов, а изготавливать танки на гражданских тракторных заводах. Тем более что, как он утверждает, «танки, идущие обычно во 2-м и 3-м эшелонах, могут быть несколько меньшей быстроходности и большего габарита... А это значит, что такой танк может являться бронированным трактором»⁶. Эти предложения подтверждаются в то время данными разведки. Так, в конце 1930 года на английской фирме «Виккерс» был разработан проект малого плавающего танка, подвеска которого была заимствована у легкого трехтонного трактора той же фирмы, разработанного в 1929 г.⁷ Подтверждались они и сведениями, полученными в ходе военного сотрудничества с рейхсвером, договор с которым о совместных работах в области танков осуществлялся с 1926 г.⁸

Идея постоянного включения в мирное время гражданской промышленности в выпуск военной продукции кардинально меняет взгляд на характер гражданского производства, так как превращает его в «военно-гражданское». Предполагается, что структура единого «военно-гражданского промышленного комплекса» будет включать и гражданские предприятия, на которых в мирное время постоянно изготавливались бы военные полуфабрикаты, и автономную, также постоянно развернутую сеть специальных военных производств, осуществляющих технологически состыкованное и кален-

дарно согласованное производство специализированных военных комплектующих и сборку готовой военной продукции. Последнее требует наличия постоянного кадрового состава и специфического материально-технологического комплекса. Равным образом требуется научный потенциал для разработки и освоения новых видов вооружений. При соблюдении этих условий задача масштабного перевооружения и резкого численного увеличения военной техники вооруженных сил страны представлялась М.Н. Тухачевскому вполне разрешимой даже в относительно короткие сроки. Он указывает, что в результате принятия его предложений количество танков-тракторов с каждым годом будет увеличиваться и к концу 1932 года достигнет 40 000. Примерно в том же духе он рассуждает и по поводу авиации. Эта идея поддерживается и летом 1930 г. М.Н.Тухачевский включается в состав комиссии Политбюро ЦК ВКП (б) по вопросам развития гражданской авиации (председатель комиссии – Я.Э. Рудзутак, члены: Баранов П.И, Туполев А.Н., Королев С.П., Уборевич И.П.)⁹.

Предложения М.Н. Тухачевского нацелены не столько на увеличение производства военной техники, сколько, и это самое главное, на выдвижение принципиально нового способа формирования самих основ советского ВПК. Тухачевский М.Н. предлагает кардинально иной характер его структурирования, нежели это до сих пор представлялось. Военное производство становится маховиком развития гражданской промышленности, а гражданское производство – ресурсной составляющей военного. Подобная «ассимиляции производства»¹⁰ – т.е. изначальное объединение в одну двух систем, существовавших ранее как обособленные и автономные: а) военных и б) гражданских заводов, – позволяет в мирное время гражданские производства использовать для производства готовых изделий и комплектующих военного назначения, а военные производственные мощности частично использовать для выпуска гражданской

продукции, что, заметим, впоследствии и реализуется практически. Так, например, 16 июля 1931 года СНК СССР принимает совершенно секретное Постановление № 146/сс «Об экскаваторах», в котором предписывает: «Поручить ВСНХ СССР совместно с НКВоенмором проработать вопрос о возможности постановки производства экскаваторов на одном из военных заводов»¹¹. Другой пример. 13 ноября 1932 года руководство Наркомтяжпрома принимает решение о переключении Завода им. К. Маркса с производства деталей для подводных лодок, заказов по торпедному вооружению, компрессорам и ремонту вооружения судов на производство текстильных машин¹².

Идея «ассимиляции производства» не является персональным изобретением М.Н.Тухачевского. В докладе от 8 июля 1929 г., представленном Правительственной комиссией под руководством Ворошилова (создана директивой РЗ СТО 23 апреля 1929 г.), содержится критика пятилетнего плана, сформированного Госпланом, основанная как раз на указании на «неиспользованные ресурсы гражданской промышленности», на необходимость вовлечения ее в процесс «ассимиляции» и т.п. Благодаря «ассимиляции производства» должна достигаться, во-первых, взаимодополняемость гражданских и военных производств. Во-вторых, возможность, в случае необходимости, быстрой адаптации гражданских рабочих кадров к военному производству, потому что в составе производственного коллектива постоянно присутствуют квалифицированные мастера по производству военной продукции, которые в случае необходимости способны в короткие сроки осуществлять ускоренную переподготовку гражданских специалистов. Например, на совершенно гражданской швейной фабрике, изготавливающей вполне мирную продукцию, есть производственная линия, постоянно шьющая плащ-палатки. И запас брезента имеется, и ниток, и мастера, практически освоившие технологию. С началом войны за мастерами закрепляет-

ся по 10—15 учеников (из числа работавших рядом, таких же опытных, как и они, но не имевших ранее дела с подобной продукцией), которые мгновенно «переучиваются» на данный вид продукции, а мастера берут в обучение новеньких, призванных по трудмобилизации. В итоге вся фабрика почти мгновенно переходит на изготовление плащ-палаток. В-третьих, способность во время войны многократно наращивать выпуск военной продукции за счет относительно небольших дополнительных затрат (в частности, за счет перехода на двух- или трехсменный график работы). В-четвертых, ввести единые сортаменты и стандарты для военной и гражданской техники (например, единые стандарты для трактора и легкого танка, автомобиля и броневика, гражданского и военного самолетов и проч.), позволяющие делать детали и комплектующие взаимозаменяемыми. В-пятых, лавинообразно расширить для вероятного противника список военных целей, «растворив» военные объекты в массе «гражданских», — враг лишается возможности намечать конкретные военно-промышленные цели и оказывается перед необходимостью осуществлять трудоемкие и съедающие массу военных ресурсов ковровые бомбежки всех подряд промышленных территорий и производственных объектов, в том числе и огромное количество гражданских объектов, так как все они становятся немного военными.

М.Н. Тухачевский, как военный стратег и крупный организатор, приученный самой армейской службой выслушивать чужие мнения, оценивать их, извлекать главное и наиболее ценное и принимать самостоятельные обобщающие решения, сумел понять и суть существовавших на тот период проблем, и существо предложений по их преодолению. Сумел сгруппировать, свести воедино многие важные элементы разрабатывавшихся в это время различных концептуальных предложений и многие реальные инициативы, идущие из разных источников. Он, являясь членом различных плановых, экономических, военных комиссий, общаясь с различными специалис-

тами, занимая должности, связанные с необходимостью стратегического планирования путей реформирования Красной Армии, имея возможность использовать научный и технический потенциал индустриально развитого Ленинградского военного округа¹³, получал возможность знакомиться с различными соображениями и идеями и формулировать, конкретизировать, выражать свои собственные. Ему удалось свести очень разные — экономические, военно-стратегические, производственно-технические, организационно-управленческие, оборонно-технические и др. предложения в единый непротиворечивый комплекс стратегических предложений по развитию оборонной промышленности, выдвинув комплексное решение. В соответствии с этим комплексным решением должна устанавливаться кооперация между автомобильной и тракторной промышленностью — с одной стороны, и танковой — с другой. Заводы по производству гражданских тракторов призваны становиться, по сути дела, заводами по производству танков, из сугубо гражданских превращались в «военно-гражданские» промышленные предприятия. Заводы по производству автомобилей (в том числе автомобильных двигателей) — заводами по производству танкеток.

17–18 июля 1929 г. происходит заседание РВС СССР, на котором утверждается «система танко-тракторно-автотанковооружения РККА», включавшая 4 типа танков: а) танкетка колесно-гусеничная, б) малый танк, в) средний (маневренный) танк, г) большой танк¹⁴. 30 ноября 1930 г. Политбюро ЦК ВКП (б) одобряет программу танкового строительства и утверждает планы доведения общего количества танков и танкеток до 20 000. Решение во многом предопределено положительными данными предварительных испытаний бронированных тракторов «Коммунар» и «Катерпиллар», которые показали, что при соответствующих преобразованиях на Нижегородском автомобильном заводе можно было, используя автомобильные базы и двигатели, выпускать танкетки.

Танкетки планируется выпускать также на базе 2-го автозавода ВАТО. Для освоения выпуска танкеток сюда передаются все материалы по проекту «Т-25» Гинзбурга—Симского, а также документация по танкетке «Виккерс Карден-Ллойд» и два образца, закупленных в Великобритании и доставленных в СССР в конце мая 1930 г. Здесь же для подготовки серийного выпуска танкеток создается конструкторское бюро Н. Козырева¹⁵. 3 ноября 1930 г. первый образец гусеничной танкетки с автомобильным двигателем «Форд-АА» изготовлен на заводе «Большевик». Но испытания показывают перегреваемость двигателя, поэтому в январе 1931 г. новый опытный образец (под индексом Т-27) оснащается новым моторно-силовым агрегатом «ГАЗ-АА» — четырехтактным, четырехцилиндровым, жидкостного охлаждения, мощностью 40 л.с., с карбюратором типа «Форд-Зенит». Танкетки производятся с широким использованием узлов и агрегатов грузового автомобиля «Форд-АА», выпускаемого на Нижегородском автомобильном заводе. С 1931 г. выпуском танкеток ведают бывший 2-й завод ВАТО и ГАЗ, в то время еще носивший название НАЗ. На базе автомобильных трансмиссий и двигателей «Форд-АА» также производятся и плавающие танки «Т-41» и «Т-37», выпускаемые 2-м заводом ВАТО¹⁶.

Мобилизационный план, принятый в этот период, предполагает возможность, при условии должных мобилизационных поставок броневых листов, осуществления дооборудования и дополнительной постановки в строй более 40 000 бронированных тракторов, изъятых у колхозов в случае начала войны¹⁷.

К своему письму И.В. Сталину от 30 декабря 1930 г. М.Н. Тухачевский прикладывает фотографию бронированного трактора, вооруженного пулеметами, который был собран на ленинградском заводе¹⁸.

3 марта 1931 г. В. Триандафилов, с которым М. Тухачевский поддерживал тесные контакты на протяжении 1930—1931 годов, обосновывает свой тезис о новых

оперативных формах глубокого боя и, развивая идеи М. Тухачевского, формулирует тактико-технические спецификации для различных типов танков (танки прорыва, независимо действующие, приданные пехоте, прочие), тем самым придавая новое военно-теоретическое обоснование необходимости наличия различных типов военной техники: тяжелых, средних и легких танков, бронированных тракторов, танкеток, бронеавтомобилей и др. Идеи М.Н. Тухачевского о военном использовании мощностей гражданской автомобильной и тракторной промышленности, гражданской авиации как основной базы военно-воздушного флота получают позитивную оценку в комиссиях, занимающихся в 1930 г. пересмотром планов строительства танков и самолетов, и, в конечном счете, обретают поддержку И.В. Сталина. В этом же году СНК принимает решение о «широком кооперировании танкостроения с другими смежными предприятиями... производство целого ряда сложных деталей и агрегатов устанавливалось на кооперированных заводах». Подобные программы осуществлялись, по данным разведки, и в других странах. Так, например, весной 1931 г. поступили разведсообщения о состоявшихся в Конгрессе США слушаниях по поводу производства танка «Кристи», на которых была высказана «необходимость использования единых стандартов для танка и автомобиля»¹⁹. Начавшаяся в СССР осенью 1931 г. проектная разработка плавающего танка «Селезень» (получившего индекс «Т-33») основывалась на использовании общей компоновки и ходовой части гусеничного трактора «Карден-Ллойд», закупленного в Великобритании в 1930 г., и предусматривала установку автомобильного двигателя «АМО-2» мощностью 62 л.с.²⁰.

Предложения М.Н. Тухачевского оказались поддержаны И.В. Сталиным потому, что соответствовали политике широкого производства военной продукции на базе гражданской промышленности, а также побочного развития гражданских отраслей производства за счет функционирования военной индустрии, рассматривав-

шейся как «маховик» индустриального развития страны в целом. Соответствовали они и доктрине формирования территориальной военно-мобилизационной системы, воплощаемой через концепцию соцрасселения. Устраивали они и военное руководство, так как позволяли претендовать на увеличение своей доли ресурсов в рамках растущих машиностроения, автомобильной и авиационной, химической промышленности, в то же время оставляя гражданскому сектору промышленности возможности для быстрого самостоятельного роста.

Примечания

- ¹ Самуэльсон Л. Красный колосс. Становление военно-промышленного комплекса СССР. 1921–1941. – М.: АИРО-XX, 2001. 296 с. С. 130.
- ² Симонов Н. С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. – М., РОССПЭН, 1996. С. 68.
- ³ РГВА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 170. Л. 17–20.
- ⁴ РГВА. Ф. 4. Оп. 41. Д. 1107. Л. 62.
- ⁵ Симонов Н. С. С. 38.
- ⁶ Письмо М. Тухачевского Сталину от 19 июня 1930 года. Приводится: Минаков С.Т. Советская военная элита в политической борьбе 20–30-х годов // «Кадровая политика», 2003. № 1.: http://www.whoiswho.ru/kadr_politika/12003/stm10.htm.
- ⁷ Свириин М.Н. Броня крепка. История советского танка. 1919–1937. – М.: Яуза. Эксмо. 2005. 384 с. С. 150.
- ⁸ Там же. С. 91.
- ⁹ Самуэльсон Л. С. 130.
- ¹⁰ Там же. С. 96.
- ¹¹ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 460. Л. 117.
- ¹² Симонов Н. С. С. 5, 95.
- ¹³ М.Н. Тухачевский – 1925–1928 – начальник Штаба РККА, июнь 1928 – май 1931 – командующий Ленинградским военным округом (ЛВО), 1931–1937 – заместитель наркома обороны и начальник вооружений (Самуэльсон Л. С. 29).
- ¹⁴ Свириин М.Н. С. 92–93.
- ¹⁵ Там же. М.Н. С. 142–143.
- ¹⁶ Там же. С. 143–144, 147–148, 154.
- ¹⁷ Самуэльсон Л. С. 134.
- ¹⁸ Там же. С. 133.
- ¹⁹ Там же. С. 137.
- ²⁰ Свириин М. Н. С. 139, 152.

Кейстут Закорецкий

«СЕКРЕТНЫЙ АРХИВ» ДЛЯ ВСЕХ

К методике исторических исследований¹

Говорят, с годами все меняется.

Все — не все, но, например, отношение к рынку (базару) поменялось (по сравнению с советскими временами). Сейчас посещение базара связано не только с удовлетворением потребности что-то купить. Это действие превращается в целый процесс с элементами охоты и детектива. «Найду — не найду?» «Устроит ли цена?» «Обдурят — не обдурят?» «Удастся ли вернуть?»

Но актуальность таких вопросов особенно возрастает в ситуации, когда пытаешься найти нечто заранее неизвестное. Спросите: так не бывает? Иногда бывает, например, такое случается при посещении базара в свободное от остальных покупок время по теме личной увлеченности. Например, если вы любитель загадок истории.

Хотя можно возразить: «При чем тут базар (рынок)?» Историю изучают в библиотеках, музеях, мемориальных комплексах, в архивах. Да, конечно, могу согласиться. Именно там в первую очередь. Но есть трудности. Вот, например, при посещении разных форумов в Интернете про Вторую мировую войну неоднократно приходилось получать совет съездить в подольский архив (под Москвой). Действительно, какие проблемы? Взял на работе отпуск за свой счет, купил билет до Подольска, приехал, пришел к архивным работникам и...

И что? Вы знаете, что спрашивать? Допустим, знаете. Допустим, хотите почитать «Протоколы переговоров военных делегаций на Потсдамской конференции летом 1945 года».

А вам отвечают [варианты]: «Такое не существует», «Нет в архиве», «Пока секретно», «На реставрации»... Короче, — и поездка оказывается бесполезной...

В музеях чего-то требовать не надо. Что администрация посчитала нужным, то и выставила. Ходи и смотри. Но... экспозиции, как правило, небольшие. В библиотеках вариантов побольше. Но все равно есть ограничения. И поиск может застопориться. Но как оказывается, существует еще один источник информации в этом деле — вещевые рынки (базары).

Конечно, не все. Некоторые из них (особо известные для местных жителей). Например, Куреневский рынок в Киеве. Или, как его еще называют, «Птичий». От Крещатика (от «Майдана») ехать 18-м троллейбусом. Или от Подола любым трамваем (кроме 14-го и 18-го). Попугаев и корма к ним там, конечно, продают. Но продают и все остальное: плитку, сантехнику, «химию», швейные машинки, сетку «рабица» и т.д. А вокруг базара прямо на земле по выходным дням выкладывают вообще «все остальное», вплоть до полного непотребия. Ну кто, спрашивается, сейчас захочет купить фотоаппарат «Смена» или дисковод для 5-дюймового гибкого диска? (Свой я уже давно выкинул на мусорник.)

Но... Среди этого непотребия, если повезет, можно обнаружить и интересные экземпляры. Однажды я наткнулся на сборник документов и выступлений товарища Сталина 30-х годов. Почитав содержание, я уже собирался его купить. Меня очень заинтересовала речь Сталина на XVIII съезде ВКП(б) (март 1939-го). Но пока ждал продавца, решил для контроля ее полистать, и оказалось, что именно эти страницы из сборника вырваны. Жаль...

Строго говоря, этот сборник можно поискать и в

библиотеке. (О! Уже польза от базара — он оказывается источником названий некоторых книг.)

В другой раз, подходя уже почти ко входу на основную (официальную) территорию рынка, на земле напротив трамвайной колеи увидел стопку тонких брошюр с названием серии, с которой я когда-то встречался в каталоге библиотеки: «В помощь преподавателю дивизионной школы партийного актива» (Военное издательство Министерства Вооруженных сил СССР, Москва, 1946). Каким образом они тут оказались?! Кому, кроме меня, они могли быть интересны? И хотя они были не совсем той подсерии, что я был бы рад почитать в первую очередь, я купил все пять. Одна без обложки (про Богдана Хмельницкого, написана проф. Н.Н.Петровским — член-корр. АН УССР). Другая — проф. В.Пичета «Роль русского народа в исторических судьбах славянских народов» — была слегка погрызена крысами. И остальные представляли определенный интерес с точки зрения этих тем еще тогда, в том 1946 году — про борьбу с монголотатарами, немцами, шведами в 1242-м и вообще, как возникла Киевская Русь (от академика Б. Грекова). Открываешь пожелтевшую обложку и читаешь название: «Славяне. Возникновение и развитие Киевского государства. Выше его — «Академик Б. Греков». Внизу — ссылка на «Воениздат». А в самом верхнем правом углу лозунг: «За нашу Советскую Родину!» И возникает некое ощущение, что тут что-то не так... Но что?..

Однажды на одном форуме мне заметили, что таким образом советское военное ведомство заботилось о познавательном и культурном уровне советских военнослужащих. Возможно.

Тогда телевизоров/видиков не было, радио «под контролем». Вот и остается важный элемент — лекции.

Но... Ну я понимаю, если бы советские военнослужащие в первую очередь изучали героическое время Гражданской и Великой Отечественной войны. Хотя... Про последнюю слушатели таких лекций должны были и сами

знать немало. Солдатами и сержантами в 1946–1947 годах были парни 1925, 1926 и 1927 годов рождения. «Младшие призывные возраста», увольняли которых с весны до осени 1951 г. после призыва (соответственно) в 1942, 1943 и 1944 годы... Откуда знаю? Мой отец, 1927 года рождения, рассказывал (особенно по праздникам). В детстве я неоднократно слышал его фразу: «А вот я служил срочную 6 лет!» Запомнилось...

И с Гражданской войной могли быть проблемы. Нет, книги, конечно, могли существовать. Например, публикации командарма 1-го ранга Ионы Якира 1922, 1928 и 1934 годов. Все вместе они были выпущены «Воениздатом» в 1957-м (случайно купил на том же Куреневском рынке). Но Иона Якир был расстрелян в 1937-м. И не только он из командиров Гражданской войны. Потому в 1946-м могли возникнуть лишние вопросы.

С этих позиций изучение XIII века – конечно, процесс поспокойнее.

Но... В той же серии «В помощь преподавателю дивизионной школы партийного актива» были опубликованы и другие книги. Например, Ильинский Я. «Финляндия» (1947), Волков А. «Страны Центральной Америки и Вестиндии» (1947). В частности, во второй – про фашиствующие организации в Мексике и на Кубе. Причем, когда Сталин умер, упоминание про фашистские организации в Мексике куда-то пропало. Но об этом я узнал уже не на базаре, а в картотеке библиотеки. И не в первой попавшейся районной, а в одной из центральных столичных.

В БИБЛИОТЕКЕ

Там обнаружилось, что в 40-е годы была и другая серия – «Библиотека офицера ВМС». А в ней в 1946 г. в том же «Воениздате» была издана книга Сергея Маркова «Русские на Аляске»².

С одной стороны, в ней излагается познавательная информация о том, как русские первопроходцы создавали

поселения на Аляске. Но вот издательство... Если бы она была издана какой-нибудь «Детской литературой» для детей среднего и старшего школьного возраста, да еще под каким-нибудь нейтральным названием (например, «Юконский ворон»), я бы на нее и внимания не обратил. А так... (кстати, после смерти Сталина роман С. Маркова «Юконский ворон» несколько раз переиздавался в мирных издательствах.)

Но как оказалось, в библиотеках можно найти и вполне конкретные, но (мягко говоря) очень малоизвестные книги на военную тематику 40-х годов XX века. Только возникает проблема — что искать и как? Книг в «хорошей» библиотеке миллионы. Карточек в картотеке не менее. С чего начать? Конечно, можно пойти «прямым путем» — найти и просмотреть ящик с карточками на исследуемую тему («История СССР в 1941–1945 годы»). Но неплохой результат может показать и «нестандартный» подход. Например, в марте 2005 г. на военно-историческом портале «The Russian Battlefield»³ в разделе «Позорный столб» я обнаружил длинную статью «Несостоявшийся историк» с критикой произведений В. Суворова⁴.

В ее 1-м параграфе автор портала Валерий Потапов много места уделил танкам. А вот следующие три параграфа («2. Резун об отсутствии карт», «3. Резун об артиллерии» и «4. Резун о снарядах на грунте») оказались гораздо короче. Причем самым коротким получился параграф об отсутствии карт. И затрагивается в нем только одна тема — отсутствие карт для территорий восточнее Днепра, что, дескать, вполне понятно, так как восточнее Днепра допускать противника не планировали. И все это подается с очередными криками о сплошном вранье Суворова. Но, извините, Суворов рассматривал тему карт в ДВУХ главах — не только в 14-й («Почему товарищ Сталин не расстрелял товарища Кудрявцева?» книги «Последняя республика»), но и в 16-й («С немецким разговорником по... Смоленской области»). А там речь шла не только о СОВЕТСКИХ картах НЕМЕЦКОЙ территории, бро-

шенных У ГРАНИЦЫ, но и о брошенных там же вагонах с «Русско-немецким разговорником». И можно задать вопрос Потапову: а здесь Резун сбредал или нет? Или эта тема не имеет отношения к его творчеству?

Таким образом, есть повод сравнить тему карт у Резуна с тем, как Потапов пытается найти в ней очередную брехню. Тем более что она касается темы следующего параграфа «3. Резун об артиллерии». И именно с этой целью (проблемы артиллерии) я и направился в Центральную научно-техническую библиотеку Киева вечером 24.03.05. Время было позднее, мне оставалось не более часа времени, надо было спешить. Но где же заветные ящички в каталоге по артиллерии? Я решил искать в разделе военных наук. И как назло он оказался слегка занят: перед ним стояла молодая женщина, вытянув упорную доску и установив на нее ящик с карточками. Попросить ее отодвинуться я сначала постеснялся, не зная, какие ящички мне нужны. И решил вынуть пару левых по общим военным вопросам.

РАЗГОВОРНИКИ

Но оказалось, что в них про пушки ничего нет. Зато вдруг я наткнулся на тему «военных разговорников»! Ну-ка, ну-ка! Про суворовскую главу о немецком разговорнике в Смоленской области я помнил и подумал: «А вдруг он есть здесь?» И стал просматривать карточки. Действительно, разговорников там было много. Но цель большинства из них была понятной: «русско-венгерский» 1944, «русско-румынский» 1944, «русско-финляндский» 1944, «русско-немецкий словарь» 1942. Это понятно. Но вот натыкаюсь на нечто более интересное: «Краткий русско-венгерский военный разговорник» 1940 г., «Краткий русско-английский военный разговорник», Воениздат, 1940, и наконец: «Русско-немецкий военный разговорник», Москва, Госиздат, 1941... Неужели он?

Ладно, записываю шифры и иду искать ящички про

артиллерию. Они оказались справа от все еще стоявшей женщины у того шкафа. Прошу ее подвинуться, вынимаю ящик с карточками про артиллерию, в котором, как и ожидал, оказалось довольно много книг про различные артиллерийские проблемы: руководства службы, таблицы стрельбы (даже каких-то французских пушек конца XIX века), пособия по матчасти, учебники, книги по производству и хранению боеприпасов и т.д. Нашел, по-выписывал шифры. Вечером следующего дня заполнил требования, а в субботу 26.03.2005 с небольшим волнением подошел к окну выдачи литературы. Дело в том, что наличие названия в картотеке еще ни о чем не говорит. Книга может оказаться на руках, быть списанной, быть на реставрации и т.д. Но вижу, что мне выносят небольшую стопку («Неужели есть все?» — подумал я.) Однако работница библиотеки тут же мне сообщает, что «вот этой книги в фонде нет». И протягивает мое требование... о «русско-немецком разговорнике»... Переспрашиваю: «Может, на руках?»

— Нет, — повторила она. — Если бы была на руках, я бы так и ответила, а тут **НЕТ В ФОНДЕ!**

Плохо, конечно. Но я не очень опечалился. О том разговорнике информация все же есть (у Суворова). Меня же больше волновал «русско-английский». И он в наличии **БЫЛ!** Это порадовало!

Я взял выданные мне книги и направился в зал для чтения. Выбрал там место и первым развернул «разговорник». Он оказался небольшой серой книжечкой — всего 10 × 13 см — ну как раз под голенище сапога, как писал Суворов. Издан летом 1940 года (5 июня сдан в производство, 15 июля 1940-го подписан в печать). Техническим редактором оказался тот же А.В. Любарский, которого упоминал В. Суворов в связи с «русско-немецким разговорником» 1941 года. И смысл фраз во многом оказался похож (только по-английски).

В тот раз я не рискнул попытаться его отксерить — книга оказалась проклеенной по корешку. Я побоялся,

что ее внутренне листы нельзя будет разворачивать горизонтально без разрыва. Отксерил только обложку и «содержание» с выходными данными.

Но для понятия смысла все же нужны цитаты изнутри разговорника. И я их стал выписывать вручную. И при этом вспоминал слова В. Суворова из 16-й главы «Последней республики» (стр. 302–303):

«...С помощью разговорника можно легко и свободно объясниться с местными жителями: как называется деревня? где источники воды? где топливо? пройдет ли грузовая машина? Можно зайти на телеграф и вполне доходчиво изъясниться: «Прекрати передачу — застрелю!» А можно потребовать, чтоб отпили глоток и откусили кусок перед тем, как его грызнет освободитель, чтоб воина нашего не отравили проклятые басурмане.

В 1941 году у немецких солдат такие же разговорники были за голенищами: «Мамка, млеко». «Мамка, яйки». Вот и нашим солдатам вдоволь припасли. Раскрыл книжечку, нашел нужную фразу и можешь любопытствовать, кто состоит в отрядах СА. Незаменимая книжка! Правда, если мы воюем под Старой Руссой или Вязьмой, нам такая книжка без надобности. На кой нам изъясняться на немецком языке с новгородским или смоленским мужиком? Зачем красноармейцу в центре России на немецком языке спрашивать название деревни?

А фразы в книжке такие: «Назовите селение!», «Назовите город!», «Можно ли пить?», «Выпей сначала сам!», «Где топливо?», «Сколько скота?» и т.д. и т.д.

Воображение у меня резвое. Прикинул: вот началась «Великая Отечественная», вот наши солдатики защищают Родину, воюют на родной земле. Вот вошли в незнакомый город, нашли в разговорнике нужную фразу и первому попавшему мужику:

— Nennen Sie die Stadt?

А тот в ответ:

— Смоленск!

А наши ему:

— Sie lügen, падла!

Или зашли в деревню где-нибудь под Оршей, зачерпнули воды ключевой и молодухе:

— Trinken Sie zuerst man seldst!

Так ведь русская и не поймет. Это только если к немецкой молодухе обратиться...»

И вот переписываю примеры практически такого же смысла из «русско-английского разговорника» 1940 года, и, когда дочитал до середины, то смех так стал меня расpirать, что я решил спуститься в подвальный этаж, чтобы меня не приняли за сумасшедшего. И там, в подвальном этаже за огромными рулонами бумаги, я и дописал себе цитаты из этой книги.

А через год я рискнул еще раз заказать этот разговорник, а получив в руки, рискнул его полностью отксерить. Как оказалось, хоть корешок и был проклеен, но внутренние страницы вполне хорошо раскрывались — достаточно для ксерокса. Единственное, чего не удалось добиться, — хорошего качества копий. Ксерокс попался требовавший чистки (местами он делал светлые полосы). Но время было позднее, выбирать что-то получше уже не было возможности, я попросил копировать «потемнее». Копии при этом получились с темноватым фоном. Зато я получил полное содержание всех страниц книги, которая теоретически не должна была существовать. И интересное обнаружилось уже на самых первых страницах. На них было приведено краткое объяснение «От издательства», для кого разрабатывался этот разговорник (заклеенные буквы заменены знаками подчеркивания) (стр. 3).

«Этот «Разговорник» предназначен главным образом для командиров отделения, взвода, роты или соответствующего начальствующего состава. Содержание «Разговорника», однако, несколько расширено — до пределов, обеспечивающих возможность его нереального (не в штабах) использования командирами всех степеней, так как очень трудно ограничить тематические подробности

опроса пленного, перебежчика и местного жителя или иным нашим командиром.

Рассчитанный на полное незнание языка, «Разговорник» построен на системе ответов, которая только и способна обеспечить действительную возможность разговора (понимания ответов опрашиваемого). В английском языке имеется ряд звуков, не существующих в произношении русского языка. Для точного произношения этих звуков нет соответствующих букв или сочетаний букв в русском языке. Учитывая, однако, что нашим «Разговорником» будут пользоваться преимущественно командиры, не владеющие английским языком, мы стремились передать английское произношение в транскрипции (крайняя правая колонка на каждой странице) сочетаниями русских букв, наиболее близкими к английской фонетике.

Особенно трудным для произношения и вместе с тем наиболее часто встречающимся звуком в английском языке является сочетание *th*, которое передано нами в транскрипции как «дз». При произношении этого звука рекомендуется всем, пользующимся нашим «Разговорником», зажимать кончик языка между передними зубами и как бы выталкивать звук «дз» изо рта вместе с дыханием».

После введения начинается «ОБЩАЯ ЧАСТЬ» (стр. 5, 6) : «Понимаете ли по-русски?», «Понимаю», «Не понимаю», «Говорите ли по-русски?», «Отвечайте!», «Отвечайте только «да» или «нет», «Говорите медленно», «Говорите правду», «Если не знаете, скажите «не знаю», «Вы должны знать!», «Вы должны были слышать», «Вы должны были видеть!», «Вы говорите неправду», «Вспомните точно!», «Успокойтесь!», «Скажите еще раз».

В этой «общей части» приводятся фразы и слова, которые могут пригодиться во время бесед на разные темы. В частности, там есть переводы слов, означающих направление («Покажите на местности!»), длительность («Сколько минут?»), время («Когда?»), английские числительные (1—20 000), название и номер части, подраз-

делений. Далее приводятся переводы порядковых числительных (от 1-й до 20 000-й), названий родов войск («Артиллерия?»), размеры. Примеры: «В каком направлении?», «Покажите на карте», «Когда?», «Повторите!», «Какая часть?», «Какая рота (эскадрон, батарея)?», «Покажите номер на пальцах», «Какой род войск?», «Танковые войска?», «Какого размера?»

На 26-й стр. «общая часть» заканчивается и начинаются номерные разделы разговорника. Первый раздел касается темы «Захват пленного»: «Стой!», «Сдавайся!», «Слезай с коня!», «Слезай с велосипеда!», «Руки вверх!», «Если будешь шуметь, убью!»

Второй раздел посвящен теме «Установление личности опрашиваемого». Что интересно, авторы разговорника предлагают поточнее выяснить, к какой части Британской империи относится опрашиваемый (пленный, задержанный) (стр. 29): «Как ваша фамилия?», «Вы англичанин?», «Вы шотландец? (ирландец? валлиец? австралиец? канадец? новозеландец? южноафриканец?)», «Вы американец?», «Вы индус?»

Затем предлагаются варианты выяснения номера части, рода/вида войск, звания (от ефрейтора до полного генерала), должности, чем занимался до задержания, и есть вариант выяснения ситуации, когда опрашиваемый добровольно перешел на сторону Красной Армии: «Какой дивизии?», «Офицер?», «Рядовой?», «Какой у вас чин?», «Ефрейтор?», «Полный генерал?»...

Стр. 35: «Вы явились к нам добровольно?», «Что вас принудило перейти к нам?», «Вы хотите сражаться на нашей стороне?»

Стр. 36: «Вы хотите служить в нашей армии?», «Вы не хотите сражаться против нас?»...

Стр. 37: «Где вы перешли фронт?», «Вы член какой партии?», «Вы коммунист?»

Со стр. 37 начинается 3-я часть «СОСТАВ ЧАСТИ» (кто командир, сколько людей, сколько подразделений, сколько танковых, есть ли артиллерийские и т.д.).

Стр. 42–44 – часть 4. «**ВООРУЖЕНИЕ**» (сколько винтовок, гранатометов, танков, гаубиц и т.д.).

Стр. 44–47 – часть 5. «**ПОЗИЦИИ**» (когда заступили, где, есть ли заграждения, какие).

Стр. 47–55 – часть 6. «**НАСТУПЛЕНИЕ И РАСПОЛОЖЕНИЕ ВОЙСК В ОБОРОНЕ**»: где фланги, есть ли резервы, какие, где склады, где районы выгрузки, где аэродромы, «Где полк?», «С каких направлений ожидается нападение наших танков?» и т.д.

Стр. 55 – коротенькая 7-я часть «**ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНИЧЕСКИЕ ЗАГРАЖДЕНИЯ**», и на этой же странице начинается часть 8. «**СВЯЗЬ**» (где линии связи, где станции, на какой волне работают, есть ли почтовые голуби и т.д.).

Стр. 57–58 – часть 9. «**АВИАЦИЯ**»: где аэродром, где ВПП, сколько самолетов, какие...

Стр. 59–61 – часть 10. «**НАМЕРЕНИЯ КОМАНДОВАНИЯ**». Этот текст в очередной раз показывает, что разговорник разрабатывался для ситуации, когда его можно использовать только во время ведения боевых действий: «На каком участке намечен главный удар?», «Где ждут нашей атаки?»...

На стр. 61–64 – часть 11. «**ПОХОДНОЕ ДВИЖЕНИЕ ВОЙСК**» (куда идут войска, где авангард/арьергард, сколько миль проходят в день).

На стр. 64–67 – часть 12. «**РАСПОЛОЖЕНИЕ ВОЙСК НА МЕСТЕ**» (где караулы, где обозы, где окопы, кем заняты).

На стр. 67 – часть 13. «**ПЕРЕВОЗКА ВОЙСК**» (куда направляются, сколько вагонов, где места погрузки/разгрузки, в каких портах).

А вот следом, со стр. 69, начинается интересная часть 14. «**ОПРОС МЕСТНОГО ЖИТЕЛЯ**».

На стр. 70–75 много вопросов к местному жителю касаются наличия в деревнях/городах войск: «Есть ли войска, что делают, откуда пришли, куда идут, какие знаки у солдат, нарисуйте их, как обращаются с местными жителями?»

Среди них попадаются странные вопросы: как ведут себя войска? Притесняют? Грабят? Убивают ли жителей? Сколько жителей убили? Странно, если войска противника теоретически должны быть войсками страны этой же территории (т.е. своими для местных жителей), то почему они должны вражески относиться к своим же? Или подразумевалось, что это какие-то «чужие» войска? («Наемников»? Или неких «союзников»?)

Стр. 75: «Говорят ли солдаты, что надо кончать войну?», «Как говорят об СССР?»

Стр. 76–79 – часть 15. «ДОРОГА» (куда ведет? какое покрытие? где надо свернуть? есть ли брод? и т.д.).

Стр. 79 – начинается часть 16. «СЕЛЕНИЕ, МЕСТНЫЕ СРЕДСТВА» (как называется селение [village]? сколько домов? сколько колодцев?).

Стр. 80–81: «Как называется это селение?», «Есть ли сено (овес)?», «Освободите эти дома для войск!», «Собрать и доставить сюда... коров (овец)!»

Вопросы про сено, овес и овец показывают, что местность с англоязычным населением должна быть не в субтропиках (Индия), а где-то, где есть зима и требуется создавать запасы кормов для сельхозживотных.

На стр. 81 приводятся переводы требований к местным жителям по доставке разных припасов (можно ли достать хлеб (мясо), собрать и доставить сюда! Освободить дома!). А следом, на стр. 82, есть фразы, в которых упоминается Красная Армия и красноармейцы: «Не бойтесь красноармейцев!», «За все взятое у жителей войска Красной Армии заплатят!», «Никто не должен выходить из селения!», «Нет ли в селении спрятавшихся солдат?»

Стр. 83: «Кто согласен продать лошадь?», «Собрать жителей для исправления дороги!»

Стр. 84: «Кто из жителей говорит по-русски?», «У кого есть скот (хлеб, зерно, поводки)?», «Согласны ли вы продать?»

На стр. 84–85 – часть 17. «ПРОВОДНИК» (приведите! знаете ли дорогу? дадим денег, возвращайтесь).

На стр. 86–89 – часть 18. «РЕКИ, ПЕРЕПРАВЫ» (есть ли брод, быстрое ли течение, какие берега, есть ли мосты, пройдет ли артиллерия, есть ли паром, есть ли лодки).

На стр. 89–92 – часть 19. «БОЛОТО, ОЗЕРО, КОЛОДЕЦ»: «Есть ли болото?», «Скоро ли наполняется водой вычерпанный колодец?», «Есть ли ведро?», «Принесите!», «Отравлен ли колодец?», «Принесите топливо!», «Какая цена?», «Если спрячете, мы сами будем искать!»

На стр. 92–94 – часть 20. «ЛЕС, ГОРЫ» (можно ли пройти, можно ли обойти, как называются, крутой ли спуск/подъем, бьзают ли снежные завалы).

На стр. 95 – часть 21. «ГОРОД» (есть ли большие здания, где почта, телеграф, телефон, какие заводы, где контора завода и т.д.).

Стр. 98 – последняя (где можно покушать?).

На стр. 99 – «СОДЕРЖАНИЕ», на стр. 100 – выходные данные. И оставлено несколько пустых страниц «ДЛЯ ЗАМЕТОК».

Читая вопросы о покупке того-другого, невольно возникает вопрос: «Интересно, где? У каких «местных жителей» (для которых родной английский) могли что-то покупать солдаты, а скорее всего – командиры Красной Армии?» Как туристы – понимаю. Но как «командиры отделения, взвода и роты»? Не совсем понятно...

Может возникнуть и такой вопрос: а насколько структура разделов и фразы из этого разговорника похожи на «русско-немецкий» издания 1941 года, о котором писал В. Суворов? Но для сравнения надо найти полный его текст. В библиотеке я не смог этого сделать, однако оказалось, что фотокопии его страниц выложены в Интернете, в частности на сайте <http://www.stepside.spb.ru>. Причем там же размещен не только «русско-немецкий военный разговорник», но и «русско-финский...» (<http://www.stepside.spb.ru/time/fr/gekl.htm>) (далее – «Р-Ф»). На стартовой странице «Р-Ф разговорника», в частности, приведено такое введение от авторов сайта:

«В труде и в бою, в краткие минуты отдыха на привале или в уютном коттедже каждый из вас проведет с этой книгой немало приятных и полезных минут и часов. Удобные размеры наладонного компьютера, практичная коленкоровая обложка. Этот сборник многовековой мудрости не займет много места и не станет большой обузой за голенищем валенка, сапога или за обмотками ваших ботинок.

Итак, наслаждайтесь».

КРАТКИЙ РУССКО-ФИНСКИЙ
ВОЕННЫЙ РАЗГОВОРНИК

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА
ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР

Подписано к печати с матриц 11.7.41. Г850. 31/4 п.л. Заказ № 2676

2-я типография Воениздата НКО СССР им. К.Ворошилова

Сравнение русских фраз из трех разговорников показало, что «русско-немецкий» имеет ряд отличий, хотя много похожего. А вот структура глав и фразы в «русско-английском» и «русско-финском» практически одинаковы (кроме тех, в которых смысл касается воинских званий, национальности и мер измерения, которые в Финляндии и в Британском Содружестве отличаются. Например, у финнов – метры, килограммы, а у англичан – фунты, дюймы, мили).

Пример одинаковых фраз:

<p>За все взятое у жителей войска Красной Армии заплатят!</p>	<p>Everything taken by the Red Army from the inhabitants will be paid for!</p>	<p>Эвритсинг тэкен бай дзы Рэд Армии фром дзы инхэбитэнтс уил би пэйд фор!</p>
---	--	--

<p>За все взятое у жителей войска Красной Армии заплатят!</p>	<p>Kaikesta asukkailta otetusta Punaisen Armeijan joukot maksavat!</p>	<p>Кайкеста асуккайлта отэтуста Пунайсен Армэийн еукот максават!</p>
---	--	--

И есть небольшие непринципиальные отличия. В «Р-А» названия разделов нумеруются, в «Р-Ф» нет нумерации. В «Содержании» «Р-А» пропущены подразделы «ОБЩЕЙ ЧАСТИ», которые также практически полностью повторяют подразделы содержания в «Р-Ф»:

ОБЩАЯ ЧАСТЬ

А) НАЧАЛО ОПРОСА

Б) МЕСТО

В) ВРЕМЯ

Г) ЧИСЛО

Д) НОМЕР ЧАСТИ, ПОРЯДКОВЫЕ ЧИСЛА

Е) РОД ВОЙСК

Ж) РАЗМЕР

Получается, что эти два разговорника создавались на основе какого-то общего списка русских фраз, который уже существовал летом 1940 года. Может возникнуть гипотеза, что «Р-Ф» в июле 1941 года мог быть создан именно с его использованием. Однако возможна и другая гипотеза — «Р-Ф» в июле 1941 года — это просто повтор изданного ранее разговорника («второй тираж»). На этот вариант указывают и его выходные данные — «Подписано к печати с матриц». В «Р-А» данные показываются по-другому:

«Сдано в производство 5.6.40. Подписано к печати 15.7.40».

И есть сведения о том, что в 1940-м уже издавался какой-то «Р-Ф»).

Краткий русско-финский военный разговорник. М.

Воениздат. Напеч. в Лгр. 1940.

114 с. (10 × 13) см. Б. ц. В папке.

— — 1. Русско-финские разговорники.

2. Военные разговорники.

001

№ 2003 [40–3312]

494.541-3=91.71:355

10

[494.541–825]

Всес. кн. палата 13 II. 40

13/IX 40 K786

А вот карточка Всесоюзной книжной палаты для «Р-А» 1940 года:

Краткий русско-английский военный разговорник. М.

Воениздат. 1940.

100 с. 4 нум. с. (10 х 13) см. 1 р. В папке.

— — 1. Русско-английские разговорники. 2. Военные разговорники.

49-3=91.71:+355

№ 17032 [40–30171]

(038)

10

(зачеркнуто)

Всес. кн. палата 13 IX. 40

13/IX 40 K786

Сравниваем даты и номера «Всес. кн. палаты» («Всесоюзной книжной палаты»).

«Р-Ф» 1940 года издан ранее «Р-А» почти на полгода (у «Р-Ф» — «13 февраля», у «Р-А» — «13 сентября». И у «Р-Ф» номер меньше на 15 тыс. с лишним). Но «Р-А» сдан в производство в начале июня 1940-го, а в июле того же года подписан к печати. В середине сентября издается карточка «Всес. кн. палаты». Итого прошло 3 месяца. Т.е. «Р-Ф» издания 1940 года мог быть сдан в производство где-то в ноябре 1939-го. А если в начале

1940-го уже был тираж «Р-Ф», то вполне реально, что в июле 1941-го его просто повторили «с матриц». Однако есть и вопрос: в издании 1940 года указано 114 стр., а в издании июля 1941 года – 104 стр. – на 10 страниц МЕНЬШЕ! Что-то пропустили? Возможно. Удалять легче, чем сочинять новое.

Кстати, об удалениях. На стр. 66 «Р-Ф» можно видеть несколько русских фраз:

- Притесняют?
- Грабят?
- Не притесняют?
- Не грабят?
- Убивают ли жителей?

Это про отношение каких-то войск с местными жителями в Финляндии.

А на стр. 73 «Р-А» аналогичный список уменьшен:

- Притесняют?
- Грабят?
- Убивают ли жителей?

Если учесть, что фразы:

- Не притесняют?

– Не грабят? – в какой-то мере повторяют смысл двух предыдущих фраз, но с противоположным ответом, то вполне понятно их удаление в разговорнике, который ИЗДАВАЛСЯ ПОЗЖЕ на основе этого же списка.

Есть и еще одно место в «Р-А», которое можно оценить как место из «Р-Ф» с удалением «лишних» строк. В «Р-Ф» на стр. 69 указаны две одинаковые по смыслу фразы («Где дорога в селение?..»), но с указанием разных «селений» – «А» и «Б», затем есть фразы с «селением В» и «Г». В «Р-А» же нет фразы с «селением В». В нем на стр. 77 фразу из «Р-Ф» «Где дорога в селение Б?» удалили, а фразу «Где надо свернуть на селение В?» изменили на: «Где надо свернуть на селение Б?». Дальше идет фраза «Где выход из селения на дорогу в Г?» И в «Р-Ф» она тоже есть. Т.е. применительно к «Р-А» можно задать вопрос: «А куда делась фраза со словами «селение В?»»

Таким образом, получается, что разговорник «Р-Ф» июля 1941 года составлялся на основе списка русских фраз, использовавшегося летом 1940-го при составлении разговорника «Р-А». Но при этом этот список уже должен был быть применен для более раннего издания какого-то другого разговорника, скорее всего для первого издания «Р-Ф».

И возникает еще одно размышление. Оно связано со сравнением этих двух разговорников с еще одним — с «Русско-немецким...» 1941 года (далее — «Р-Н»). Его структура похожа на структуру первых двух. И список русских фраз имеет аналогии, но все же в «Р-Н» различий больше. Это можно заметить уже по содержанию:

СОДЕРЖАНИЕ

Краткие сведения о немецком произношении.	4
Общая часть	7
Место	15
Размер и вес	16
Время	18
Число	23
Род войск и подразделения	41
Вооружение.	44
Передвижение и транспорт	48
Захват железнодорожной станции разъездом или разведывательной партией.	60
Населенный пункт.	63
Захват и первичный опрос пленного	71
Ориентировка нашего парашютиста	84
Примеры возможных ответов	88
Приложения	101

И в аннотации упомянут автор русского текста:

Краткий русско-немецкий военный разговорник

Русский текст составлен начальником Военного факультета западных иностранных языков, генерал-майором т. Биязи. Разговорник имеет целью помочь бойцу и младшему командиру Красной Армии усвоить немецкие слова и выражения.

Под наблюдением редактора А.В. Любарского

Подписано к печати 29.5.41.

Г584.

Объем 3¹/₄ п. л., 2 авт. л., в п.л. 57344 тип. зн.

Зак. 289

1-я тип. Управления Военного изд-ва НКО им. С.К. Тимошенко
Москва, уд. Скворцова-Степанова, д. 3

Сравнение этих трех разговорников может привести к предположению, что генерал-майор Биязи использовал более ранний список фраз, но часть из них удалил, внес изменения в расположение оставшихся и добавил новые.

К небольшому принципиальному отличию пары разговорников «Р-Ф» и «Р-А» от «Р-Н» можно отнести то, что в «Р-Н» нет большого списка фраз о наличии военных в населенных пунктах и о том, как они относятся к местным жителям («грабят?», «убивают?», «нарисуйте знаки на мундирах у солдат!»). В немногочисленных вопросах о наличии военных в них сразу и конкретно упоминается название «немецкие»:

Стр. 68: Когда (куда) ушли немецкие солдаты?

Стр. 69: Где спрятавшиеся немецкие солдаты?

Стр. 84: Есть ли поблизости немецкие солдаты, полицейские?

Ранее (выше) уже выдвигалась гипотеза о том, что «Р-А» предполагалось использовать на местностях, где могли быть войска, не являвшиеся войсками того государства, чья была та местность.

Если рассматривать только разговорник «Р-А», то эта гипотеза может показаться не очень серьезной. Но как оказывается, подобные фразы есть и в «Р-Ф». А как известно, Финляндия — страна небольшая, «Линия Маннергейма» строилась с помощью иностранных военных специалистов. И, видимо, сразу же можно было бы предположить, что после нападения на Финляндию в ней вполне могли бы оказаться военные из других стран, форма которых могла быть непривычной для местных жителей. В связи с чем и могло бы потребоваться предложение опрашиваемому нарисовать знаки отличия военных. А то, что летом 1941 года в Финляндии оказались и немецкие войска, — факт известный. И есть информация, что в 1944-м уходившие на север немцы немножко позверствовали против финнов.

С другой стороны, в 1939–1940–1941-м предполагать наличие на немецкой территории неких войск не Германии — не совсем серьезно. На немецкой территории в то время могли быть только немецкие войска (полицейские), что и отразилось в «Р-Н».

Можно задаться еще одним вопросом: издавался ли «Русско-немецкий военный разговорник» в 1940 году? К сожалению, найти точный ответ на него не удалось. Нашлось только одно сообщение на форуме <http://www.lovehate.ru/opinions/8357/3>:

«Сама лично держала в руках русско-немецкий разговорник издания 1940 года. Издательство «Красный воин». В котором приводятся следующие перлы: «Не бойтесь! Скоро сюда придет Красная Армия!», «Сдайте оружие, включая косы и топоры!» Не шучу и не вру. Правда. Ну и кто на кого хотел напасть?»

И все... Но военные разговорники на другие языки в 1940 году были выпущены. Однако об этом поговорим позже. А пока можно обсудить еще один странный момент, связанный с «Р-Н» 1941 года.

На стр. 103–105 показаны рисунки немецких боевых самолетов. Ошибок нет, если не учитывать, что нет ри-

сунка штурмовика «Юнкерс-87». А на стр. 106–108 показаны танки. Тяжелый, средний и легкий. В качестве легкого показан «Т-I» с двумя пулеметами в башне. Вопросов нет, такой танк был. В качестве среднего показан «Т-III» модификации не позже G (выпускался в период апреля 1940 – февраля 1941-го). А вот в качестве тяжелого показан танк, который был выпущен только в количестве 5 (пяти) штук. Причем первые два – из простой стали без брони. Назывался он «Рейнметалл» или «Neubaufahrzeug», или «Nb.Fz.» (в буквальном переводе – «вновь построенная машина»).

Как оказывается, он имел слабую маневренность и проходимость и слабую бронезащиту (противопульные 15 мм). В связи с чем его боевая ценность сводилась к нулю. Но немцы его активно использовали с целью дезинформации. Вот сведения с сайта <http://panzer.vif2.ru/Tanks/nbfz.html>:

«Два прототипа поступили в учебное подразделение, три полноценно бронированные машины были сведены в Pz.Abt1. Zb.V 40 – танковый батальон специального назначения. Это подразделение 9 апреля 1940 года было отправлено в Норвегию, где вместе с Pk.I и Pk.II (т.е. пулеметным «Т-I» и легким «Т-II») приняло участие в боях против английских войск. Хотя немцы продвигались успешно, один из «Nb.Fz.» был подорван собственным экипажем после того, как увяз в болоте недалеко от Лиллехаммера (причем взрывчатки не пожалели, чтобы по обломкам не могли догадаться о подлинных слабых ТТХ этого танка). Но в основном «Nb.Fz.» оставался популярной фотомodelью. Танк «Nb.Fz.» постоянно красовался перед объективами немецких и зарубежных корреспондентов, демонстрируя возрожденную военную мощь гитлеровской Германии. Именно на этом поприще он снискал шумный «мировой успех», став самым устрашающим немецким танком тех лет. Фотографии «сборочных линий тяжелых танков» «Nb.Fz.» и «серийных» машин помещались во всевозможные предвоенные справочники и

издания, в которых приводились фантастические характеристики броневой защиты и подвижности. На эту удочку клюнули во многих странах, и прежде всего в СССР, Великобритании и Франции, имевших большой опыт в проектировании и серийном строительстве тяжелых многобашенных гусеничных машин (особенно СССР со своими «Т-28» и «Т-35»). После оккупации Норвегии оставшиеся две машины были передислоцированы в Осло, затем в 1940 году возвращены в Германию и разобраны на металл».

Доподлинно известно: ни один «Nb.Fz.» на Восточном фронте так и не появился. Все истории о боевом применении «Nb.Fz.» на Восточном фронте — легенды, навеянные «Записками советского офицера», танкиста Г. Пэнежко, опубликованными в 1951 году.

Более подробное описание «Nb.Fz.» с рисунками и чертежами размещено в журнале «Моделист-Конструктор», № 11, 2005. Статья называется «ТРЕХГЛАВЫЙ ТАНК «РЕЙНМЕТАЛЛ»⁵. Наличие немецкой дезинформации в сверхсекретном (до начала использования) советском издании в какой-то мере можно рассматривать как пример недостаточно эффективной работы советской разведки того времени в Германии. Либо о недостаточной эффективности работы советских военных аналитиков. По крайней мере факт имеется и может послужить предметом обсуждения.

ГЕНЕРАЛ-МАЙОР БИАЗИ

Как показали дальнейшие «розыски» в библиотеках, есть необходимость поподробнее ознакомиться с биографией генерала Биази. В 1940 году он стал начальником Военфака военных переводчиков. Большая статья об истории Военного института иностранных языков Красной Армии (ВИИЯ КА) изложена (по крайней мере была изложена в 2005 году) на сайте мэрии города Тольятти (бывший Ставрополь-на-Волге)⁶.

Про основные этапы создания этого института и о некоторых фрагментах из биографии генерала Биязи там говорится следующее.

1 февраля 1940 г. совместным приказом наркоматов обороны и просвещения в Москве учредили Военный факультет при Втором Московском государственном педагогическом институте иностранных языков (МГПИИЯ) с задачей подготовки военных преподавателей английского, немецкого и французского языков. (7 февраля состоялось его открытие.) Студенты Первого и Второго московских пединститутов иностранных языков были определены в кадры Красной Армии и зачислены слушателями Военфака на все четыре курса. В приказе об открытии факультета речь о подготовке военных переводчиков не шла. Факультет создавался срочным порядком в середине учебного года. Его формировали военинженер 2-го ранга Гавриил Андрианович Мартыненко, назначенный приказом НКО от 21.11.1939 г. помощником начальника Военфака по мат.-тех. обслуживанию, и майор Сергей Константинович Нарроевский, 19.12.1939 г. назначенный помощником начальника учебного отдела Военфака. В феврале 1940 г. на должность заместителя начальника факультета прибыл майор Василий Дмитриевич Макаров (ставший временно его начальником).

Подготовка специалистов расширилась с октября 1940 г., когда Военфак возглавил кандидат военных наук генерал-майор Николай Николаевич Биязи. Он окончил Военную академию им. М.В. Фрунзе. (В 1943 г. он стал заместителем командующего Закавказским фронтом и формировал из спортсменов-альпинистов и лыжников ударные стрелковые отряды для борьбы с альпийскими стрелками горно-пехотной дивизии врага.) Второй страстью Биязи были языки. Он владел 14 языками, французский и итальянский знал в совершенстве. Эти знания пригодились ему на посту военного атташе в Италии в 1936–1938 годы.

Со дня образования и до августа 1940 г. Военфак подчинялся Управлению военно-учебных заведений НКО, но затем его передали в систему учебных заведений Генерального штаба Красной Армии.

С лета 1940 г. факультет перешел на комплектование кадровым составом Красной Армии. Разработали и приняли к реализации ряд мероприятий по превращению факультета, носившего пока характер гражданского учебного заведения, в самостоятельное высшее военно-учебное заведение.

В 1940 г. слушатели изучали один из трех языков — английский, французский, немецкий. А весной 1941 г. на Военфаке готовились кадры уже на 15 иностранных языках. Из маленькой учебной структуры при Втором МГПИИЯ Военный факультет западных языков (это его новое название) превратился к лету 1941 г. в самостоятельное крупное военно-учебное заведение, располагавшее хорошими профессорско-преподавательскими кадрами...

Из воспоминаний генерала Биязи: «1940 год. Получив назначение на должность начальника военного факультета западных языков при Втором МГПИИЯ, готовившего военных преподавателей, я поставил вопрос о необходимости немедленной реорганизации педагогического факультета, на котором изучались только три языка. Для войны с самого ее начала армии потребуется большое количество военных переводчиков и знание большого количества иноязыков. Вскоре нам удалось выделить факультет из состава гражданского института... Вопрос о сроках преподавания на основных отделениях решился так: на педагогическом — пять лет, на военно-переводческом — два года, на краткосрочных курсах — от трех месяцев до одного года в зависимости от степени знания немецкого языка курсантами. При этом, в основном со стороны, мы брали студенток (мужчин было мало), знавших язык в достаточной мере и на первых порах немного разбиравшихся в переводе военных текстов.

Однако нужных для этого пособий не было, и тогда мне и старшему преподавателю Монигетти пришлось срочно составить карманный «Краткий русско-немецкий разговорник» для бойца и младшего командира с фотографиями немецкой военной техники. Редактором был А. Любарский. Разговорник был издан Воениздатом в 1941 г. Во время войны он оказался столь необходимым, что был издан тиражом 500 тысяч экземпляров, а затем его еще дважды переиздавали, и тираж достиг двух миллионов...»

С началом войны подготовка военных переводчиков для военных вузов была приостановлена, и факультет полностью переключился на подготовку военных переводчиков для фронта. В связи с возникшей потребностью дополнительно были открыты учебные отделения финского, шведского, норвежского, датского, испанского, итальянского, польского, чешского, венгерского, румынского, сербского и болгарского языков.

В октябре 1941 г. последовал приказ НКО СССР об эвакуации Военного факультета при Втором МГПИИЯ в город Ставрополь-на-Волге. Для передислокации был выделен специальный пароход. Эвакуация проходила с 10 до 18 октября...

В эти годы выпускниками института стали О.А. Трояновский (посол СССР в Китае), Ф.Е. Хитрук (режиссер, народный артист СССР), А.П. Мицкевич (писатель-фантаст), Л.Д. Бергельсон (член-корреспондент АН СССР), В.А. Этуш (народный артист СССР).

12 апреля 1942 года приказом НКО СССР Военфак был преобразован в Военный институт иностранных языков Красной Армии и к нему присоединился военфак Института востоковедения.

Почему здесь я предлагаю обратить внимание на биографию генерала Биязи? Дело в том, что во время поиска в научно-технической библиотеке я наткнулся на карточку к еще одной книге 1940 года:

Боевые действия в горах. М. Воениздат. Напеч.
в Лгр. 1940.

240 с. со схем. и карт. 22 см. (Краснознаменная и ордена Ленина
воен. акад. Кр. Армии им. М.В.Фрунзе) 6 р. в пер.

На обороте т.л. указаны составители: полк. Агапов, генерал-
майор М.В. Алексеев, генерал-майор Бязи и др.

И. Агапов. II Краснознам. воен. акад. Кр. Армии им. Фрунзе
Москва. — — I. Боевые действия в горах.

№: 19360 [40—34908] 10

355.413.4

Всес. кн. палата 18 X. 40

Б758

И мне очень захотелось ее найти. Однако именно в этом книжном фонде ее не оказалось. Тогда я решил записаться в другую центральную библиотеку Киева. А вдруг?

КАКИЕ ЕЩЕ ГОРЫ?

Вообще-то я уже был в ней когда-то записан, но мой читательский оказался просрочен, так как с конца 90-х годов их стали выдавать на 1 год. И вот как-то летом 2006 г. я выбрал время и в выходной теплый солнечный день поехал восстанавливать «пропуск» (библиотека находится рядом с Крещатикум и «Майданом»). Получилось. И я сразу же направился в зал каталогов с целью найти ящичек по теме военных наук. Нашел. А в нем и искомую карточку на книгу «Боевые действия в горах» издания 1940 г. Но авторы не были указаны. Подозревая, что в один и тот же год одно и то же издательство не могло выпустить две разные книжки под одним названием, я выписал шифр (начинавшийся с буквы «Д») и пошел выяснять у дежурного библиотекаря, где ее заказать. Мне ответили, что в «Депозитарии», и предложили почитать разъяснение, засунутое под стекло на столе. Почитал. Оказалось, что не все так просто. Депозитарий находился в подвальном этаже какого-то жилого дома вдали от основных трасс

общественного транспорта. И работал только по будням. До 16.00. Жаль...

Кроме того, настоятельно предлагалось сначала позвонить (номер телефона прилагался), чтобы зря не ехать.

Ладно! Я переписал адрес-телефон и стал обдумывать план, как туда добраться. А для начала в ближайшую пятницу позвонил выяснить, «жива» ли книга? И через минуту поисков мне ответили, что КНИГА ЕСТЬ! («Приезжайте! У нас вход с торца дома, там лесенка вниз и звонок...»)

— Спасибо! — ответил я и продолжил обдумывание плана, как туда добраться...

И вдруг в понедельник меня посылают по делам в район метро «Шулявская». Шанс появился! И я решил им воспользоваться! Договорился с руководством и в обед поехал искать этот подвал со звонком. Нашел достаточно быстро, получил книгу (а к ней заказал еще и Г. Иссерсона «Новые формы борьбы» 1940 г. — и тоже получил). Оставалось последнее — быстренько пролистать их (порядка 270 страниц), выбрать страницы для ксерокопирования, договориться с библиотекарем об их выносе (для этого я специально взял паспорт), сбежать куда-то на ксерокс, вернуться, сдать книги и быстренько возвратиться на работу. И на все это у меня ушло часа полтора. Копии в местном маркете сделала девушка старшего школьного возраста, подрабатывавшая на ксероксе в каникулы. Узнал я об этом потому, что в этот момент к ней подошла ее школьная подруга и они стали делиться новым для себя коммерческим опытом. И предложили отксерить всю книгу (240 стр.), если оставлю до завтра. Я вынужден был отказаться. И как потом оказалось, зря отксерил листов 10 Иссерсона — полный текст его книги размещен в Интернете на сайте «Милитеры».

В конечном итоге, придя вечером с работы домой, «вдали от шумка городского» я стал вчитываться в голоса 1940 года. И оказалось...

Конечно, обучение действиям в горах в царской России и во времена СССР вообще-то могло входить в программу военной подготовки некоторых контингентов военнослужащих вне зависимости от каких-то конкретных планов. Но более конкретное изучение географических условий конкретного ТВД всегда есть отдельная конкретная тема. И лично меня насторожила фамилия генерала Биязи в списке авторов книги «Боевые действия в горах». Каким образом специалист по европейским языкам оказался в их числе?

**КРАСНОЗНАМЕННАЯ И ОРДЕНА ЛЕНИНА
ВОЕННАЯ АКАДЕМИЯ КРАСНОЙ АРМИИ
имени М.В. Фрунзе**

**БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ
В ГОРАХ**

**ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР**

Редактор полковник Шебалин Д. В.
Технический редактор Фрейман Д. А.
Корректоры Бондаренок А. Е., Богоявленская М. Н.

Сдано в производство 1.7.40
Формат бумаги 60×921/16
Г13866 Изд. № 512

Подписано к печати
6.9.40
Объем 15 п. л.,
17,96 уч. -п. л.
Зак. № 2319

Отпечатано во 2-й типографии Гос. военного изд-ва НКО СССР
им. Клима Ворошилова
Ленинград, ул. Герцена, 1

«Боевые действия в горах»

В книге излагаются все виды боевой деятельности в горах стрелковых и горно-стрелковых войск (дивизия, полк, батальон) со средствами усиления.

Книга рассчитана на начальствующий состав Красной Армии.

В составлении книги принимали участие: полковник Агапов, генерал-майор Алексеев М.В., генерал-майор Биязи, полковник Гареев, генерал-майор инженерных войск Ильин-Миткевич, генерал-лейтенант Львов, полковник Позняк, полковник Попов В.Т.

Если страна готовилась к отражению внешней агрессии на своей территории, то какое отношение к этой книге мог иметь специалист по иностранным (европейским) языкам? Кроме того, возникла идея уточнить биографии других авторов. Конечно, определить личность только по распространенной фамилии (Львов, Позняк) — задача практически невозможная. Но по двоим авторам кое-что узнать удалось.

Полковник Попов В.Т. указан автором книги «Разгром итальянцев под Адуа», М., 1938, в списке литературы к статье «Итало-эфиопские войны» в 11-м томе БСЭ, 3-е издание⁷. Он же указан автором книги «Бои за Верден», М., 1939, в списке литературы к статье «ВЕРДЕНСКАЯ ОПЕРАЦИЯ» в 4-м томе БСЭ, 3-е издание⁸.

Получается, что Попов В.Т. мог быть военным историком.

Генерал Ильин-Миткевич А.Ф. указан в списке первых генералов Красной Армии⁹.

Генерал-майор инженерных войск Ильин-Миткевич был командующим инженерными войсками Киевского ОВО и Юго-Западного Фронта (1941), Сталинградского фронта (1942) и 7-й армии (1944)¹⁰.

Кроме того, генерал Ильин-Миткевич из Военно-инженерной академии Красной Армии им. В. В. Куйбышева указан автором «Краткого справочника по военно-инженерному делу» (80 стр., Воениздат, 1941)¹¹.

Итак, среди 8 авторов книги «Боевые действия в горах» 1940 г. с генеральскими и полковничьими званиями один — профессионал по переводам с европейских языков, второй — профессионал по военно-инженерному (саперному) делу, третий — военный историк.

Ну хорошо, допустим, книга о войне в горах выпускалась с целью подготовки обороны на своей территории. Допустим.

Остается посмотреть, какие горы в СССР могли оказаться в зоне боевых действий в случае нападения какого-нибудь соседнего государства. Берем карту (а еще лучше — фрагмент глобуса) с Европой, Азией и Северной Африкой. Оттенками зеленого на нем показаны низменности от ниже уровня моря (до — 200 м, например, Прикаспийская низменность) и высоты до 500 м над уровнем моря. Коричнево-желтый — высоты и горы от 500 м до 3 км. Серый — от 3 до 5 км. И белый — свыше 5 км (например, Гималаи).

И как показывает внимательное изучение такой карты (глобуса), в 1940 году практически не было в СССР гор, которые могли бы оказаться в зоне боевых действий. Практически вся европейская и большая часть азиатской его территории — это низменности. Серьезные горы — фрагмент Карпат на западе Украины, Кавказ на юге европейской части, горы на границе с Афганистаном, Китаем и Монголией в азиатской части. И есть горные системы на малоосвоенных человеком востоке Якутии и Дальнем Востоке, где суровый климат и вечная мерзлота. И к обороне каких из них надо было готовиться в 1940 году? Памира со стороны Афганистана? Мягко говоря, очень маловероятно. Какие-то контрабандисты еще могли там появиться. Но это забота внутренних войск (в то время — НКВД), а не Красной Армии. Может, китайцы развернули бы наступление через пустыню Гоби на степи и полупустыни Казахстана? Или через Маньчжурию на Забайкалье? В дополнение к своей гражданской войне и к войне с японцами? Невероятно! Горную границу с

Монголией можно было бы расценивать вообще как глубокий тыловой район. Может быть, Кавказ со стороны Турции? Возможно, хотя тоже очень маловероятно. В то время Турция имела договор с Британией, которая, в свою очередь, воюет с немцами. И какой был смысл туркам наступать на СССР через Кавказ? У них же танков практически не было! На ишаках? По горным тропам еще можно, а дальше много не навоюешь! Может, горы Крыма? Отпадают сразу. Их стратегическая ценность равна нулю. Как Ялту в 1941 году с ходу отдали, так в 1944-м и взяли без особых трудностей. Оборонять ЮБК (южный берег Крыма) никаким войскам нет никакого смысла. Остаются Карпаты (со стороны Украины)... Но и в этом случае их важность для обороны сомнительна. Еще вопрос — кому наступать. У Венгрии сил не хватит. А немцы могут обойти с фланга (что и сделали летом 1941-го). И все...

Так к обороне каких гор в СССР надо было срочно готовиться в 1940 году?

В 1940 году в СССР — никаких. Но возник вопрос:

— А вы не были в Колензо?

Думаю, абсолютное большинство опрошиваемых на него ответило бы контрвопросом:

— А ЭТО ГДЕ?

Ну как, ГДЕ ?

Уточняю — на реке Тугела. Разве вы не знаете? Конечно, это не Волга, не Днепр. Но река существует. Причем на слегка возвышенной предгорной территории. В почти 100 км от Колензо на юго-запад находится тамошняя крупнейшая гора — Табана-Нтленьяна, 3482 м над уровнем моря (или 11 424 фута)...

Никогда не слышали? И какое отношение Колензо с Тугелой и Табаной-Нтленьяной имеют к Великой Отечественной войне? Отвечаю сразу: никакого!

Но как оказывается, они имеют какое-то отношение к предвоенной подготовке. Однако сначала о том, где же находятся эти географические объекты? Томить не буду,

рассказываю: а находятся они на востоке ЮАР (Южно-Африканской Республики).

Если посмотреть на карту восточной части страны, то справа-внизу на берегу Индийского океана, почти на самом юге Африки окажется порт Дурбан. Слева от него (западнее) и расположена горная система с горой Табана-Нтленьяна с высотами выше 3 км (в границах королевства Лесото).

При чем здесь все это? А при том, что в книге «Боевые действия в горах» приводится много примеров боев в горных условиях во время разных войн, как правило, вне границ СССР и по времени от генералиссимуса Александра Васильевича Суворова до 1940 года.

— Ну чего уж так сразу с наступления? — может возникнуть кое у кого претензия.

Действительно, при войне в горах, кроме наступления, бывает и оборона, и встречный бой, и организация марша, и формирование тыла, и инженерное обеспечение и т.д. и т.п. В книге 240 страниц, рассматриваются разные вопросы ведения боев в горах, в чем можно убедиться по содержанию на двух с лишним листах.

Когда читаешь этот фундаментальный труд, то периодически возникает мысль о том, что его значение не уменьшилось и в настоящее время. Особенно если планируются крупные, особенно наступательные боевые операции в «хороших» горах.

При внимательном чтении этой книжки возникает предположение, что ее готовили для реализации планов проведения крупных, в первую очередь наступательных боевых операций в больших горных массивах с участием не только полков, но и дивизий (стрелковых), корпусов и армий на сотни километров в глубину! Однако трудно представить, что бой ведет всего лишь одна армия (например, 6-я). А чем будут заниматься другие армии? (Например, 3-я, 8-я и 15-я полевые). Отдыхать? Но следом может возникнуть и другой вопрос: а где на планете Земля можно найти такие крупные горные массивы, пройти

которые на сотни километров в глубину и ширину предполагается **НЕСКОЛЬКИМ** полевым армиям? Возможно – Карпаты, Альпы в Европе. Возможно – Иранское нагорье. Возможно – Испания. Возможно – Турция (см. глобус). Возможно – и Гималаи, чего уж тут мелочиться! А там, глядишь, и до Колензо окажется «рукой подать»!..

Кстати, в главе V «Наступательный бой в горах» есть интересный параграф – «Наступление в прибрежной зоне». Если посмотреть на карту (лучше – на глобус), то в СССР таких участков очень мало (ЮБК в Крыму и запад Кавказа). Но они встречаются и в других странах – Иран (Каспий с севера, Персидский залив с юга), Турция (2/3 границы – морской берег), Балканы, Испания, Норвегия (Скандинавские горы с морским берегом), Шотландия (север Великобритании), северо-запад Африки.

За то, что эта книга рассчитана на ведение боев за границами СССР, говорит и наличие массы примеров из истории боевых действий именно там – за границами СССР.

В качестве возможных местных транспортных средств там упоминаются быки, верблюды, яки, лошади.

Про использование яков в армии сведений не нашел. Но оказалось, что до 1941 года в советском Генштабе были какие-то планы по использованию выючно-ишачных и выючно-верблюжьих рот РГК (между прочим – «Резерва Главного Командования»). Когда и где его применяют (РГК)? Обычно – в качестве помощи войскам, ведущим конкретные бои на конкретном ТВД. Вот цитата из 1-го тома сборника «1941»:

«№ 272. ЗАПИСКА НКО СССР И ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ В ПОЛИТБЮРО ЦК ВКП(б) – И.В.СТАЛИНУ И СНК СССР – В.М.МОЛОТОВУ С ИЗЛОЖЕНИЕМ СХЕМЫ МОБИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВЕРТЫВАНИЯ КРАСНОЙ АРМИИ

б/н

(не позже 12 февраля 1941 г.)

.....

ХIII. Гужетранспортные и рабочие части РГК

По мобилизации будет развернуто:

Отдельных гужетранспортных рот – 8

Отдельных вьючно-конных рот – 4

Отдельных вьючно-ишачьих рот – 2

Отдельных вьючно-верблюжьих рот – 3...»

Но мало ли к чему готовились в 1940 году? Возможно, и к прорыву широких горных массивов корпусами и армиями. Однако с 22.06.1941 эта тема оказалась надолго забытой. А вот в 1944-м ее пришлось вспомнить, когда Советская Армия вышла к Карпатам. Есть издание трех приказов 1944–1945 годов о повышении эффективности ведения боевой работы в горно-лесистой местности. Они размещены в сборнике 1947 г.¹²

Вот так: вышла в 1944 г. Советская Армия к горам за границей, потребовались разные «Руководства». А до того особо не требовались. Но в 1940-м какие-то варианты уже были изданы. «На всякий случай»?

Кстати, если принять за гипотезу вероятность подготовки советским Генштабом каких-то планов войны в горах в Закавказье (Турция), в Карпатах (Венгрия и Румыния), в Иране, то можно предположить, что должны были бы издать и соответствующие разговорники. И, как оказывается, они были изданы:

Краткий русско-турецкий военный разговорник. М., Воениздат, 1940.

Краткий русско-венгерский военный разговорник. М., Воениздат, 1940.

Краткий русско-румынский военный разговорник. М., Воениздат, 1940.

Краткий русско-персидский военный разговорник. М., Воениздат, 1940.

Краткий русско-китайский военный разговорник. М., Воениздат, 1940.

Можно возразить, что «русско-китайский» могли издать для советских советников в штабах Чан Кайши или Мао Цзэдуна. А «русско-персидский» пригодился

в конце 1941-го. Возможно. Но в Венгрии, Румынии и Турции, насколько помню, советских военных советников в 1940 году не было. И требуется все же уточнить — а кроме выпуска разговорников и учебников, проводилась ли реальная военная подготовка «где-то на юге», в районе возможных горных театров военных действий? Есть отрывочные сведения, что проводилась. Вот, например, книга генерала-полковника Каманина Н.П. «Летчики и космонавты»¹³. В ней он вспоминает различные периоды своей жизни. А на стр. 180–181 описывает то, как он встретил 22 июня 1941 года, будучи полковником:

«Есть в Средней Азии чудесная, сказочно красивая долина. В этой цветущей долине, утонув в зелени, стоял дом отдыха летчиков авиационной дивизии, которой мне довелось командовать. Вечером 21 июня 1941 года мы приехали в долину, чтобы свалить с плеч усталость от напряженной работы и набраться сил в запас. Поработать пришлось перед поездкой много. Авиационная дивизия была только что сформирована. Она являлась одним из крупных авиационных соединений, создававшихся перед войной как новая оперативно-тактическая единица. Дивизия включала полки бомбардировщиков, штурмовиков и истребителей, потому называлась смешанной. Мне как командиру пришлось изучать новую для меня материальную часть истребителей, штурмовиков, особенности их боевого применения. С группой командиров мы сидели на балконе особняка, вдыхали полной грудью воздух цветущей долины, обсуждая события последних дней. Было уже за полночь, когда разошлись по комнатам... В шесть часов утра по местному времени меня разбудил посыльный. А еще через пять минут я услышал по телефону из штаба страшное слово «война!». По частям полетели первые военные приказы... Дыхание войны, уже полыхавшей на наших западных границах, мгновенно пришло и сюда, в цветущую сказочной красотой долину Фирюза...»

Лично у меня к этому фрагменту имеется несколько вопросов. Во-первых, Средняя Азия занимает большую территорию. Хотелось бы уточнить местоположение обсуждаемой долины. Беру атлас. Нахожу: населенный пункт Фирюза — примерно в 40 км западнее Ашхабада, в 20 км от границы с Ираном, примерно в середине хребта Копетдаг (прямо на границе чуть восточнее Фирюзы находится гора Ризе высотой 3 км). Но, может, это не та Фирюза? Раскрываю компакт-диск с БСЭ, нахожу в 27-м томе:

«ФИРЮЗА, поселок гор. типа в Ашхабадской обл. Туркм. ССР, подчинен Ашхабадскому горсовету. Расположен в ущелье р. Фирюзинка на сев.-вост. склонах Копетдага, на высоте 600 м, в 37 км от Ашхабада. Климатич. курорт. Лето жаркое (ср. темп-ра июля 26°С), зима мягкая (ср. температура янв. 0,6°С); осадков около 300 мм в год. Детский санаторий, 2 дома отдыха».

Похоже, что все правильно. Но возникает другой вопрос: а чего это на границе с Ираном разместили НОВУЮ (!) смешанную авиадивизию? Хотя, с другой стороны, где же еще формировать ЗАПАСНЫЕ войсковые соединения? Видимо, лучше всего — в глубоком тылу. Но «глубокий тыл» — понятие растяжимое. Смотря в какой стороне возникнет этот самый фронт. Это мы сейчас знаем, что тогда фронт возник далеко на западе относительно Фирюзы. Поэтому было бы полезно уточнить, а не создавались ли еще НОВЫЕ воинские соединения в этом же военном округе? Оказывается, что создавались. Вот, например, как начинается книга генерала армии Жадова А.С. «Четыре года войны» (Москва, Воениздат, 1978, с. 3):

«В конце мая 1941 года [тогда Жадов был генерал-майором] в Среднеазиатском военном округе, где я в то время командовал 21-й Туркестанской горно-кавалерийской дивизией, проводилось крупное оперативное командно-штабное учение. В нем участвовали штаб округа, штабы четырех кавалерийских, двух стрелковых

дивизий, а также штаб недавно сформированной моторизованной дивизии. Учение проходило в обстановке, когда, как говорится, на наших западных границах уже пахло грозой. Среди руководящего состава округа и соединений все чаще и чаще заводились разговоры о неизбежности войны. Своих опасений не скрывали и представители Генерального штаба, присутствовавшие на учении...»

А после учений на товарищеском ужине генерал С.Г. Трофименко огласил ему приказ срочно вступить в должность командира 4-го воздушно-десантного корпуса, который заканчивал формирование в районе Пуховичей (Белоруссия), но до начала войны до своего корпуса он не доехал — 22 июня встретил в пути на какой-то станции между Оренбургом и Куйбышевом (Самарой).

Снова возникают вопросы. А можно ли узнать, кто был представителем из Генштаба? Пожалуй, можно — из воспоминаний генерала армии Штеменко С.М. «Генеральный штаб во время войны»:

«Осень 1940-го и зиму 1941 года пришлось потратить на тщательное изучение и военно-географическое описание Ближневосточного театра [военных действий]. С марта приступили к разработке командно-штабных учений в Закавказском и Средне-Азиатском военных округах, намеченных на май. В апреле генерал-лейтенант Н.Ф. Ватутин проводил командно-штабное учение в Ленинградском военном округе, и я ездил к нему с докладом. Доклад прошел гладко: Николай Федорович утвердил наши разработки почти без замечаний и отпустил меня, сказав, что учение в ЗакВО будет проводить либо начальник Генштаба, либо он — Ватутин.

В конце мая основной состав нашего отдела отправился в Тбилиси.... Перед самым отъездом выяснилось, что ни начальник Генштаба [генерал армии Жуков], ни его заместитель [генерал Ватутин] выехать не могут и учениями будут руководить командующие войсками: в ЗакВО — Д.Т. Козлов, в САВО — С.Г. Трофименко. Од-

нако уже на другой день после нашего приезда в Тбилиси генерал-лейтенанта Козлова срочно вызвали в Москву. Чувствовалось, что в Москве происходит нечто не совсем обычное.

Руководить учениями стал генерал-майор М.Н. Шарохин, а в роли начальника штаба руководства пришлось выступить мне. Фронтом командовал заместитель командующего войсками округа генерал-лейтенант П.И. Батов. Обязанности начальника штаба фронта выполнял генерал-майор Ф.И. Толбухин. После разбора учений в ЗакВО парходом направились из Баку в Красноводск, а оттуда поездом в Мары, где нас уже поджидали генерал-лейтенант С.Г. Трофименко и его начальник штаба генерал-майор М.И. Казаков. Во время игры мне удалось, с целью изучения театра, проехать по границе от Серахса до Ашхабада и далее через Кизыл-Атрек до Гасан-Кули. Возвращались в Москву с легким сердцем. Учения прошли хорошо.

21 июня утром наш поезд прибыл к перрону Казанского вокзала столицы. День ушел на оформление и сдачу документов. М.Н. Шарохин добился разрешения для участников поездки отдыхать два дня: воскресенье — 22-го и понедельник — 23 июня. Но отдыхать не пришлось. В ночь на 22 июня, ровно в 2 часа, ко мне на квартиру прибыл связной и передал сигнал тревоги. А еще через полчаса я уже был в Генштабе. Война началась»¹⁴.

Опять возникают вопросы. Во-первых, интересно, что же такое «не совсем обычное» могло происходить в Генштабе в мае-июне 1941 года? Немецкого нападения не ждали, но что-то готовили? Жаль, что генерал Штеменко ограничился только упоминанием одного своего чувства. Во-вторых, Мары, между прочим, — это примерно 350 км почти ровно к востоку от Фирюзы и 112 км от границы с Ираном. И маршрут от Серахса до Гасан-Кули — это практически вся граница СССР с Ираном восточнее Каспийского моря (с востока на запад). Получается, что

до 22 июня 1941 г. в советском Генштабе были какие-то планы относительно «Ближневосточного театра»? «Проторить дорожку» к Персидскому заливу? В «развитие» предложений Германии от 25 ноября 1940 г.? Действительно, эта задача могла решаться только через Иран. И тогда понятен и смысл проведения штабных учений, и сталинская «глухота» к английским предложениям, и создание новых дивизий в этих местах. Вот только не совсем понятно, как собирались воевать. Сразу наступать или сначала отразить нападение врага? Какого? Турок или иранцев? Между прочим, судя по дневнику Франца Гельдера, немцы Турцию в 1940–1941 гг. рассматривали одновременно и как союзника, и как врага (в зависимости от политических решений ведущего «большую игру»). Ну а коль у советского Генштаба к 22.06.41 были некие планы относительно «Ближневосточного театра», которые после 22.06.41 резко поменялись, то можно предположить, что и остальные планы, в частности, в отношении «Западного театра» тоже были какими-то такими, которые совсем не учитывали немецкое нападение утром 22.06.41. Об этом можно судить и по тому факту, что генерал Жадов на военных дорогах лесной Смоленщины уже 27 июля 1941 года не без удивления встретился с конниками родной ему 21-й Туркестанской горно-кавалерийской дивизии («с шашками против танков Гудериана?! Сабли тупить?»).

Как бы там ни было, становится понятно, что к лету 1941-го у советского Генштаба были какие-то военные планы и проводилась активная работа по их реализации. Но учитывалось ли в них внезапное нападение немцев? Судя по случившемуся разгрому, получается, что нет. Это выглядит странно, особенно на фоне наглядных примеров, показанных вермахтом в 1940 году. Но видели ли их специалисты советского Генштаба? Делали ли из этого какие-то выводы? Есть вполне подробная книга, которая показывает, что видели и что какие-то выводы делали. Ее написал комбриг Г.С. Иссерсон.

«НОВЫЕ ФОРМЫ БОРЬБЫ»

Как оказывается, читать книги «того времени» полезно еще и потому, что «тогда» их авторы еще не знали то, что знаем мы «сейчас». В частности, в 1940 году еще не знали, как повернутся события летом будущего 1941 года. Например, через 60 с лишним лет после начала войны некоторые историки высказывают убеждение, что советский Генштаб якобы был уверен, что война с немцами если и начнется, то будет развиваться медленно: сначала в дело вступят некие «ограниченные силы» на уровне каких-то «провокаций», потом будет проводиться мобилизация и развертывание «главных войск», которые войдут в соприкосновение через некоторое время. И потому, дескать, массированное наступление немцев 22 июня 1941-го сразу основной массой своих войск и сразу на всем фронте для советского Главнокомандования якобы и явилось совершенно неожиданным. И потому, дескать, не удалось грамотно и вовремя организовать надлежащую оборону.

Возможно. Но было бы полезно «заглянуть» в 1940 год и посмотреть, как же ТОГДА на самом деле оценивали ситуацию? Действительно ли исключалось массированное нападение в самый первый день войны? Можно ли об этом где-то почитать? Оказывается, можно. Например, в книге Иссерсона Георгия Самойловича «Новые формы борьбы» (М.: Военгиз, 1940).

Ее текст размещен на сайте «Военная литература» («Милитера»)¹⁵.

Причем сканирование и распознавание (OCR) выполнил Исаев Алексей. И еще удивительнее, что автор сайта Ноахет в аннотации к ней привел следующую цитату:

— Чтобы не растекаться мыслию по древу, приведу цитату из Иссерсона: «Война вообще не объявляется. Она просто начинается заранее развернутыми вооруженными силами. Мобилизация и сосредоточение относятся

не к периоду после наступления состояния войны, как это было в 1914 году, а незаметно, постепенно проводятся задолго до этого. Разумеется, полностью скрыть это невозможно. В тех или иных размерах о сосредоточении становится известным. Однако от угрозы войны до вступления в войну всегда остается еще шаг. Он порождает сомнение, подготавливается ли действительно военное выступление или это только угроза. И пока одна сторона остается в этом сомнении, другая, твердо решившаяся на выступление, продолжает сосредоточение, пока, наконец, на границе не оказывается развернутой огромная вооруженная сила. После этого остается только дать сигнал, и война сразу разражается в своем полном масштабе». Браво!

Извините, «браво!» — это как? Значит, в 1940 году некто Иссерсон Г.С. уже отчетливо понимал, что вполне реальным может оказаться массированное наступление заранее сосредоточившегося противника. А, скажем, в 2005 году некие историки заявляют, что «не-не! В 1940 г. о таком даже никто и не догадывался!».

Кстати, а кем был Иссерсон Г.С.? «Человеком с улицы»? Писателем-фантастом для детей среднего и старшего школьного возраста? На той же странице «Милитеры» дается ссылка на его краткую биографию (но текст какой-то странный, если его перевести более понятно, то получится следующее):

«Об авторе: ИССЕРСОН Георгий Самойлович. 16.06.1898 (Санкт-Петербург) — 27.04.1976 (Москва). Служил в армии (участник Гражданской войны, состоял в распоряжении наркома обороны СССР). 10.06.41 арестован в Москве. 21.01.42 приговорен к 10 годам ИТЛагерьей и 5 годам поражения в правах»¹⁶.

Уточнения к биографии Иссерсона Г.С. можно найти на странице «ПИСЕМ В РЕДАКЦИЮ» газеты «ЕВРЕЙСКОЕ СЛОВО», №: 23 (196), 2004¹⁷. Там размещено письмо Ирены Иссерсон-Ереминой (дочери Георгия Самойловича). Из него получают такие сведения.

Профессор, комбриг Иссерсон Г. С. до войны был начальником кафедры оперативного искусства Академии Генерального штаба, одним из разработчиков теории «глубокой операции» — одновременного удара авиации, танков, подвижных моторизованных соединений и воздушных десантов в глубину обороны противника. 7 июня 1941 года (т. е. за две недели до войны) был арестован (Дело НКВД № 40871 Советской Армии [?] при Совете Министров СССР). Сначала его приговорили к расстрелу, затем расстрел заменили на 10 лет лагерей строгого режима и 5 лет ссылки. В 1955 году профессор Г. С. Иссерсон был реабилитирован и в чине полковника ушел в отставку.

Таким образом, получается, что Георгий Самойлович был вовсе не «человеком с улицы», а входил в круг тогдашних работников Генштаба, от которых зависела разработка стратегии развития армии и вопросов обороны страны на будущее. Но по какой причине на сайте «Милитеры» оказался текст книжки Георгия Самойловича? Видимо, потому, что на нее ссылается В. Суворов в списке литературы к своей книге «Ледокол»¹⁸. Но в самом тексте «Ледокола» прямого анализа работы Иссерсона нет. Есть только упоминание теории «глубокой операции».

Вот об этом-то — о внезапном ударе Гитлера по Польше в сентябре 1939 г. и идет речь в книге Г.С.Иссерсона «Новые формы борьбы». Точнее говоря, в первой ее главе кратко рассматривается история гражданской войны в Испании. Но гораздо больше места отведено анализу войны в Польше в 1939 году:

«ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ГЕРМАНО-ПОЛЬСКАЯ ВОЙНА»

1. Вступление. 2. Вступление в войну. 3. Ошибки польского командования. 4. Польский план стратегического развертывания. 5. Германское развертывание. 6. Первая фаза. 7. Вторая фаза. 8. Почему поляки не могли создать фронта. 9. Третья фаза (конец войны). 11. Новые формы борьбы в действии. Примечания. Список схем».

(Кстати, список схем на «Милитере» на адресе <http://militera.lib.ru/science/isserson/ill.htm>) неполный. В книге была еще одна карта о ходе боев во «второй фазе». И потом, а куда делся 10-й параграф? Опечатка?)

Так вот, когда читаешь размышления Георгия Самойловича о войне в Польше, то параллельно вполне можно добавлять аналогии о войне в 1941 г. в СССР (в квадратных скобках) и при этом на удивление возникают общие тенденции.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. GERMAHO-Польская война

1. Вступление

.....

Быстрое поражение Польши нельзя, конечно, объяснить одним лишь превосходством военной организации и военной техники Германии. Мы видим, как такое же превосходство на первых порах Японии не дало ей таких результатов в Китае, где широкие народные массы объединились для защиты своей страны и организовали эффективное сопротивление. [Ком-ий: т.е. нужна еще и грамотная роль руководства страны. В СССР в то время это был ЦК ВКП(б) во главе с тов. Сталиным.]

Впрочем, военный разгром Польши будет, видимо, еще предметом подробного исследования истории. По своему катастрофическому исходу он находит себе равный пример разве только в разгроме Пруссии Наполеоном I в сражении под Иеной в 1806 году. Тогда Наполеон, считая от его вступления в Пруссию до занятия Берлина, покончил со своим противником в 19 дней. Польская армия была в сентябре 1939 года полностью разгромлена в 16 дней. Во всем безрассудстве и чванстве польской полтики в предсентябрьские дни 1939 года вообще много об этого с безумием воинственного пыла придворных кругов Пруссии накануне Иены. [27] [Ком-ий: т.е. в 1806 году руководство Пруссии вопросом обороны от возможного нападения французов вообще не занималось.]

.....

Разумеется, когда армия терпит столь катастрофическое поражение, причины всегда кроются в факторах политического значения. В этом отношении сражение под Иеной было предрешено и являлось с военной точки зрения лишь формальностью. [Ком-ий: т.е. в деле подготовки грамотной обороны важную роль играют заранее принятые политические и организационные решения.]

2. Вступление в войну

Характер вступления в войну определяет обычно основные линии, по которым война развивается, по крайней мере в ее первый период. А так как всякое последующее развитие вытекает из предыдущего, то тем самым характер вступления в войну часто определяет ее линии развития в целом. Чтобы получить правильное представление о войне, нужно уяснить себе, как произошло ее открытие.

В этом отношении германо-польская война представляет собой новое явление в истории.

Политический конфликт между Германией и Польшей, вытекавший из условий Версальского договора, по [29] которому Восточная Пруссия была отделена от центральной Германии так называемым Польским коридором, возник уже с конца 1938 года. [Ком-ий: т.е. после того, как Гитлер решил аналогичную проблему с Чехословакией, а еще раньше — с Австрией. С конца 1938 года «подошла очередь» Польши.] Его напряжение нарастает долгие месяцы. С лета 1939 года уже назревает вооруженное столкновение. А с конца лета обе стороны открыто угрожают друг другу, говорят о неизбежности вооруженного выступления и готовятся к нему. [Ком-ий: ага! Значит, во время переговоров в Москве в августе 1939-го эта вероятность уже была всем понятна!]

Однако, когда 1 сентября германская армия с полностью развернутыми силами открыла военные действия,

перейдя границы бывшей Польши на всем протяжении, граничащем с Германией, это все же свалилось как небывалая в таком виде стратегическая внезапность. [Ком-ий: таким же для СССР оказалось и немецкое нападение 22.06.41.]

Никто не может теперь сказать, когда же произошли мобилизация, сосредоточение и развертывание — акты, которые по примеру прошлых войн и, в частности, первой империалистической войны обозначены вполне определенными рамками во времени.

Германо-польская война началась самым фактом вооруженного вторжения Германии на земле и в воздухе; она началась сразу, без обычных для практики прошлых войн предварительных этапов.

История столкнулась с новым явлением. После первой империалистической войны военная литература выступила с теорией, по которой война открывается особо предназначенной для этого «армией вторжения»; под ее прикрытием должны затем развернуться и вступить в борьбу главные силы страны. По этой схеме мобилизация и сосредоточение основной массы сил проводятся уже после начала войны, т.е. еще так, как это происходило в 1914 году. Вступление в войну получает, таким образом, эшелонный характер: сначала выступает армия вторжения, а затем массы главных сил. [Ком-ий: т.е. чтобы сделать вид, что никто никакой войны не готовит, «агрессор» «втихаря» готовит относительно небольшую «армию вторжения». А в нужный для себя день приказывает ей перейти границу. И уже после этого объявляет о мобилизации и быстро разворачивает остальные войска. Так?]

«Теория армии вторжения» сразу подверглась серьезной критике. В сущности практически она никем не была принята на веру. [Ком-ий: и в СССР? Т.е. в 1940 г. и до лета 1941 г. в эту теорию советские военные руководители не верили? А после 22.06.41 именно этим стали объяснять поражения РККА в начальный период?]

В противовес армии вторжения, как первому эшелону вооруженных сил, германская военная печать писала:

«Стратегия завтрашнего дня должна стремиться к сосредоточению всех имеющихся сил в первые же дни начала военных действий. Нужно, чтобы эффект неожиданности был настолько ошеломляющим, чтобы противник был лишен материальной возможности организовать свою оборону».

Иными словами, вступление в войну должно приобрести характер оглушительного подавляющего удара, использующего, как это писал Сект, «каждую унцию силы». [30]

Для такого удара даже неприменимо положение, что обрушивается в первые часы войны; наоборот, первые часы войны наступают потому, что обрушился этот удар.

При этом отбрасывается старая традиция, согласно которой нужно, прежде чем ударить, предупредить об этом. Война вообще не объявляется.

[Ком-ий: извините, советские историки широко использовали факт того, что немцы как бы вовремя не предупредили о нападении на СССР. И эту мысль активно повторяют многие противники В. Суворова.]

Она просто начинается заранее развернутыми вооруженными силами. Мобилизация и сосредоточение относятся не к периоду после наступления состояния войны, как это было в 1914 году, а незаметно, постепенно проводятся задолго до этого. Разумеется, полностью скрыть это невозможно. В тех или иных размерах о сосредоточении становится известным. Однако от угрозы войны до вступления в войну всегда остается еще шаг. Он порождает сомнение, подготавливается ли действительное военное выступление или это только угроза. И пока одна сторона остается в этом сомнении, другая, твердо решившаяся на выступление, продолжает сосредоточение, пока, наконец, на границе не оказывается развернутой огромная вооруженная сила. После этого остается только дать сигнал, и война сразу разражается

в своем полном масштабе. [Ком-ий: значит, советские военные руководители до самого 22.06.41 пребывали в сомнении, что немцы готовят нападение именно на СССР. Но если у границ с СССР готовится такая армия, но не для нападения на СССР, то она должна же на кого-то напасть? Значит, в СССР были уверены, что немцы готовятся напасть на кого-то другого. Этим «другим» в то время могла быть только Британия (как говорится, без вариантов).]

Так началась германо-польская война. Она вскрыла совершенно новый характер вступления в современную войну, и это явилось в сущности главной стратегической внезапностью для поляков. Только факт открывшихся военных действий разрешил, наконец, сомнения польских политиков, которые своим чванством больше всего войну провоцировали, но в то же время больше всех оказались захваченными врасплох. [Ком-ий: надо полагать, у советских политиков чванства не было. Но факт остается — они о немецких приготовлениях знали, но 22.06.41 оказались захвачены врасплох. Но как-то ведь они должны были реагировать? Какие-то планы должны были разрабатывать? Какие-то приказы должны были отдавать армии? О чем, если немецкое нападение оказалось «НЕОЖИДАННЫМ»?!]

3. Ошибки польского командования

Польское командование допустило также стратегические ошибки и просчеты, которые не могут быть поставлены в непосредственную зависимость исключительно от внутренней политической гнилостности бывшего польского государства. Они коренятся в поразительном непонимании новых условий, в которых может произойти вступление в современную войну. [Ком-ий: извините, так в каком варианте советский Генштаб в то время ожидал начала войны с Германией? По примеру 1914 года? Он поразительно не понимал новых условий? А сам

комбриг профессор Иссерсон Г.С. не имел касательства к советскому Генштабу?)

В этом отношении войну проиграл прежде всего польский Генеральный штаб, показавший пример чудовищного непонимания стратегической обстановки и в корне неправильной ее оценки. [Ком-ий: надо полагать, советский Генштаб в 1941 г. восхитительно пожимал стратегическую обстановку и в корне правильно ее оценивал?] Огромную ошибку в оценке стратегической обстановки совершил французский Генеральный [31] штаб при вступлении в войну 1870 года. Польские стратеги, однако, далеко превзошли печальные исторические уроки своих учителей. Ошибки польского командования могут быть сведены к трем основным.

1. На польской стороне считали, что главные силы Германии будут связаны на западе выступлением Франции и Англии и не смогут сосредоточиться на востоке. Исходили из того, что против Польши будет оставлено около 20 дивизий и что все остальные силы будут брошены на запад против англо-французского вторжения. [Ком-ий: есть соображения, что советский Генштаб ожидал аналогичного — что немцы свое настоящее наступление будут проводить против Англии.] Так велика была вера в силу и быстроту наступления союзников. [Ком-ий: Так велика была вера в 1941-м в СССР во... (что?) Откуда же она взялась?] Таким образом, план стратегического развертывания Германии в случае войны на два фронта представлялся совершенно превратно. Так же оценивались и возможности Германии в воздухе. Наконец, твердо рассчитывали на непосредственную эффективную помощь Англии воздушными и морскими силами. Бесследно прошли исторические уроки прошлого, уже не раз показавшие подлинную цену обещанной помощи Англии, которая всегда умела воевать только чужими солдатами. [Ком-ий: а как насчет цены обещаний Гитлера? Они для СССР тоже прошли бесследно?]

Из всех этих ложных расчетов делают еще более лож-

ные выводы. Считают возможным обойтись чуть ли не одной армией мирного времени. С мобилизацией второочередных дивизий поэтому не спешат. Но об этом широко оповещают, объявляя о мобилизации двухмиллионной армии. Такой дезинформацией думали напугать противника. Однако эффект получился совершенно обратный, так как германское командование сосредоточило в ответ еще большие силы против Польши.

2. На польской стороне считали, что в отношении активных действий со стороны Германии речь может идти только о Данциге и даже не о всем Данцигском коридоре и Познани, отторгнутых от Германии по Версальскому договору. [Ком-ий: с советской в 1941 г. наиболее известны объяснения о возможности неких немецких провокаций.] Таким образом, совершенно не уяснили себе действительных целей и намерений противника, сводя весь вопрос уже давно назревшего конфликта к одному Данцигу. [Ком-ий: а советский Генштаб в 1941 г. полностью уяснил себе действительные цели и намерения противника?]

Поэтому о Силезском направлении, откуда на самом деле последовал главный удар германской армии, весьма мало заботились. [Ком-ий: и потому в 1941 г. мало позаботились о направлениях главных ударов немцев?]

3. На польской стороне считали, что Германия не сможет сразу выступить всеми предназначенными против Польши силами, так как это потребует их отмобилизации и сосредоточения. Предстоит, таким образом, еще [32] такой начальный период, который даст возможность полякам захватить за это время Данциг и даже Восточную Пруссию. [Ком-ий: так и про лето 1941-го нам сейчас объясняют так, что советский Генштаб якобы ожидал некий «начальный период»...]

Таким образом, мобилизационная готовность Германии и ее вступление в войну сразу всеми предназначенными для этого силами остаются невдомек польскому генштабу. [Ком-ий: и советскому в 1941 г.]

Поляки не разобрались в стратегической обстановке, и это явилось уже проигрышем, по меньшей мере, первого этапа войны, а то и всей войны. [Ком-ий: аналогично в СССР летом 1941 г.].

В этом отношении война для Польши была проиграна еще ранее, чем началась. [Ком-ий: но в СССР в 1941-м запас территории для вынужденного отступления из-за проигрыша первого этапа войны оказался не в пример Польше гораздо большим и не привел к проигрышу всей войны.]

4. Польский план стратегического развертывания

Глубокое непонимание всей стратегической обстановки привело польское командование к совершенно эфемерному плану стратегического развертывания. Польское развертывание против Германии было несомненно поставлено в весьма сложные условия.

Эти условия являются более трудными, чем те, в которых находилось стратегическое развертывание русской армии в Польше в 1914 году. Полякам приходилось против Германии обеспечивать фронт протяжением в 800 км, от Балтики до Бескидов (западные отроги Карпат). Кроме того, на севере оставалась еще Восточная Пруссия, граница с которой составляла протяжение в 300 км.

Изломанное, охватывающее начертание границы, неизбежно вызывавшее развертывание в разных направлениях, и необеспеченность восточной границы с Советским Союзом создавали на самом деле общее протяжение фронта развертывания в 2500 км. Чтобы полностью обеспечить такой огромный фронт, потребовалось бы по меньшей мере 200 дивизий. Такими силами Польша, конечно, не располагала.

Сложность польского развертывания против Германии определялась и тем обстоятельством, что бывшая Польша за все время своего плачевного существования

готовилась к войне не на западе, а на востоке, против Советского Союза. [Ком-ий: так к чему же готовилась РККА к лету 1941 года? К чему-то готовилась? Или вообще не готовилась?] Ее западная пограничная полоса не расценивалась как операционная база. Она являлась скорее тыловой базой, вовсе не рассчитанной на роль театра военных действий. Она не имела никаких укреплений, но зато была обильно насыщена тыловыми базами и складами. К тому [33] же на западе бывшей Польши находились все военно-экономические объекты и центр польской промышленности. [Ком-ий: нечто похожее и на западе СССР к 22 июня 1941 года — куча складов со стратегическими запасами, масса промышленности.] В Верхней Силезии находились: 95% польской каменноугольной добычи, 10 цинковых и свинцовых заводов, поставлявших 100% цинка и свинца (108 тысяч тонн в год), и азотные заводы, дававшие 50% всей польской продукции азота. В общем, на западе находилась вся экономическая база бывшей Польши. Через западные районы проходили и все пути связи и торговли с Западной Европой.

Таким образом, развертываясь на запад против Германии, поляки принимали войну своим тылом, а не фронтом.

Уже это одно обстоятельство заставляло, казалось, к развертыванию на западе подходить с особой осмотрительностью. [Ком-ий: так на что смотрел советский Генштаб к лету 1941 года? И к чему он относился с особой осмотрительностью?] Впрочем, если вопрос касался одного Данцига, все эти условия оставались, разумеется, вне оценки.

Не менее сложными были и сами оперативные условия развертывания. Операционные направления на западе и в особенности в Данцигском коридоре смотрели друг другу в тыл и охватывались. Направление прямо на Данциг было сжато в тисках с двух сторон. Направление из коридора в Восточную Пруссию подвергалось угрозе

с тыла из Померании, и наоборот. В этом отношении использование Данцигского коридора как операционной базы являлось исключительно трудной стратегической задачей. О ней Вейган как-то сказал: «Коридор поставит перед польским командованием неразрешимые задачи, так как оборона его — дело совершенно невозможное».

Наконец, развертывание в Познани охватывалось: справа — из Померании и слева — из Силезии. А развертывание на левобережье Вислы в целом охватывалось: из Восточной Пруссии — с севера и из Словакии — с юга. Таковы были общие оперативные условия польского развертывания на западе. Здесь было над чем задуматься Генеральному штабу, от которого требовалась особая прозорливость стратегического искусства. [Ком-ий: напоминать, как охватывались немцами советские группы войск в Белостокском и Львовском выступах летом 1941 года?] Но об искусстве приходится в данном случае меньше всего говорить. К плану стратегического развертывания на польской стороне подошли с убожеством, которая находит себе равный пример в истории разве только в развертывании австрийцев против Пруссии в 1866 году в Богемии, когда армия Бенедэка была также охвачена с разных сторон и разбита. [Ком-ий: а также в развертывании РККА к лету 1941 г.]

В основу польского стратегического развертывания в сентябре 1939 года был положен наступательный план, [34] ставивший своей задачей захват Данцига и Восточной Пруссии. Стратегическое чванство, лишённое всякой реальной почвы, было этим планом доведено до апогея своей карикатурности. [Ком-ий: а РККА, случаем, не имела каких-либо наступательных планов летом 1941 года?]

Польша выставила против Германии около 45 пехотных дивизий. Кроме того, она имела 1 кавалерийскую дивизию, 12 отдельных кавалерийских бригад, 600 танков и всего около 1000 действующих самолетов. Все это составило численность примерно в 1 000 000 человек.

.....

Вся масса развернутых войск была очень плохо управляема, и штабы оперативных групп представляли едва сколоченные организмы. Наконец, все войска оставались в открытом поле. [Ком-ий: а как насчет РККА к лету 1941 г.? Она закапывалась в землю на направлениях будущих главных ударов немцев?] Никаких укреплений местности, опорных пунктов и оборонительных рубежей не было, за исключением укрепленного пункта Кульм на р. Висла в Данцигском коридоре и крепости Модлин у слияния рек Висла и Зап. Буг. Не было также сделано ни одной серьезной попытки возвести полевые укрепления в дни, оставшиеся до открытия военных действий. Польский Генштаб беспечно заявлял, что в этом-де нет никакой нужды: война будет проведена как маневренная. [Ком-ий: так и советский Генштаб уверял, что войну проведем на чужой территории малой кровью...]

Так польская армия шла навстречу урагану, который готовился ее смести. [Ком-ий: как и советская к лету 1941 г.]

В представлении некоторых исследователей германо-польской войны, польское развертывание рисуется иногда как не лишенное определенного стратегического смысла. Оно расценивается даже как основанное на определенной стратегической перспективе развития войны. [Ком-ий: а также, например, работы В. Суворова про лето 1941 года о том, что РККА готовилась сама наступать, веря (ВЕРЯ!), что немцы на самом деле будут воевать в другом месте (по некоторым сведениям — с Англией)].

.....

Общая мобилизация была объявлена только 30 августа, т.е. накануне германского вторжения. [Ком-ий: в СССР летом 1941 г. вообще аж НА СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ!!] Ей не суждено было осуществиться, под

ударами уже начавшейся войны она только внесла страшный хаос. Железные дороги и грунтовые пути стали забиваться призванными резервистами, двигавшимися навстречу уже начавшим отход войскам. Вся эта печальная картина показала, что если наступление состояния войны застает современную армию в неотмобилизованном виде, то вовсе нельзя уже рассчитывать на возможность ее отмобилизовать, сосредоточить и организованно вступить в войну. [Ком-ий: похожая картина была и в СССР летом 1941 года, но значительные запасы территории и населения, чем у поляков, удержали ситуацию.]

В этой обстановке с утра 1 сентября последовало одновременно воздушное и наземное вторжение развернутой германской армии по всему фронту и именно главными силами из Силезии, откуда противника меньше всего ожидали. [Ком-ий: так ведь и для СССР 22 июня 1941 года одновременное вторжение развернутой германской армии по всему фронту оказалось почему-то неожиданным и именно в тех местах, где меньше всего ожидалось и было меньше всего войск прикрытия].

Никакого начального периода войны не было. Никаких стратегических предисловий и предварительных действий. Война началась сразу в развернутом виде и полным ходом. Именно этот момент внезапного открытия военных действий широким фронтом и всеми развернутыми силами на польской стороне прогадали. [Ком-ий: так чего ожидал советский Генштаб летом 1941 г.? «Начального периода войны»? После наглядного примера Польши 1939 г.?)

При уже указанных ошибках польского Генштаба это создало обстановку полной стратегической растерянности, скоро перешедшей в общее смятение. Польская армия была захвачена врасплох самой формой внезапного вторжения вооруженных сил Германии, и это нанесло ей непоправимый и самый решительный удар. [Ком-ий: аналогично для РККА в июне 1941 г.]

5. Германское развертывание

При исследовании событий германо-польской войны возникает, естественно, вопрос, как было возможно почти полуторамиллионную армию скрыто и незаметно сосредоточить на польской границе и развернуть для вторжения по всему фронту? [Ком-ий: соответственно, при исследовании событий германо-советской войны возникает, естественно, вопрос, как было возможно почти трехмиллионную армию скрыто и незаметно сосредоточить на советской границе и развернуть для вторжения по всему фронту?]

В сущности, ничего особенно скрытого в этом не было. Сосредоточение германских сил нарастало из месяца в месяц, из недели в неделю. Чтобы определить срок его начала, надо обратиться еще к 1938 году, к периоду, последовавшему после присоединения к Германии Чехии и [37] Моравии. Когда силы накапливаются столь постепенно, сначала в одном, потом в другом и затем в третьем районах, — процесс сосредоточения не получает какого-то самостоятельного выражения во времени и поглощается рядом других сопровождающих его событий. [Ком-ий: об аналогичной концентрации немецких войск в Польше к лету 1941 г. в Москве тоже знали].

Опустив поочередно палец сначала в сосуд с холодной, а затем с горячей водой, можно сразу установить разницу в температуре. Но, опустив палец в сосуд с водой, постепенно согреваемой на слабом огне, очень трудно установить постепенное изменение температуры.

Так и сосредоточение, сжатое в коротком времени и создающее исключительное напряжение в работе транспорта, становится доминирующим явлением в данный период и может быть легко засечено.

Однако сосредоточение, производимое постепенно и последовательно и растянутое во времени, очень трудно поддается учету, вернее, рассредоточивает и притупляет

наблюдение. А такой именно характер носило сосредоточение германских армий.

Это сосредоточение не было больше одним-единым, ограниченным во времени актом, который начинается и кончается в определенные, заранее рассчитанные часы и продолжительность которого может быть противником примерно высчитана.

Сосредоточение приобрело глубокий характер. Его начала вообще никто не может зафиксировать. Его продолжение оставляет всегда сомнение, подготавливается ли действительное вооруженное выступление или это только подкрепление дипломатической угрозы. Его конец обнаруживает только сам факт вооруженного выступления.

Так современная война начинается ранее вооруженной борьбы. [38] [Ком-ий: а В. Суворов о чем писал?!]

Разумеется, уже с начала 1939 года задача польского Генштаба заключалась в том, чтобы неустанно следить за накоплением германских сил в Восточной Пруссии, Данциге, Померании, Силезии и Словакии, отмечать каждый новый факт сосредоточения, периодически суммировать все установленные факты и делать из них все необходимые выводы. Если этого не было, то нет ничего удивительного, что в один прекрасный день Польша увидела на своих границах огромные развернувшиеся силы германской армии. [Ком-ий: а чем занимался советский Генштаб в 1940 – начале 1941 года? Не отмечал каждый новый факт сосредоточения немецких войск, периодически не суммировал все установленные факты и не делал из них все необходимые выводы?] Впрочем, одно остается несомненным: при фактической готовности всей военной системы уже в мирное время, при скрыто развернутых командных инстанциях, при коротких путях сосредоточения и широком использовании авиатранспорта – можно в современных условиях очень многое сделать скрыто, легко достигнув большой внезапности. Что же касается быстроподвижных мото-механизиро-

ванных войск, то при их дислокации на передовом театре угрозу их внезапного сосредоточения следует вообще усматривать в самом факте их существования. [Ком-ий: а как насчет наличия советских мехкорпусов в западных округах к лету 1941 года? Сам факт их существования ни о какой угрозе никому ничего не говорит?] Эти войска на моторе, сделав накануне или даже в последнюю ночь марш до 100 км, оказываются на самой границе только в тот момент, когда решено ее перейти и вторгнуться в пределы противника.

Следует, несомненно, признать, что германскому командованию удалось в последний период перед 1 сентября с большой быстротой сосредоточить и развернуть мощную армию.

Стратегическая цель германского командования шла, конечно, гораздо дальше Данцига и заключалась в полном разгроме польской армии, возвращении отторгнутых по Версальскому договору провинций и уничтожении всякой угрозы для Германии на востоке. [Ком-ий: об угрозе с востока со стороны СССР Гитлер сказал еще в июле 1940 года.]

Для этого было всего сосредоточено: около 55 пехотных дивизий, 5 танковых дивизий, 4 моторизованные дивизии и 4 легкие дивизии, т.е. всего 13 механизированных и моторизованных дивизий.

.....

В общем весь фронт развертывания пяти германских армий занял протяжение до 800 км и образовал полуокружность, глубоко охватывающую с севера и юго-запада западную и центральную части Польши. Это было обусловлено географическим начертанием границ и давало германским армиям большие преимущества, так как [40] позволяло наступление вести по сходящимся направлениям, отбрасывая части польской армии друг на друга, чтобы их охватить и окружить. С такого охватывающего положения германские армии начали общее наступление.

Подобное же развертывание на широком охватывающем фронте раз уже имело место в истории в австро-прусскую войну 1866 года. Тогда три прусские армии, общей численностью около 300 000 чел., развернулись на фронте в 400 км и с различных направлений из Саксонии и Силезии вторглись в Богемию, достигнув разгрома равной по численности армии австрийцев. Через 70 с лишним лет, с совершенно новыми боевыми средствами, 5 армий, общей численностью в 1 500 000 чел., развернулись на вдвое большем фронте — в 800 км, располагая совершенно новыми возможностями для осуществления концентрического наступления с разных сторон. [Ком-ий: и повторили летом 1941 г. против СССР.]

В основе германского развертывания лежал единый оперативный план, делавший ставку на быструю маневренную войну. Для этого были свои определенные предпосылки, заключавшиеся в полном отсутствии укреплений мирного времени в западной части Польши, в доступной и, в общем, открытой местности, в значительном превосходстве в воздухе и в большом ядре быстроподвижных войск. [Ком-ий: аналогично летом 1941 г. в СССР.] Разумеется, у противника оставался еще целый ряд сильных естественных рубежей, и среди них такой серьезный рубеж, как линия рек Нарев, Висла и Сан. Особенно большое препятствие для действий из Восточной Пруссии на юг представляла река Нарев с широкой, лесистой, заболоченной долиной и отдельными укреплениями, оставшимися еще со времен первой империалистической войны. Этот рубеж действительно задержал германцев дольше, чем все остальные. Однако от быстроты и самого способа ведения операции зависело, в какой степени противнику удастся использовать все те возможности, которые ему предоставляли условия местности. [Ком-ий: а сколько было сильных естественных рубежей на западе СССР летом 1941 г.! Леса, реки и болота Белоруссии и Западной Украины! Но...]

Ставя несколько последовательных задач, оператив-

ный план германского командования целеустремленно вел к окружению и уничтожению всей польской армии.

.....

В течение операции, когда некоторым частям польской армии все же удалось ускользнуть от окружения на западном берегу Вислы, охватывающий удар 3-й армии из Восточной Пруссии и армии Рейхенау с юго-запада — с мотомеханизированными группами Гудериана и Гота на их заходящих флангах — распространился дальше на восток через р. Вислу до Западного Буга, где и замкнулось кольцо окружения. [Ком-ий: почти как в Белоруссии в июне 1941 г.] Это явилось только естественным развитием начального плана, на основе которого развернулась одна-единая стратегическая операция, от начала до конца проведенная по одному оперативному замыслу.

Весь германский план являлся, таким образом, широко задуманной операцией по внешним линиям, преследовавшей цели полного окружения и уничтожения противника.

Все стремительное развитие германского наступления, приведшего через 16 дней к полной ликвидации польской армии, может быть в общем разбито на три фазы.

1-я фаза заняла четыре дня, с 1 по 4 сентября, и ознаменовалась на всем фронте германского вторжения решительным пограничным сражением, приведшим к поражению и началу отхода отдельных групп польской армии по всему фронту.

2-я фаза заняла период времени 5 по 10 сентября и ознаменовалась решительным преследованием уже разрозненных групп польской армии, приведя к их окружению в различных районах.

3-я фаза продолжалась с 11 по 16 сентября и ознаменовалась боями на окружение и уничтожение, приведя к ликвидации всей главной массы польской армии. [Ком-ий: но в СССР после разгрома в еще больших масштабах смогли найти новые резервы. В Польше на востоке их не

оказалось. Они попали в советский плен после 17 сентября.]

Рассмотрим вкратце ход событий в эти три фазы.

6. Первая фаза

1 сентября в 5.45 германские вооруженные силы на всем фронте своего развертывания вторглись в пределы [43] бывшей Польши на земле и в воздухе. Если считать все отдельные воздушные и наземные операции, выполнявшие ряд отдельных, но связанных задач, то германское вторжение открылось семнадцатью отдельными операциями, в целом объединенными общим планом нападения.

Две воздушные армии обрушились сразу на аэродромы польской авиации и главнейшие железнодорожные пути, распространив в первый же день свой удар до линии Белосток, Варшава, Виола, Сан. Борьба за господство в воздухе была проведена со всей решительностью.

Уже в течение первых 48 часов после открытия военных действий было уничтожено не менее одной трети польской авиации, застигнутой врасплох на ее аэродромах. Через несколько дней большая часть ее лежала в обломках у своих ангаров.

Это сразу отдало германской авиации полное господство в воздухе, которым она затем безраздельно владела вплоть до окончания кампании... [Ком-ий: и т.д. чем-то напоминает описание вторжения в СССР летом 1941 года...]

* * *

Итак, получается, что советский Генштаб просто НЕ ВЕРИЛ в то, что немцы нападут на СССР летом 1941 года! И этим определяется стратегия советской военной подготовки к лету 1941 года. Но ведь к чему-то должна была готовиться РККА? Какие-то планы ведь были у

советского Генштаба? Какие? Хорошо, допустим, немцы нападают не на СССР, а на Англию. Как должен был вести себя СССР? Оставаться нейтральным? Или вступить в «махаловку»? На чьей стороне? Или сам по себе? Ответ на этот вопрос можно найти только в центральном военном архиве. (Который многим недоступен.) И найдется ли там интересный документ, если он еще и не был уничтожен? А разве нельзя оценить ситуацию по другим изданиям, но тех же лет?

КАКИЕ КНИЖКИ ИЗДАВАЛ ВОЕНИЗДАТ В 1940 ГОДУ?

Некоторые современные историки соглашаются, что у СССР был наступательный план, но не столько реальный, сколько «на всякий случай». Как якобы у остальных стран. Но его реализация требовала многоплановой подготовки и участия миллионов людей. И можно предположить, что на эту цель должен был работать и Воениздат в 1940-х – начале 1941 года. Можно ли посмотреть список издававшихся тогда книг? Оказывается, можно. Есть сайт «Российская книжная палата, книгоиздание военных лет 1939–1945». – Ретроспективная библиография изданий 1939–1945 годов отражает национальный книжный репертуар самого тяжелого времени для нашего государства – времени Великой Отечественной войны и Второй мировой войны.

Поиск по Воениздату в 1940–1941 годах вывел большой список книг, сотни названий. Среди них боевые уставы, руководства службы, инструкции по эксплуатации, опыт боев с Финляндией, в Испании и т.д. И хотя больше трех страниц посмотреть почему-то не удалось (по крайней мере мне), среди открывшихся названий нашлись и такие:

15. КОРСУН Н.Г. Алашкертская и Хамаданская операции на кавказском фронте мировой войны в 1915 году / Н. Г. Корсун. – М.: Воениздат, 1940. – 200 с., 7 отд. л. карт. с.: с карт.; 23 см.

16. РЕЗНИКОВ И. Александр Македонский
[Очерк жизни и деятельности] / И. Резников. — М.: Воениздат, 1940. — 144 с., 1 вкл. л. карт. с.: с ил. и схем, карт.; 19 см см.

21. Артиллерия в горах

Сб. статей. — М.: Воениздат, 1940. — 40 с. с.; 19 см см.

26. СТАНИШЕВСКИЙ А. Афганистан

[Соц.-экон. очерк] / А. Станишевский. — М.: Воениздат, 1940. — 88 с., 1 вкл. л. карт. с.: с илл., карт.; 20 см см.

45. Боевые действия в горах

/ [Сост: Агапов, М. В. Алексеев, Биязи и др.]; Краснознаменная и ордена Ленина военная академия Красной Армии им. М.В. Фрунзе. — М.: Воениздат, 1940. — 240 с. с.: со схем. и карт.; 22 см.

46. КЛЕМЕНТЬЕВ В.Г. Боевые действия горных войск.

/ В.Г. Клементьев. — М.: Воениздат, 1940. — 208 с., 4 вкл. л. схем. с.; 23 см см.

48. Боевые действия японской армии в Маньчжурии и Шанхае 1931—1933 годов.

— М.: Воениздат, 1940. — 144 с., 1 вкл. л. схем. с.: со схем.; 20 см см. — (Воен.-историч. б-ка)

В 1941 г.:

28. КОРСУН Н. Г. Балканский фронт мировой войны 1914—1918 годов.

/ Н. Г. Корсун. — 2-е изд. — М.: Воениздат, 1941. — 136 с., 5 отд. л. карт. с.: с карт.; 20 см см. — (Б-ка командира).

Заканчивая краткий обзор литературы Воениздата за 1940—1941, можно отметить еще пару книг с оригинальными названиями:

1. ПИРОЖНИКОВ Л. Б. «Лучи смерти» и другие средства новейшей военной техники

Сост. по иностр. мат-лам / Л. Б. Пирожников, С.И. Поляков. — М.: Воениздат, 1940. — 112 с. с.: с илл. и схем.; 21 см см.

22. ЧИРНЕР Г. Арабский плацдарм и война в Европе
Сокр. пер. с нем. / Г. Чирнер. — М.: Воениздат, 1941. —
184 с., 1 вкл. л. карт. с.: с карт.; 19 см см.

Это о чем? «Лазерное оружие» вермахта?

Роль арабского фактора в развитии войны в Европе в
1940–1941 годов. Но, к сожалению, в библиотеке найти
эти книги не удалось...

Нашел только несколько послевоенных книг Пирож-
никова Лоренца Богдановича:

«УЛЬТРАЗВУК В СТРОИТЕЛЬСТВЕ», 1965; «ЧТО
ТАКОЕ ГОЛОГРАФИЯ», 1976; «НЕВИДИМЫЕ ЛУЧИ
НА СЛУЖБУ СТРОИТЕЛЬСТВУ», 1986.

И все...

(«Рукописи не горят...» Где же остается от них «пе-
пел»?)

Так к чему готовился советский Генштаб и РККА в
1940–1941 годы? Исключительно к обороне СССР на
своей территории? Или для наступления куда-то? Но
если второе — то зачем? Была ли какая-то программа вы-
сшего уровня? Скажем, про «Всемирный СССР», как о
том написал В. Суворов в «Последней республике»?

Есть сведения, что была.

Например, цитата из Устава КОМИНТЕРНА (вари-
ант, утвержденный на 6 Конгрессе в 1928 г., первый вари-
ант был принят 2 Конгрессом в 1920-м):

1. Основные положения

«1. Коммунистический интернационал — Междуна-
родное Товарищество Рабочих — представляет собой
объединение коммунистических партий отдельных
стран, единую мировую коммунистическую партию.
Являясь вождем и организатором мирового революци-
онного движения пролетариата, носителем принципов и
целей коммунизма, Коммунистический интернационал
борется за завоевание большинства рабочего класса и
широких слоев неимущего крестьянства, за установле-
ние мировой диктатуры пролетариата, за создание Все-

мирного Союза Социалистических Советских Республик, за полное уничтожение классов и осуществление социализма — этой первой ступени коммунистического общества.

2. Отдельные партии, входящие в Коммунистический интернационал, носят название: коммунистическая партия такой-то страны (секция Коммунистического интернационала). В каждой стране может быть только одна коммунистическая партия, являющаяся секцией Коммунистического интернационала и входящая в его состав».

Источник: сборник «Коммунистический интернационал в документах. 1919—1932» (Москва, Парт. издательство, 1002 стр., 1933). Еще одна КНИГА...

И заметим — практически в открытом доступе (разве что только в крупных библиотеках).

И как, оказывается, исследование деятельности Коминтерна как участника разных событий в Европе в 30-х годах XX века в сравнении с действиями других участников их же тоже может оказаться интересным (особенно в Германии 1930—1933 годов). Но это уже другой разговор.

Примечания

- ¹ Фотографии упомянутых в тексте документов можно посмотреть на сайте <http://users.iptelecom.net.ua/~zhistory/fotosbz.htm>
- ² Библиотека офицера ВМС. С. Марков. Русские на Аляске. Военное издательство Министерства вооруженных сил СССР, Москва, 1946.
- ³ <http://www.battlefield.ru>
- ⁴ http://www.battlefield.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=208&Itemid=108
- ⁵ Скан этого номера есть на сайте <http://publ.lib.ru..>
- ⁶ <http://www.tgl.ru/podrazd/archive/book/front/gl2.shtml>).
- ⁷ http://bse.chemport.ru/italo-efiopskie_vojny.shtml.
- ⁸ <http://frizzant.com.ua/glossary/vine/3/10570/>
- ⁹ Например, здесь: <http://tewton.narod.ru/history/pervgeneral.html>
- ¹⁰ http://www.soldat.ru/forum/index.html?page=16&id=16051&referer_query=page%3D16, Список командования КОВО есть на http://220641.rkka.ru/voor_sili/ossvo/kiiev_okrug.htm

Еще генерал А.Ф. Ильин-Миткевич упоминается в мемуарах Баграмяна и в книге В. Суворова «ЛЕДОКОЛ»: <http://www.npj.ru/rushistory/rakovskijminkinu/p07>

¹¹ <http://1945.bookchamber.ru/description117104.htm>

¹² (<http://docs.vif2.ru/sbd/SBDv03.pdf>)

Управление изучения опыта войны
Генерального штаба Вооруженных Сил Союза ССР
**СБОРНИК БОЕВЫХ ДОКУМЕНТОВ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
ВЫПУСК 3**

Военное издательство
Министерства Вооруженных Сил Союза ССР
МОСКВА – 1947

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I. Боевые действия войск в горах....7

1944 год. 4-й Украинский фронт....7

Инструкция войскам, действующим в горно-лесистой местности....7

Указания по инженерному обеспечению боевых действий войск в горах....17

1944 год. 2-й Украинский фронт... 21

Указания о действиях танковых и механизированных войск в горно-лесистой местности.... 21

1945 год. 3-й Украинский фронт.... 23

Приказ войскам 57-й армии 14 апреля 1945 г. № 0144. Действующая армия.... 23 (–26)

Интересный фрагмент есть в приказе по 57-й армии:

.....

ПРИКАЗЫВАЮ :

.....

15. Всему офицерскому составу в процессе боевой детальности изучить БУП ч.1 и 2 и ПУ-43 раздел «действий в горных и лесных условиях» как при наступлении, так и в обороне, Инструкцию 4-го Украинского фронта по действиям в горах 1944 г. и руководство для действий в горах часть 1 и 2, издание Генерального Штаба Красной Армии 1944 г.

Начальнику отдела боевой подготовки обеспечить войска и в первую очередь командиров рот, батальонов и полков указанными пособиями. Для рядового и сержантского состава также использовать брошюру Би-язи «Действовать в лесистых горах», издание 1944 г.

16. Приказ довести до командиров взводов включительно.

Командующий войсками 57-й армии
генерал – ШАРОХИН

Член Военного Совета 57-й армии
гвардии генерал – БОЧАРОВ

Начальник штаба 57-й армии
гвардии генерал – ВЕРХОЛОВИЧ

- ¹³ Каманин Н. П. «Летчики и космонавты». – Москва: Политиздат, 1971.
- ¹⁴ Штеменко С. М. «Генеральный штаб во время войны». – Москва: Воениздат, 1968, с. 20–21.
- ¹⁵ <http://militera.lib.ru/science/isserson/index.html>, Г. С. Иссерсон. Новые формы борьбы (Опыт исследования современной войны). Выпуск первый. Военное издательство Народного Комиссариата Обороны Союза ССР, Москва, 1940.
- ¹⁶ <http://www.memo.ru/history/arkiv/op1-09.htm>
- ¹⁷ <http://www.e-slovo.ru/196/mail.htm>).
- ¹⁸ <http://www.suvorov.com/books/ledokol/34.htm>: Иссерсон Г. С. Новые формы борьбы.– М.: Воениздат, 1940.

*Юрий Цурганов**

КАК ЧИТАТЬ ПОСТСОВЕТСКИХ ИСТОРИКОВ?

ТОЧКИ НАД «I»

С утверждением, что история Второй мировой войны оболгана, согласятся многие. Тем более согласятся с тем, что оболгана история участия в ней СССР. Но при этом каждый соглашающийся будет иметь в виду свое: один — что лгали до перестройки, другой — что лгут сейчас. Поэтому сразу раскрою карты: я отношусь к той категории людей, про которую Проханов сказал: «...стремятся заплевать красные иконы Победы ядовитой слюной нигилизма»¹.

ПРЕКРАСНОЕ НАЧАЛО

В начале 1990-х для научных работ по истории Второй мировой войны были характерны резкая критика историографии советского периода и стремление отмежеваться от нее: «...Адепты тоталитаризма по-прежнему пытаются навязать исторические мифы, с тем чтобы вытравить научное знание. Таковым примером является пресловутый десяти томник «История Великой Отечественной войны советского народа. 1941—1945», работа над

* Цурганов, Юрий Станиславович — кандидат исторических наук, главный редактор общественно-политического журнала «Посев», доцент Российского государственного гуманитарного университета.

которым была развернута в соответствии с решением Политбюро ЦК КПСС от 13 августа 1987 года... Десяти-томный официальный опус — это целенаправленная диверсия идеологов от КПСС против прозревающего от лжи народа. Это попытка знакомыми средствами реанимировать идею прочности и незыблемости «социалистического» строя... Общественность ждет от историков принципиально нового труда, созданного на основе глубокой переоценки прошлого, а не подправленной модели уже написанного². Эта тенденция была устойчивой на протяжении нескольких лет, но потом ситуация начала меняться.

КАТЫНЬ — ТЕСТ НА ВМЕНЯЕМОСТЬ

Среди ранее не исследовавшихся проблем одной из первых привлекла к себе внимание современных российских историков судьба польских военнопленных в СССР.

Сборник статей «Катынская драма»³ с участием отечественных исследователей автор предисловия проф. А.О. Чубарьян назвал первым в нашей стране научным изданием, посвященным катынскому делу. Публикации построены на архивных документах. «...Дела польских офицеров и полицейских, находившихся в Козельском, Старобельском и Осташковском лагерях в декабре 1939 — марте 1940 года, — делает вывод Н. Лебедева, — готовились на рассмотрение Особым совещанием НКВД в апреле — мае 1940 года. Более 15 тысяч польских военнопленных — офицеров и полицейских — были вывезены из Козельского, Старобельского и Осташковского лагерей и переданы УНКВД Смоленской, Харьковской и Калининской областей. Таким был их последний маршрут, конечными пунктами которого стали Катынь, Медное и 6-й квартал лесопарковой зоны Харькова»⁴.

Вывод о «советском следе» сделал и В.К. Абарин, автор монографии «Катынский лабиринт»⁵. С юриди-

ческой точки зрения Абаринов оценивает события в Катynie как военное преступление. При этом он ссылается на статью 6 Устава Международного военного трибунала в Нюрнберге, которая говорит о нарушениях законов и обычаев войны, в частности, об убийстве военнопленных. Автор также указывает на то, что Советский Союз был участником Конвенции о неприменимости срока давности к военным преступлениям и к преступлениям против человечности от 26 ноября 1968 года. В декабре 1983 года СССР голосовал за резолюцию 38/99 Генеральной Ассамблеи ООН, согласно которой привлечение к ответственности лиц, виновных в этих преступлениях, является обязательством всех членов международного сообщества.

В принципе, вопрос о том, кто именно расстреливал поляков в Катynie, уже утратил историческую актуальность, предметом исследований сегодня могут быть только детали события. После того как в апреле 1990 года президент СССР М.С. Горбачев признал вину НКВД в Катынском деле, этот вопрос утратил и политическую актуальность. Сегодня вопрос об ответственности за содеянное превратился в тест на вменяемость, который в нашей стране проходят не все.

«Контраргументов» три. Первый — отрицание до последнего, вопреки очевидным обстоятельствам, факта расстрела польских военнопленных именно советскими спецслужбами, перекалывание ответственности на вермахт, СС, гестапо. Доводы, как правило, облечены в характерную лингвистическую форму: «Это не мы, это немцы». Действительно, уже один только инстинкт самосохранения должен заставить выступать в защиту всех и каждого, кого человек объединяет вместе с собой в единое «мы». Проблема упирается в то, что все еще есть люди, для которых Сталин и НКВД — это «мы».

(Зарубежная общественно-политическая мысль иногда сама подталкивает к такому использованию местоимений. На Западе, да и в Восточной Европе, часто не

разводят, а синонимируют понятия «русские» и «большевики». Так, например, Войтех Мастны дал своей книге название: «Путь России к холодной войне». Хотя во времена холодной войны на политической карте мира не было государства с названием «Россия».)

Второй «контраргумент»: да, расстрелы осуществляли чекисты, но «неужели наши польские друзья не в состоянии оценить случившееся с четких классовых позиций? Ведь речь идет о командных кадрах старой польской армии, стоявшей на службе у буржуазии. Так почему же польские товарищи начинают терять классовое чутье, впадают в националистические амбиции?».

Третий «контраргумент»: руководство НКВД неверно истолковало приказ о ликвидации лагерей, Сталин вовсе не имел в виду расстрел поляков, это подчиненные перестарались.

И все же самым популярным остается первый «контраргумент». Примером может служить книга главного редактора газеты «Дуэль» Юрия Мухина «Антироссийская подлость». В ней, как и в нескольких других произведениях, автор пытается перечеркнуть выводы современной исторической науки о начальном периоде Второй мировой войны и вернуться к канонам советской историографии, сдобрив их пафосом национал-большевизма.

«Антироссийская подлость» — книга о Катыни. Ее даже не обязательно брать в руки, чтобы понять, в чем хочет убедить автор своих читателей. На обложке изображен немецкий военнослужащий, стреляющий в затылок человеку в польской униформе. (Качество рисунка очень низкое, но характерная немецкая каска и польская «конфедератка» угадываются.) В рамках статьи не представляется возможным дать полный анализ тезисов Мухина. Скажем только, что первый документ, который он приводит (причем уже во введении к книге), — «показания крестьянина Киселева» сотрудникам НКВД. В них Киселев утверждает, что при немцах был вынужден говорить, что поляков убили чекисты, поскольку немцы

применяли к нему методы физического воздействия. Видимо, следует понимать так, что представители советских органов таких методов не применяли и потому с ними человек был по-настоящему откровенен.

Уровень полемики Мухина характеризуют высказывания такого рода: «После войны для польских шляхетских уродов, ошивающихся за границей и готовых за мелкие подачки на что угодно, Катынское дело стало единственным оправданием того, почему они не воевали против немцев во Второй мировой и почему гадят Польше и после войны... Приход в СССР к власти безмозглого Горбачева и его команды оставил Советский Союз без управления. Этот пятнистый кретин спилил сук, на котором сидел, а упав с вершины на помойку, делает вид, что он именно этого и хотел из-за своей приверженности «общечеловеческим ценностям» и своему новому «мышлению»⁶. Своих научных оппонентов Мухин оценивает так: «...в архивы были допущены в основном крайне подлые, но частью просто глупые «ученые»...»

Мухин любит выводить события 1940-го (или, как он считает, 1941 года) на современность: «Многие ли в России понимают, что... почти 40-летний военный союзник СССР ныне стал потенциальным врагом России?..» А понимает ли он сам, что Польша никогда не была союзником СССР, что она была его сателлитом? Понимает ли он, что в 1944 году происходило не «освобождение» Польши, а смена оккупационного режима — гитлеровского на сталинский? Красная Армия бездействовала, вместо того чтобы прийти на помощь Варшавскому восстанию в августе 1944 года. Это восстание против нацистов было поднято Армией Крайовой («шляхетскими уродами», которые «не воевали против немцев во Второй мировой»). Армия Крайова — это сила, стремившаяся восстановить правопорядок, существовавший в Польше в довоенные годы. Конечно, Сталину было выгодно, чтобы нацисты утопили это восстание в крови, потому Красная Армия и бездействовала. Ведь главная цель Сталина — навязать

Польше, как и другим европейским государствам, до которых он смог дотянуться, ту же варварскую систему, которая существовала в СССР. Это удалось, и на протяжении упомянутых Мухиным сорока лет СССР держал Польшу на поводке. В 1982 году Ярузельский был даже вынужден сам ввести военное положение, чтобы не допустить развития событий по венгерскому сценарию 1956-го или чехословацкому 1968-го. Даже без Катynи этого достаточно, чтобы признать ненависть поляков к большевизму вполне обоснованной. Пока только к большевизму как к системе, а как насчет русских как нации?

Общий вывод Мухина: «Катынское дело было использовано «пятой колонной» СССР и России точно так же, как его использовали гитлеровцы со своими польскими холоуями начиная с 1943 г., т.е. для вызывания ненависти у европейцев к СССР и России...»

Трагедия Мухина и его единомышленников заключается в том, что для них СССР — российское государство.

— А какое же еще? — последует вопрос.

— Большевицкое, коммунистическое, советское (в данном случае будем рассматривать эти термины как синонимы). А это означает — антироссийское в узком смысле и античеловеческое — в широком. Чем национальное государство отличается от тоталитарного? Тем, что национальное правительство в своей деятельности исходит из того, чтобы улучшить жизнь граждан. На этом поприще национальные правительства могут совершать ошибки, могут оказываться недостаточно компетентными, но вектор их политики задан, тем не менее, именно в названном направлении. Тоталитарное правительство в принципе не ставит перед собой задачу улучшения жизни граждан. Его задача — укрепление режима внутри страны и расширение географии его влияния. А все, что находится в стране, включая граждан, это лишь сырье для осуществления главной задачи. Причем ее осуществление представляет собой бесконечный процесс. Конечно, и тоталитарные правители делают что-то для граждан, но

подобно тому, как рабовладелец делает что-то для рабов, а фермер — для домашних животных.

Почему трагедия? Потому что Мухин действительно любит Россию. Но в стремлении выразить свои чувства пытается защищать СССР — государство, которое было главным врагом для народов, проживавших на его территории. Любое обвинение, направленное против СССР, воспринимается Мухиным и его единомышленниками как «антироссийская подлость», то есть априори предвзято. А насколько это обвинение справедливо само по себе — для них неважно: обвиняют «наших», значит, надо защищаться. В действительности же Россия — первая жертва большевизма, который впоследствии стал действовать от имени своей жертвы, навлекая на нее ненависть сопредельных народов за свои преступления. Отречься от Ленина и Сталина как от губителей России — главная задача национальной политики. Говорить о них как о национальных лидерах — это действительно антироссийская подлость, в данном случае без кавычек.

По-настоящему плохо то, что Мухин неразборчив в средствах. В целях обеспечения поддержки своей версии со стороны российских обывателей он играет на весьма незатейливых чувствах: «Многие ли понимают, что как только в этом деле будет поставлена вождеденная поляками и отечественными негодьями точка, нынешние граждане России будут платить нынешним гражданам враждебной Польши денежную «компенсацию»?..» К теме возможного «иска граждан Польши к гражданам России» Мухин обращается неоднократно. Исследователи, цель которых — воссоздание адекватной картины прошлого, к таким доводам не прибегают.

Из 1940-го Мухин не только перепрыгивает в 1991-й, но и отпрыгивает в 1937-й: «Катынское дело прекрасно объясняет, почему накануне Второй мировой войны потребовались чрезвычайные тройки и почему так беспощадно уничтожилась «пятая колонна»».

Масштаб его сверхзадачи действительно впечатляющ: не только обвинить во всевозможных грехах архитекторов перестройки, но и оправдать сталинские репрессии.

А вот Александра Филипповича Катусева Мухин обидел напрасно («...осенью 1990 г., главный военный прокурор СССР Катусев из отъявленных негодяев ГВП собрал «следственную бригаду» для юридической фальсификации этого дела»). Более ревностного борца с «пятой колонной», чем Катусев, пожалуй, не найти. В 1990 году он совместно с В. Оппоковым написал для «Военно-исторического журнала» статью «Иуды. (Власовцы на службе у фашизма)»⁷. Название говорит само за себя и выводит нас еще на одну тему, не менее животрепещущую.

НА ЧЬЕЙ СЛУЖБЕ НАХОДИЛИСЬ ВЛАСОВЦЫ?

В 1990-е вышло несколько серьезных книг об антисталинском протесте советских граждан 1941–1945 годов. Они, как правило, написаны молодыми историками и опубликованы частными издательствами. Но вот книга, написанная Михаилом Ивановичем Семирягой – корифеем советской исторической науки, ветераном (что немаловажно), напечатанная издательством РОССПЭН – «Российская политическая энциклопедия». В этой монографии, озаглавленной «Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны»⁸, читаем: «Подавляющее большинство граждан государств прежнего Советского Союза резко осуждает бесчеловечный сталинский режим. Но когда заходит речь о политической оценке тех, кто вел активную борьбу против него, то возникает, казалось бы, парадоксальная ситуация: люди готовы сочувствовать тем узникам сталинского режима, которые были заточены в многочисленные лагеря ГУЛАГа и, по существу, не могли активно бороться против него. Но эти же люди психологически и поныне не

готовы понять и принять тех противников Сталина, кто с оружием в руках сражался против того же режима... Жизнь всегда богаче, сложнее, многограннее любых, даже самых устоявшихся схем и стереотипов. Поэтому, думается, с течением времени отношение к коллаборационистам — исключая, конечно, подлинных военных преступников, карателей, которым нет и не может быть прощения, — наверняка изменится. Новые поколения наших соотечественников сумеют, очевидно, более широко и непредвзято оценить характер и мотивы поведения многих коллаборационистов, увидеть и понять трагичность их судеб»⁹.

Такой взгляд, представленный фактически на официальном уровне, был большим событием для отечественной науки. Но тут же пошел и откат назад. Борис Филиппов в статье «Сопrotивление советскому режиму (1920—1941)»¹⁰ начинает «за здравие»: «Массовому сознанию был навязан тезис об отсутствии сопротивления, о пассивном поведении обескровленного мировой войной, революцией и войной гражданской населения, активная часть которого либо погибла, либо эмигрировала». Приводит многочисленные факты сопротивления большевизму в 1920—1930-е, классифицирует их. Но заканчивает «за упокой»: «...до начала Отечественной войны не прекращалось сопротивление сталинскому режиму». А что, после начала «Отечественной войны» оно прекратилось? Именно после 22 июня оно и развернулось по-настоящему.

С. Чуев, автор книги «Проклятые солдаты»¹¹, признает и наличие сопротивления, и его размах. Но, задаваясь вопросом, почему это стало возможным, дает ответ: «В первую очередь, это готовность немецких командиров привлекать на службу местных жителей и военнопленных, хотя подобная инициатива порой и тормозилась гитлеровским окружением»¹².

Такая готовность немецких командиров проявилась отнюдь не сразу. Инициатива сотрудничества с немцами

исходила именно от местного населения и от военнопленных. Идея политического оформления движения тоже исходила от местных — конкретно от жителей Смоленска осенью 1941 года. Вопрос о том, что первично — антисталинский протест граждан СССР, перешедший из латентной фазы в открытую в условиях войны, или желание немцев пополнить кем-либо свои рedeющие полки, — принципиально важен. Нельзя согласиться и с тем, что инициатива «порой и тормозилась гитлеровским окружением». Она встретила активнейшее противодействие нацистской партийной верхушки, прежде всего самого Гитлера, поскольку противоречила идеологическим установкам, разработанным еще до войны.

«...У нас служба немцам, — продолжает Чуев, — все-таки воспринималась, в том числе и в народном сознании, как предательство, а уж если бургомистром становился бывший советский или партийный чиновник, а полицаем — бывший милиционер, то такой поступок расценивался как особо циничный и непростительный...»¹³

Единого отношения к сотрудничеству сограждан с немцами не было, поскольку само сотрудничество было массовым. Кроме того, многие смотрели на это с прагматических позиций. Криминальная полиция (в СССР — милиция) должна существовать в любой стране при любом режиме. И она должна быть местной, говорить на одном языке с населением, иметь опыт работы в конкретных городах и населенных пунктах, знать специфику криминального мира. Большевики отступили, так и жуликов ловить не надо? Не надо обслуживать систему жизнеобеспечения? Пахать, сеять, собирать урожай? Сталин так и хотел: либо при мне, либо вообще никак. Отсюда и приказы об уничтожении инфраструктуры при отступлении Красной Армии. (Так будет действовать и Гитлер с конца 1944 года — тактика «выжженной земли».) Диктаторы хотят, чтобы жизнь заканчивалась вместе с ними, но должна ли нация разделять этот взгляд?

Книга Чуева компиляционная, он опирается на множество документальных данных, введенных в научный оборот другими авторами, но выводы и оценки предлагает прямо противоположные. Благодарность, которую он выражает К. Александрову, С. Дробязко, Г. Кокунько и другим, выглядит поэтому довольно странно.

Книга Б. Ковалева «Нацистская оккупация и коллаборационизм в России, 1941–1944»¹⁴ написана на основе диссертации, что видно уже из введения: характерное для этого жанра перечисление объекта, предмета, цели, задач исследования, классификация источников, анализ историографии проблемы. Уже это обязывает нас особенно внимательно отнестись к данной работе.

«Насаждая на оккупированных территориях свой «новый порядок», нацисты стремились стереть само слово «Россия» с карты так называемой «Новой Европы»¹⁵.

России на карте мира в 1941 году не было, она уже была стерта большевиками.

Автор дает оценку работам предшественников: «С середины 90-х годов в России появились статьи и книги, рассказывающие о различных формах русского коллаборационизма в апологетических тонах. К ним относятся, в первую очередь, статьи К. Александрова в журналах «Посев» и «Новый часовой». С 1997 г. в Москве под редакцией А.В. Огорокова выходят «Материалы по истории Русского Освободительного Движения (1941–1945 годы)»... Власовское движение в них называется «Русским Освободительным Движением» (именно в таком написании, все слова с большой буквы. — Б.К.). О советском сопротивлении пишется в уничижительных тонах...»¹⁶

Предпочтения Ковалева очевидны: «Из наиболее фундаментальных работ общего характера о событиях Второй мировой войны следует отметить выпущенный в 1960–1965 годы Военным издательством Министерства обороны СССР шеститомник «История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945». Ее авторы ввели в научный оборот огромный материал, от-

ражающий все основные стороны истории войны, в том числе и события на оккупированной нацистами территории нашей страны»¹⁷. Не менее лестного отзыва удостоен 12-томник «История Второй мировой...», издававшийся в 1973—1982 годы. «Отдельные главы этого труда посвящены были борьбе советских людей в тылу врага»¹⁸. Сопоставим это высказывание с оценкой, данной советским многотомникам в 1992 году (цитата в начале данной статьи). Опять откат. Тенденция удручающая.

«...Пока еще нет комплексного исследования по этой проблеме, — продолжает Ковалев. — Отсутствием работ в данной сфере сейчас воспользовались те, кто прямо или косвенно пытается реабилитировать лиц, сотрудничавших с немцами в годы Великой Отечественной войны. Активно используя средства массовой информации, они проводят мысль о самостоятельности коллаборационистского движения. Одной из важнейших задач, стоящих сейчас перед отечественными историками, является объективное исследование данной проблемы, разоблачение подобных утверждений»¹⁹.

Автор заключает: «У страны был один враг — иноземные захватчики...»²⁰ Ну а раз так, то бороться против Сталина не нужно? (По данным, представленным в 1991 году в Верховный Совет РСФСР органами прокуратуры и МВД, суммарное число жертв сталинских репрессий составило 50 114 267 человек.) Значит, те, кто это делал, находились «на службе у фашизма», и не более того? Подводя читателя к такому выводу, автор возвращается к самым прямолинейным советским трактовкам, отбрасывая целый пласт исследований и выводов, сделанных в 1990-е.

СТРАСТИ ПО «ЛЕДОКОЛУ» ПРОДОЛЖАЮТСЯ

В 2002 году издательство «Вече» в Москве выпустило книгу Александра Помогайбо «Псевдоисторик Суворов и загадки Второй мировой войны». Это очередная по-

пытка опровергнуть концепцию о подготовке Сталина к нападению на Европу в 1941 году. Прежние попытки отличались беспомощностью. Главный аргумент критиков был идеологическим: «Книгой «Ледокол» Суворов оскорбил чувства ветеранов Великой Отечественной войны». Текст книги не анализировал никто, в том числе и главный критик — Габриэль Городецкий. Его монография «Миф «Ледокола»» должна была бы называться по-другому — «Некоторые сведения о советско-германских отношениях на рубеже 1930—1940-х годов». В ней много нового и интересного, но опровержения концепции Суворова в ней нет.

Помогайбо первый, кто поставил перед собой задачу опровергнуть Суворова по пунктам, но, опять же, безуспешно. Первое, что обращает на себя внимание, — это попытка автора воспроизвести стиль своего противника. Язык Суворова живой, афористичный, почти разговорный. В этом и сила и слабость его книг о войне. Сила в том, что автор обрел массовую читательскую аудиторию, слабость — дал повод своим недоброжелателям отнести «Ледокол» к разряду публицистики, хотя по сути это научное исследование. Суворов любит острить, но делает это талантливо, а Помогайбо — бездарно: «Я прямо-таки вижу: бородатый Маркс колдует над ретортами, выращивает чистый марксизм. Но чистый не получается. Выходит все грязный, с осадком. «Эх, чего-то не хватает, — скорбно шепчет Маркс. — Подбавил бы сюда мне Суворов-Резун сто пятьдесят грамм мировой революции...» Кошмарная сцена. Бр-р-р».

Подобные ерничества встречаются почти на каждой странице. Действительно «бр-р-р». Читать тяжело и неприятно.

Второе — мелочность придинок. Суворов пишет: «И снаряды «Тигра» (вес 56 тонн) и «Тигра-Б» (вес 67 тонн) с такой дистанции пробить «ИС-2» не могли...» Помогайбо парирует: «Не может быть такого, чтобы танк имел снаряды в 67 тонн!» Да, фраза Суворова построена

не очень удачно, но тем не менее совершенно ясно, что тонны относятся к танкам, а не к снарядам.

На форуме письмо: «Господин Помогайбо! Давайте начистоту... Книгу Вы написали плохую. Поверхностную в изложении фактов, в построении контраргументов к теории Владимира Богдановича и попросту непрофессиональную. Я с июня 2001 года пишу аналогичный труд (уже написано свыше 3 Мб вордовского текста, более 1,2 млн. печатных знаков с пробелами), поэтому как коллега вижу достоинства и недостатки. Когда я писал каждую из глав, то закапывался в различные источники, как наши, так и иностранные, и доискивался до сути дела. Даже пробился в РГВА (Российский государственный военный архив. — Ю.Ц.) и почитал документы по финской. Ну как можно скакать в одной главе с темы на тему, не заканчивая мысль и не выстраивая четкое доказательство с выводом в конце «слушали-постановили»? Так, как это делаете Вы, книги не пишутся. Хаотичное изложение фактов, отсутствие собственной цельной теории о развитии событий... В. Суворов Вашу книгу в порошок сотрет...»

Посмотрим, конечно, что в итоге представит сам автор письма, но попытку «разоблачить» Суворова, принятую Помогайбо, следует признать неудачной.

Кроме того, эти попытки уже утомили читателей. Антисуворовские книги перестали пользоваться спросом. Об этом красноречиво свидетельствует тот факт, что одно из произведений читателю пытались впихнуть контрабандой. «Ледокол-2». Дизайн обложки как у всей суворовской серии, имя автора — «Виктор Суворов». Порядок букв изменен, но беглый взгляд выхватывает это не сразу. Как маркетинговый прием — мерзость, с точки зрения содержания — еще большая мерзость. Это даже не критика, переходящая на личность, а просто набор грязных домыслов.

НА ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ БЕЗ ПЕРЕМЕН

А. Орлов в книге «За кулисами второго фронта»²¹ задается вопросом: «Что позволило Гитлеру чуть ли не пять лет (сентябрь 1939 г. — июнь 1944 г.) успешно избегать войны на два фронта? Почему второй фронт был открыт только на пятый год войны?»²² Автору, конечно, известно про высадку союзников в Италии в 1943 году, боевые действия в Северной Африке в 1942 году, на Тихом океане в 1941 году, в Западной Европе в 1940 году и про то, что Англия и Франция объявили войну Гитлеру 3 сентября 1939 года — через два дня после того, как он атаковал Польшу. Но для него это малозначительные эпизоды: «...Понятие «второй фронт» подразумевало боевые действия вооруженных сил США и Англии в Западной Европе (и в 1944 году. — Ю.Ц.), да, именно в Западной, ибо только сокрушительный одновременный натиск на Германию с востока и запада, с территорий, непосредственно выводящих армии государств анти-гитлеровской коалиции к границам самой Германии и к столице Третьего рейха, позволял союзникам взять цитадель фашистского блока в мощные тиски. Только такие условия обеспечивали победу над гитлеровским рейхом и во всей Второй мировой войне»²³.

Во-первых, территорией, непосредственно выводящей к границам Рейха, была не только Франция, но и Италия. Во-вторых, наличие нескольких фронтов, безотносительно к тому, где они расположены, вынуждало немцев расплывать силы, не давало собрать их в единый кулак на восточном направлении. Что касается Японии, то для нее альтернативой Перл-Харбору был советский Дальний Восток, но японский удар пришелся по США. Иначе на два фронта воевал бы не Гитлер, а Сталин.

Все это довольно очевидно, но у Орлова сверхзадача — еще раз подтвердить советский тезис о том, что СССР взял на себя не просто наибольшую часть задачи по разгрому Гитлера, но что значение участия союзников

крайне мало, и они до последнего уклонялись от решительных действий.

А вообще-то какой фронт второй, а какой первый? На момент объявления Англией и Францией войны Гитлеру СССР и Германия были связаны договором о ненападении. Через 25 дней они подписали договор о дружбе, то есть стали союзниками. СССР поставлял Германии стратегическое сырье — «Мессершмитты», уютжившие Британские острова, работали на топливе, изготовленном из бакинской нефти. Два диктатора договорились о сферах влияния в Европе, приступили к разделу и, конечно, пергрызлись.

Тут мы подходим к еще одной сверхзадаче Орлова — убедить читателя в том, что у СССР будто бы не было агрессивных намерений: «...С середины 30-х годов сталинское руководство предпочитало во внешней политике уже не идеи Коминтерна, а национальные интересы советского государства. Ведущую роль приобретала геополитика, а не идеология. Произошло, можно сказать, прощание «Славянки» с «Варшавянкой». Советскому Союзу нужен был мир»²⁴.

Каламбур про песенки эффектный, но декларация в целом не подтверждена никакими фактами. Из чего следует, что Сталин отказался от мировой революции — из лозунга «Социализм в отдельно взятой стране»? Так тут противоречия нет — сначала в одной стране, потом повсеместно. Что же касается «национальных интересов советского государства», то это вообще некорректная постановка вопроса, таковых у СССР просто не было, это государство не ставило перед собой задачу обслуживать интересы нации.

Тон книги Роберта Иванова «Сталин и союзники: 1941–1945 годы»²⁵ задает эпитафия — цитата из Сталина: «Я знаю, что после моей смерти на мою могилу нанесут кучу мусора, но ветер истории развеет ее!» Книга откровенно реваншистская — автор ставит задачу перечеркнуть выводы, сделанные исторической наукой 1990-х.

Это свое стремление он оправдывает так: «В канун 50-летия Победы на Западе резко усилилась фальсификация истории и итогов войны. К сожалению, в этой кампании активно участвуют и отдельные отечественные историки»²⁶. «Многие историки, писатели, публицисты специализируются сейчас на беспредельном очернительстве всего, что было в истории нашей страны после 1917 г.»²⁷.

Иванов стремится выглядеть объективным, неоднократно повторяет, что Сталин допускал «серьезные ошибки». Однако автор «объективен» настолько, что готов уравнивать черта с младенцем: «Сталин — с одной стороны, Рузвельт и Черчилль — с другой — представляли различные, противоположные по своему социально-экономическому и общественно-политическому содержанию системы... каждая из них имела свои плюсы и минусы... Император России Александр I ни в коей мере не был образцовым демократом, не блистал он и какими-либо другими добродетелями. И тем не менее его имя вписано в историю как освободителя Европы от ига Наполеона»²⁸. Это попытка провести аналогию с «освободителем Европы» Сталиным, который тоже не был «образцовым демократом».

Автора интересует моральная сторона вопроса: «...С самого начала Второй мировой войны государства, воевавшие с блоком фашистских стран, вели справедливую, освободительную войну за свое существование. Этот освободительный характер Второй мировой войны еще больше усилился после вступления в нее Советского Союза»²⁹. Освободительный характер войны действительно усилился после 22 июня 1941 года, поскольку увеличилось число людей в мире, ведущих борьбу против тирании, причем как внешней, так и внутренней (последнее, впрочем, Иванов не подразумевает). Но 22 июня 1941 года не есть дата вступления СССР во Вторую мировую войну, он к этому времени уже почти два года воевал. С учетом этого утверждение автора лживо. СССР вступил во Вторую мировую войну 17 сентября 1939 года,

ударив в спину Польше. И ничего освободительного в этом нет — полку агрессоров прибыло. С учетом этого утверждение Иванова лживо тоже.

Некоторые высказывания автора вообще повергают в недоумение: «Народный характер Второй мировой войны требовал поиска новых путей сотрудничества самых широких народных масс Советского Союза с общественностью союзных и дружественных стран»³⁰. Во-первых, если речь идет о новых путях, то что такое старые пути сотрудничества? Количество граждан СССР, имевших контакты с иностранцами в довоенные годы, было ограничено крайне узким кругом ответственных работников, и они были первыми кандидатами на «посадку». Во-вторых, если исходить из целесообразности сохранения общественно-политического устройства СССР, а Иванов именно из этого исходит, то требовалось, как и в довоенные годы, не допускать соприкосновения граждан СССР с «тем миром», чтоб не набрались уму-разуму и не явили зарубежному сообществу свидетельства о советских порядках. Это прекрасно понимал Сталин, отсюда его отношение к тем, кто в годы войны соприкасался с союзниками, например, по работе в области ленд-лиза, не говоря уже о военнопленных и остарбайтерах. Соприкосновение последних с союзниками лишь отягчало их участь: освобожденные из немецких лагерей Красной Армией — кандидаты на «червонец», а освобожденные англо-американцами — на «четвертак». Иванов упоминает несколько созданных в СССР антифашистских комитетов, члены которых действительно путешествовали по союзным странам, но это не «широкие народные массы». К тому же исключение подтверждает правило: большинство участников этих турне потом посажали и постреляли, а Михоэлсу устроили ДТП с летальным исходом.

Иванов сетует: «...в огромной исторической и публицистической литературе, посвященной истории Второй мировой войны, все еще остается большое белое пятно —

показ роли широких народных масс в разгроме фашистской Германии, ее союзников и сателлитов»³¹. С учетом того, что именно на это была в первую очередь направлена советская литература о войне, и все равно — «белое пятно», может быть, слухи об этой роли стоит признать преувеличенными? Регулярная армия — да, управляемое и строго контролируемое Москвой партизанское движение — да, но «широкие народные массы»?..

Как и другие красные реваншисты, Роберт Иванов любит выводить тему на современность: «...просматривается прямая связь темы «Сталин и союзники: 1941–1945 годы» с острейшими проблемами современной России, ее внутренним и внешнеполитическим положением». [32] Личные политические предпочтения автора предельно четко раскрываются его фразой: «Сталин остался один из Большой тройки, когда настало время подводить итоги войны. И это было большое благо для нашей страны»³².

ДАВИТЬ И НЕ ПУЩАТЬ

Учебник Игоря Долуцкого «История СССР. XX век» лишен грифа «рекомендовано». В интервью журналу «Новое время» (21 декабря 2003 года) автор сказал, что издатель сумел из чиновничьего экземпляра учебника перерисовать их пометки. Гнев чиновников вызывает упоминание о жертвах репрессий: «За 1941–1942 годы расстреляно за трусость и паникерство 150 тысяч человек, это равняется 16 дивизиям». Они также в ужасе от формулировок, таких как «полувековая оккупация Прибалтики Советским Союзом». Негодуют по поводу следующего абзаца: «Бобруйская группировка немцев 15 раз пыталась вырваться из окружения. В полный рост днем бросались немцы на прорыв. Метров с семисот по ним открывали огонь наша артиллерия, пулеметы. А они продолжали идти, переступая через трупы». Один возмущенный рецензент, — свидетельствует Долуцкий, — вопрошал: разве так надо учить истории?!

История как наука вообще не ставит перед собой воспитательных задач, точно так же, как их не ставит перед собой физика или химия. Об их воспитательном значении говорить было бы просто нелепо, а вот о воспитательном значении истории говорить почему-то принято. Единственная задача исторической науки — по возможности максимально точная реконструкция событий прошлого. Эта задача может быть выполнена, только если масштаб исторического явления и степень внимания, которое уделяют ему исследователи, адекватны друг другу. Любой перекокс — повышенное внимание к избранным сюжетам, отстранение от других сюжетов — тут же создает эффект кривого зеркала. А что такое воспитание, тем более патриотическое воспитание? Это стремление донести до воспитуемого систему взглядов и суждений. И если на службу этому ставится историческая наука, то это неизбежно будет означать тенденциозный отбор фактов — пишем и говорим о том, что делает честь отечеству, а что не делает — о том не пишем и не говорим. Тем более не говорим о том, что делает честь противнику отечества. И сразу же наука вырождается в пропаганду, исследователь и преподаватель превращается в политука.

Эпизод с бобруйской группировкой немцев, продолжает Долуцкий, это почти дословный пересказ воспоминаний маршала Рокоссовского. «К Рокоссовскому 40 лет претензий не было, что он неправильно освещает нашу историю. Но у нас такая технология издания, что она не дает сносок». Действительно, в учебной литературе практически отсутствует источниковедение и историография. Никого не учат методологии проверки источников на достоверность, не учат анализировать факты, сопоставлять концепции и делать самостоятельные выводы. Вместо этого приучают принимать на веру и вызубривать некие клишированные суждения.

«Сейчас начался откат от прежних либеральных трактовок и наступление державнической идеологии, — пишет Долуцкий. — В годы перестройки, в эпоху Ельцина,

из нее изъяли коммунистическую сердцевину, но государство-то осталось... Не надо только путать государство и людей, государство и страну. Они не совпадают, это не синонимы. Я пытался изобразить... как на самом деле вело себя государство, вели себя правители и как люди им сопротивлялись... Можно любить родину, но ненавидеть государство... Большевики совершили преступление в 1917 году, длящееся преступление, и оно не может содержать каких-то светлых моментов, которые мне советуют найти. Единственный светлый момент — сопротивление народа этому натиску».

Формируется стереотип: Великая Отечественная война — это (после Пушкина) «наше все». При Министерстве образования и науки РФ создана «общественная организация» — Совет ветеранов. Цель очевидна — осуществлять внедрение советского патриотизма. Ветераны в массе своей — самая консервативная часть общества.

Долуцкий: «Есть Конституция, которая гарантирует отсутствие официальной идеологии. Если наша идеология не националистическая, не шовинистическая, мой учебник имеет право на существование... Идет попытка смены идеологии, и это государственная политика, и она каждый учебный год делает шаг вперед... Министерство — только исполнитель государственного заказа, который идет от стоящих на самом верху людей, а им, конечно, выгодно, чтобы у всех имелось одно мнение».

Судьба учебника Долуцкого — не единственный прецедент. Несколько лет назад началась травля учебника А.А. Кредера «Новейшая история зарубежных стран». Тоже сняли гриф, автор перенес два инфаркта и умер. Чиновников не устраивало примерно то же, что и в книге Долуцкого. Кредера травили нещадно за то, что он не показал в должном, по их мнению, объеме подвиг советского народа. Хотя у него тема другая — всемирная история. Вот рецензия Ю. Мухина, выложенная на сайте газеты «Завтра»: «Прочитав этот учебник, я пришел к выводу, что данная книга — это образец антиславянского

сионистского расизма, на обложке которой не хватает только надписи: «Для 9-го класса туземных школ колонии Раша (Russia)».

Долуцкого критикуют, в частности, за то, что он подрыывает «коллективистские исконные ценности русского народа и насаждает не свойственные нашему народу индивидуалистические ценности». Определять, что характерно, а что не характерно для народа в целом — стремление само по себе пагубное. Тем более что история доказала: прогресс основывается на индивидуальном творчестве в условиях интеллектуальной свободы (хотя многим людям действительно уютнее чувствовать себя в стаде). Если же говорить о войне, то трудно не согласиться с авторами статьи, размещенной к 9 мая 2005 года на сайте Агентства Русской Информации: «...Вся арифметическая нечистоплотность в истории войны является следствием нечистоплотного отношения советской власти к населению страны, величие которой зиждилось на том, что ценность жизни отдельной личности была не просто ничтожно мала, а отсутствовала вовсе, принесенная в жертву коллективному «сплочению масс»³³.

Итак, тенденции печальные: интеллектуальному прорыву, начавшемуся на рубеже 1980—1990-х годов, противостоит нарастающая волна лжи. Особенно это заметно, когда речь идет об истории Второй мировой войны. Есть ли выход? «Я верю, — говорит автор «нерекомендованного» учебника, — в возможность сопротивления каждого отдельного человека на своем участке натиску государства».

Примечания

- ¹ Цит. по: В войне мы победили не благодаря «священному интернационалу всех советских наций», а вопреки. // АРИ.ру Агентство Русской Информации. Новости. События. Комментарии. <http://ari.ru/>
- ² Дьяков Ю. Л., Бушуева Т. С. Фашистский меч ковался в СССР: Красная Армия и рейхсвер. Тайное сотрудничество. 1922—1933. Известные документы. — М.: Сов. Россия, 1992. С. 7—8.

- ³ Катинская драма: Козельск, Старобельск, Осташков: судьба интернированных польских военнослужащих / Сост. и общ. ред. Яснова О.В. — М.: Политиздат, 1991. — 240 с.
- ⁴ Там же. С. 158.
- ⁵ Абарин В. К. Катинский лабиринт. — М.: Новости, 1991. — 208 с.
- ⁶ Здесь и далее цитаты из книги Ю. Мухина «Антироссийская подлость» приводятся по интернет-изданию: http://www.patriotica.ru/history/muhin_antiros_.html
- ⁷ Катусев А., Оппоков В. Иуды. (Власовцы на службе у фашизма) // Военно-исторический журнал. 1990. № 6. С. 68–81.
- ⁸ Семиряга М. И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. — М.: РОССПЭН, 2000. — 863 с.
- ⁹ Там же. С. 484.
- ¹⁰ История. 2000. № 31.
- ¹¹ Чув С. Проклятые солдаты. — М.: Изд-во «Эксмо», Изд-во «Яуза», 2004. — 576 с.
- ¹² Там же. С. 6.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Ковалев Б. Нацистская оккупация и коллаборационизм в России, 1941–1944. — М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Транзиткнига», 2004. — 483 с. (Военно-историческая библиотека).
- ¹⁵ Там же. С. 9.
- ¹⁶ Там же. С. 20.
- ¹⁷ Там же. С. 22.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же. С. 29.
- ²⁰ Там же. С. 482.
- ²¹ Орлов А. За кулисами второго фронта. — М.: Вече, 2001. — 349 с.
- ²² Там же. С. 10.
- ²³ Там же. С. 5.
- ²⁴ Там же. С. 8–9.
- ²⁵ Иванов Р. Сталин и союзники: 1941–1945 годы. — Смоленск: Русич, 2000. — 592 с. (Тайны XX века).
- ²⁶ Там же. С. 3.
- ²⁷ Там же. С. 543.
- ²⁸ Там же. С. 3.
- ²⁹ Там же. С. 552.
- ³⁰ Там же. С. 545.
- ³¹ Там же. С. 550.
- ³² Там же. С. 551.
- ³³ Там же. С. 553.

*Мария Шарова**

«КОНТУРЫ ГРЯДУЩЕЙ ВОЙНЫ»¹ В СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 1930-Х ГОДОВ

Советская культура отличалась мобилизационностью. Приближение неопределенного, но обязательного для всех коммунистического будущего требовало от общества сплочения, которое достигалось в том числе и неоднократно проверенным в истории способом – поиском врага, его обнаружением и борьбой с ним². «Войну» в период строительства социализма объявляли отдельным социальным группам, природным явлениям, произведениям искусства, научным теориям, разгильдяйству и бездорожью. Общая доктрина советского государства предопределялась во многом общим контекстом межвоенного периода, характерные черты которого сложились «под влиянием опыта Первой мировой войны, в особенности под влиянием неизбежности учета фактора мобилизованных масс в обществе и политике»³. Выстраивает ли свою концепцию подготовки Сталиным Второй мировой войны как войны за мировую революцию В. Суворов или куда более осторожный Дж. Хоскинг, считающий, что СССР начал готовиться к войне только в 1933 году, после прихода Гитлера к власти, и «приготовления эти были плохо продуманы и выполнялись отнюдь не на должном

* Шарова Мария – доктор филологических наук, живет в Свердловске.

уровне»⁴, в любом случае 1930-е годы рассматриваются как период планомерной и постоянной подготовки страны к войне. «Военный мотив постоянно муссировался в газетах, помещавших обстоятельные обзоры международного положения, делая при этом особое ударение на нацистский режим Германии, японцев в Маньчжурии, вероятность захвата власти фашистами во Франции, а также Гражданскую войну в Испании как на пример открытого противоборства «демократических» и «реакционных» сил. Угроза войны определяла государственную политику. Суть программы ускоренной индустриализации, как подчеркивал Сталин, заключалась в том, что без нее страна окажется беззащитной перед врагами и через десять лет «погибнет». Большой Террор, по словам пропагандистов того времени, имел целью очистить страну от предателей, наймитов, врагов СССР, которые изменили бы в случае войны. Народ тоже не оставил эту тему своим вниманием: в обществе, жившем слухами, чаще всего появлялись слухи о войне и ее возможных последствиях»⁵.

Вся к 1930-м годам уже хорошо отлаженная советская пропагандистская машина работала на то, чтобы каждый член общества, вступив в более или менее сознательный возраст, осознавал свое время как кратковременную передышку между двумя большими «внешними» войнами. Будущая — с фашистами — должна вот-вот начаться. Бывшая — с «белыми», поскольку в контексте выстраиваемой в это время наррации народной истории Гражданская война затмевала Первую мировую — в основном закончилась: они разгромлены, хотя оставшиеся «белые», превратившись в фашистов, по-прежнему продолжают войну. В политической риторике времени с конца 1920-х гг. господствовали понятия усиления классовой борьбы, империалистической угрозы, агентов (наймитов) империализма, врагов народа и прочего. Милитарная лексика являлась неотъемлемой составной частью языковой картины эпохи. А. Сергеев в мемуарной повес-

ти «Альбом для марок» приводит застрявшие в памяти с раннего детства, пришедшегося на вторую половину 1930-х годов, слова и обороты: «БЕЛОГВАРДЕЙСКАЯ ФИНЛЯНДИЯ — с финнами повоевали. ФАШИСТСКИЕ ЛАТВИЯ, ЭСТОНИЯ, ЛИТВА — не понять, воевали мы с ними или нет. ПАНСКАЯ ПОЛЬША — эту разбили... БОЯРСКАЯ РУМЫНИЯ с нами не воевала — испугалась. ТУРЦИЮ и ПЕРСИЮ настраивают против нас ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ АНГЛИЯ и МИЛИТАРИСТСКАЯ ФРАНЦИЯ»⁶.

В воспоминаниях тогдашних подростков о времени своего отрочества неизменно присутствуют рефлексии о сращении военного и мирного в жизни и сознании. К. Симонов, характеризуя свое тогдашнее самоощущение, писал, что от разного рода оппозиционных по отношению к властям идей он «был забронирован... мыслями о Красной Армии, которая в грядущих боях будет «всех сильнее», страстной любовью к ней, вьевшейся с детских лет, и мыслями о пятилетке, открывавшей такое будущее, без которого жить дальше нельзя... Мысли о Красной Армии и о пятилетке связывались воедино капиталистическим окружением: если мы не построим всего, что решили, значит, будем беззащитны, погибнем, не сможем воевать, если на нас нападут, — это было совершенно несомненным»⁷. А. Зиновьев, анализируя строки своего тогдашнего неумелого стихотворения «костьми поляжем за канал. Под пулемет подставим тело», замечает: «Идея подставить тело под пулемет родилась в Гражданскую войну и была для нас тогда привычным элементом коммунистического воспитания. А утверждение о том, что здание нового общества строилось на костях народа, было общим местом в разговорах в тех кругах, в которых я жил. Но оно не воспринималось как обличение неких язв коммунизма. Более того, оно воспринималось как готовность народа лечь костьми за коммунизм, каким бы тяжелым ни был путь к нему»⁸. Ю. Друнина, 1924 года рождения, не преувеличивала, когда на рубеже 1960–1970-х годов

писала: «Я родом не из детства — из войны»⁹, поскольку ее детство было буквально пронизано идеей вооруженных противостояний.

Жизнь во враждебном окружении предполагает постоянные военные конфликты и необходимую психологическую, идеологическую, физическую, специальную подготовку к военным действиям. Журналистика и литература, соответствующим образом оформлявшие интенции государственной власти, приняли на себя часть функций по созданию соответствующего психологического и идеологического общественного настроения.

Организация литературного процесса в советском государстве подчинялась установке, заданной В.И. Лениным в статье «Партийная организация и партийная литература»: «Литература должна стать... «колесиком и винтиком» одного-единого, великого социал-демократического механизма»¹⁰. Это значило, в частности, что литературное дело воспринималось как значимая часть агитационно-пропагандистского алгоритма действия, лежащего в основе отбора и формирования произведений, достойных публикации в советских государственных издательствах и распространения через государственную систему книготорговли. С конца 1920-х годов, когда в СССР завершилась централизация издания и распространения печатной продукции, тексты, препятствующие выполнению актуальных агитационных задач, не могли быть опубликованы. Корпус редакторов, институты цензуры и литературной критики выполняли функции своего рода контрольно-пропускного пункта, не считаться с которым писатель не мог. То, что появлялось в печати, было санкционировано специально подготовленными, приобретающими не по дням, а по часам опыт людьми, не имевшими к тому же права на ошибку, ибо они стояли на страже главного достоинства советского государства — его идеологии.

В подобных условиях неудивительно, что необходимая государству мобилизационная тематика глубоко проникала даже в организационные формы литератур-

ного процесса. При знакомстве с хроникой тогдашней литературной жизни бросается в глаза обилие мероприятий, связанных с проблемой войны как неотъемлемой части жизни.

17 января 1930 года И.В. Сталин поддерживает инициативу М. Горького об издании «популярных сборников о Гражданской войне»¹¹, а 30 июня 1931 года выходит постановление ЦК ВКП (б), одобряющее инициативу М. Горького по созданию «Истории Гражданской войны». В дальнейшем работа в этом направлении будет регулярно освещаться в печати, а создание документированной «Истории...» подкрепляться переизданиями старых и выходом новых художественных текстов соответствующей тематики.

Тема будущей войны энергично муссируется на страницах литературных изданий. 31 января 1930 года в «Правде» открывается литературная страница под характерным названием «Литературный фронт». 9, 14, 19 декабря 1930 года «Литературная газета» публикует письма советских писателей своим западным коллегам с вопросом об их позиции в связи с «подготовкой международным империализмом войны против СССР». Советские писатели участвуют в антивоенных конгрессах. Хотя на Конгрессе 1932 г. в Амстердаме советской делегации было отказано во въезде, в «Литературной газете» появляется рубрика «Друзья СССР – враги войны». В Международных конгрессах писателей в защиту культуры (Париж, 21–25 июля 1935 г.; Валенсия – Мадрид – Париж, 4–17 июля 1937 г.), также носивших антивоенный характер, советская делегация была представлена. 16 марта 1937 г. в «Известиях» появляется открытое письмо советских писателей «Против фашистских вандалов, против поджигателей войны!». 1 августа 1937 года советские писатели принимают участие в Международном антивоенном дне.

При том, что это направление деятельности писателей именуется антивоенным, его присутствие на страницах печати нагнетает ощущение неизбежности войны, а зна-

чит, необходимости усиления мобилизации. «Литературная газета» публикует письмо к советским писателям от командиров Красной Армии, слушателей Военно-инженерной академии им. В.В. Куйбышева: «Мы знаем, что только упорной работой создаются замечательные произведения, и мы вас не торопим. Но вас торопит время! Вы чувствуете, как все гуще и гуще нависают над нашим мирным небосклоном тучи войны, войны, «которой еще не знала история». Продумайте, прочувствуйте это — и пишите!»¹² 15 и 26 апреля на это воззвание откликнулись писатели Вс. Иванов, В. Гусев, В. Лебедев-Кумач, Б. Ромашов, А. Новиков-Прибой, Л. Соболев, а 25 мая в редакции газеты состоялось совещание редколлегии с литературным активом военных академий. А. Толстой в своем выступлении определяет задачи «оборонной литературы», которая должна говорить сейчас о самом главном, ставить большие мировые идеи. От нас ждут спасения мира, спасения человечества»¹³.

В соответствии с представлениями начала 1930-х годов «оборонная литература» должна была опираться на литературное творчество самих военных. Для организации и руководства писателями из армейской среды 29 июля 1930 г. было создано специальное литературное объединение ЛОКАФ — Литературное объединение писателей Красной Армии и Флота. Вокруг нового объединения группируются профессиональные опытные и начинающие писатели, готовые принять участие в создании произведений на соответствующие темы. Они, организуясь в бригады, выезжают в воинские части, на военные маневры; организуют литературные кружки, даже правят произведения красноармейцев и краснофлотцев.

В начале марта 1931 года ЛОКАФ провел совещание, посвященное «литературно-политическим требованиям, предъявляемым им произведениям о Красной Армии»¹⁴; 5 апреля в «Правде» напечатана редакционная статья «Художественная литература на службе обороны страны», а 5—9 апреля в Центральном доме Красной

Армии состоялся первый пленум ЦС ЛОКАФ, насчитывающего к тому времени 2560 членов, объединенных в 126 литкружков, и 690 писателей-профессионалов. 11–14 февраля 1932 года на втором расширенном пленуме ЦС ЛОКАФ были заслушаны доклады Л. Субоцкого «Красная Армия реконструктивного периода в художественной литературе» и содоклады «О творчестве красноармейцев и краснофлотцев-ударников». Локафовцы подписали письмо литературных организаций РСФСР (наряду с РОПКП, РАПП и «Перевалом») с поддержкой Постановления ЦК ВКП (б) «О перестройке литературно-художественных организаций» и с 1933 года прекратили свое существование. Однако сформировавшиеся к тому времени силы создателей «оборонной литературы» сгруппировались вокруг пришедшего на смену центральному печатному органу объединения ЛОКАФ¹⁵ журнала «Знамя»¹⁶.

Несмотря на прекращение деятельности ЛОКАФ, внимание к «оборонной» тематике не снижается. 1 июня 1934 г., проходит Всесоюзное совещание писателей по вопросам оборонной литературы, где обсуждаются доклады П. Павленко и А. Лейтеса «Художественная литература о Дальнем Востоке», Л. Субоцкого «Красная Армия в советской художественной литературе», А. Суркова о красноармейской песне. 19 июня 1935 года был объявлен конкурс на создание текста и музыки массовой советской песни¹⁷, и «Правда» под рубрикой «Конкурс на лучшую песню» систематически публикует стихотворные тексты песен. По итогам конкурса решили «первую премию за литературные тексты не присуждать... Вторые премии за литературные тексты присудить: 1) Мих. Голодному за песню «Партизан Железняк». 2) Янке Купале за песню «Матка сына провожала». Третьи премии за литературные тексты присудить: 1) А. Суркову – «Конноармейская». 2) Виктору Гусеву за «Песню советских школьников». 3) А. Александрову – «Ночь в разведке»¹⁸. Как видим, лучшие образцы массовой песни также были песнями о войне.

В официальном обращении I Съезда советских писателей к наркому обороны К.Е. Ворошилову выражалась готовность «защитить великую Родину от вооруженного нападения», для чего «дать книги о вероятных противниках, вскрыть качество их сил, противочеловеческие их цели и показать, как в тылах капиталистических армий готовятся к бою союзные нам пролетарские силы»¹⁹. 31 января 1936 года открылось Всесоюзное совещание писателей, работающих над оборонными произведениями. Доклад Л. Субоцкого назывался «Задачи оборонной литературы в связи с 20-летием Великой пролетарской революции и 20-й годовщиной Красной Армии».

В «оборонной литературе» определялась тактика наиболее эффективной работы, к выработке которой привлекались высокие государственные чиновники. Так, Вс. Вишневский пишет 20 ноября 1937 года Вл. Ставскому, рассчитывая на скорейшее принятие мер: «Я поставил вопрос об освежении и оздоровлении редакции «Знамени». Нам нужны редакционные работники коммунисты и верные беспартийные товарищи. Вопрос надо решать быстро. Перелом в «Знамени» надо создать, и он будет создан. Наметили программу на 1938 г., главное — освещение жизни Красной Армии, обороны СССР, показ истории войн, изучение противников. Выявление новых кадров, смелое их выдвижение. Сбор песен, ист[орических] материалов. Отчеты перед активом и читателем. Творческие встречи, читки. Критика и самокритика. Создание обор[онной] комиссии. Связь с Нар[одным] Ком[иссариатом] Обороны, ПУРом. Выделение от ПУРа компетентных тт. для ССП»²⁰.

Реальные военные столкновения конца 1930-х годов позволили оценить готовность писателей оперативно реагировать на происходящее. 10 августа 1938 года проходят собрание писателей Москвы и митинг писателей Ленинграда — протест против японской агрессии и приветствие бойцам Краснознаменного Дальневосточного фронта, «разгромившим японских захватчиков у оз. Ха-

сан»; 27 ноября — митинг советской интеллигенции в связи с еврейскими погромами в Германии. В периодике весь конец 1930-х — начало 1940-х энергично и однозначно обсуждают политические новости, в том числе, конечно, и военные кампании по присоединению Западных Украины и Белоруссии, Прибалтики. Писатели, часть из которых уже до этого освещала военные действия в Испании и на востоке СССР, отправляются на западные границы, они пишут многочисленные, преимущественно публицистические, тексты о происходящем²¹. В 1939 году в Брест-Литовске выходит сборник «Фронтные стихи», в том же году во Львове выпускает «Фронтные стихи и песни» В. Лебедев-Кумач. В журналах и газетах публикуют подборки «фронтных» стихов С. Щипачева²², А. Твардовского²³ и других. Митинги советских писателей — отклики на ноту советского правительства правительству Финляндии проходят по всей стране в конце ноября 1939 г. В боевых условиях проверяются наработанные «оборонщиками» навыки работы во фронтовой печати.

Результаты были подведены в июне 1940 года, когда Президиум ССП СССР утвердил оборонную комиссию в составе девятнадцати писателей²⁴. В начале июля Вс. Вишневский, один из членов комиссии, провел в Москве с участниками Второго военного и Первого военно-морского семинара беседу о работе военного корреспондента. 6 января 1941 года в Московском университете прошел вечер-встреча писателей с молодежью Краснопресненского района г. Москвы, где А. Сурков выступил с речью о значении советской литературы в деле обороны страны, Всеволод Иванов рассказал о своей работе над романом, пьесой и сценарием о герое Гражданской войны М. Пархоменко, а К. Симонов поделился впечатлениями о своей работе военного корреспондента на Халхин-Голе²⁵. Вечер оборонной комиссии ССП проходит в Военно-политической академии им. В.И. Ленина. 4 февраля 1941 года отмечают десятилетие журнала «Знамя», по случаю кото-

рого обнародуется Приказ Наркома обороны СССР маршала С. Тимошенко, где отмечаются заслуги журнала, десять лет возглавляющего «оборонную работу советских писателей».

Освоение и продвижение военной тематики касалось не только организации плотного графика соответствующих мероприятий. Военная лексика еще в 1920-е годы прочно вошла в повседневный литературно-критический обиход. На съезде ССП советские писатели привычно именуется «пролетарскими борцами», «солдатами новой культуры»²⁶ «освобожденной части человечества»²⁷. В приветствии съезда И.В. Сталину в соответствии с риторическими правилами тех дней отмечалось, что слово, являясь оружием, было включено «в арсенал борьбы рабочего класса», а «искусство стало верным и метким оружием в руках рабочего класса и у нас и за рубежом»²⁸.

Укрепление боеготовности рассматривалось как важнейшая задача критики. Даже знакомство с зарубежной литературой оправдывалось необходимостью знакомства с психологией вероятного противника. Один из лидеров уже не существующего ЛОКАФ, выступая на писательском съезде по проблемам «оборонной литературы», замечал, поясняя позицию журнала «Знамя»: «Мы вносили в литературу практику, которую получили в военно-академическом порядке. Мы брали на изучение страницы западной литературы, того же Джойса и Пруста, для того, чтобы знать политику, практику и психику их. Мы действовали, как разведчики и исследователи, как люди, которые будут наносить им же контрудар»²⁹.

Во всех документах военная тематика на принятом языке эпохи именуется оборонной. По мере упрочения внешнеполитического положения СССР государству приходилось все больше считаться с соблюдением внешних приличий, и полностью подчиняющийся государству Союз писателей, члены которого выполняли в том числе и важнейшую репрезентационную функцию, представляя политику страны в разного рода международных

организациях и собраниях, следовал изменчивым государственным установкам, в которых одно оставалось неизменным: СССР ни при каких обстоятельствах не должен и не может именоваться агрессором, войны, в которых он участвовал или будет участвовать, носят справедливый характер.

В то же время еще в 1930 году в письме к А.М. Горькому И.В. Сталин разъяснял будущему первому секретарю СП СССР, что партия решительно против произведений, «...рисующих «ужасы» войны и внушающих отвращение ко *всякой* войне (не только *империалистической*, но и ко *всякой* другой). Это буржуазно-пацифистские рассказы, не имеющие большой цены. Нам нужны такие рассказы, которые подводят читателей от ужасов *империалистической* войны к необходимости преодоления *империалистических* правительств, организующих такие войны. Кроме того, мы ведь не против *всякой* войны. Мы *против* империалистической войны как войны контрреволюционной. Но мы *за* освободительную, антиимпериалистическую, революционную войну, несмотря на то что такая война, как известно, не только не свободна от «ужасов кровопролития», но даже изобилует ими»³⁰. Игра словами «империалистический» и «всякий» находила отражение в двусмысленном употреблении слова «оборонный», которое, начиная с 1930 года, неизменно употреблялось как синонимичное выражению «на военную тему» и включало в себя как значение «оборонительный», так и «революционно-наступательный», то есть «справедливый» с точки зрения советской идеологии.

Так, М. Слонимский, рецензируя деятельность журнала «Знамя», отмечает, что оборонная тема в нем — это «тема растущей мощи нашей страны, тема победоносно шествующей революции, тема борьбы западных наших товарищей»³¹. Хотя орган Международного объединения революционных писателей (МОРП) журнал «Литература мировой революции» получил в 1933 году более сдержанное название «Интернациональная литература», идея

революционного спасения мира, очевидно, продолжала существовать, но сменила форму своего бытования в советской практике.

Если в 1920-е годы подчеркивалось, что война может носить наступательный революционный характер, то в 1930-е характер войны затушевывался. В 1927 году пионерская песенка должна была, по замыслу Маяковского, звучать так: «Возьмем винтовки новые, / На штык флажки! / И с песнею / в стрелковые / пойдем кружки. / Раз! Два! Все / в ряд! / Впе- / ред, / от- / ряд! / Когда / война-метелица / придет опять, — / Должны уметь мы целиться, / уметь стрелять. / Ша- гай / кру- / че! / Цель- / ся / луч- / ше! / И если двинет армии / страна моя, — / мы будем / санитарями / во всех боях. / Ра- / нят / в лесу, / к сво- / им/ сне- / су. / Бесшумною разведкою / Тиха нога, / за камнем / и за веткою / найдем врага. / Пол — / зу / день, / ночь / мо- / им / по- мочь /»³². Стоящий «на запасном пути» бронепоезд в мироощущении конца 1920-х годов был готов в любой момент выступить в далекий путь: «Сегодня мы встали на долгую дневку. / Травой поросли боевые дороги. / Но время готово выдать путевку / На переходы, бои и тревоги.// Чтоб песенный жар боевую усталость / В больших переходах расплавил и выжег, / Чтоб песня у наших застав начиналась / И откликалась в далеком Париже»³³. Но через десять лет стихи того же поэта будут посвящены пограничникам, «сторожащим рубеж»³⁴. Когда Я. Смеляков в 1932 году писал: «Мы радостным путем побед по всей земле пройдем»³⁵, он не оговаривает, в каких «справедливых боях»³⁶ эта победа, по его мнению, будет завоевана. Но слова поэта были созвучны появившимся в том же году заголовкам вроде «Перестройка международного революционного литературного фронта»³⁷.

Во второй половине 1930-х годов пафос революционной наступательности исчезает из открытой печати, хотя подобные настроения в обществе несомненно сохранялись, не случайно отголоски их мы встречаем, скажем, в

не опубликованных в то время стихотворениях молодых поэтов. Устремившиеся сначала на советско-финляндскую, а потом на Отечественную войны молодые поэты, судя по всему, искренне хотели воевать. Причин такого рвения, очевидно, было несколько.

Молодые люди 1930-х годов жили в мире, в котором культивировалось противопоставление сейчас / раньше и акцентировался период перехода от прошлого к настоящему, в первую очередь через постоянное обращение к образу пограничной эпохи — революции и Гражданской войны. Образ этих событий к концу 1920-х годов оформился, «Чапаев» и «Железный поток», «Хорошо!» и «Разгром» уже были написаны и отобраны как наиболее соответствующие потребностям государства, так что о прошлом информация была идеологически — по крайней мере на уровне публичных высказываний — непротиворечивая как о войне «наших» с «ненашими». Именно в 1930-е создавались книги писателей, живших в период революции и Гражданской войны и вынесших свои представления об этом времени в виде не мемуаров, но романов воспитания. Участники недавних реальных и легендарных событий вовлекали детей иной эпохи в свою прошлую жизнь настолько настойчиво и эффективно, что те, как об этом явствуют их тогдашние дневниковые записи и стихи, более поздние воспоминания, духовно жили не столько в настоящем, сколько именно в этом прошлом, ощущая себя «лобастыми мальчиками невиданной революции» (П. Коган)³⁸, «солдатами революции», «падающими на пулемет» (М. Кульчицкий)³⁹. Прославление героики революции и Гражданской войны приводило к тому, что даже малые дети через игры, учебные и внеучебные занятия идентифицировали себя с легендарными конниками или революционерами.

Писатели, прошедшие через Гражданскую войну, продолжали не просто осмысливать ее опыт, но выстраивали историю «страны-подростка» как историю войн настоящих и будущих. Война — неотъемлемая составляющая

мира, где существует противостояние коммунистов и капиталистов. Руководитель чехословацких скаутов Прохор Тыля из одноименного рассказа Н. Олейникова готовит расправу «красным ошейникам» — пионерам, празднующим организованную Коминтерном Международную Детскую неделю⁴⁰. Действие во всех произведениях «преждевременного война» А. Гайдара происходит в ситуации войны, которая, сначала находясь на периферии повествования, потом окажется в центре существования героев, собственно и став для них «школой». Даже в мирной «Голубой чашке» с ее, казалось бы, внутрисемейным конфликтом, за пределами страны существует фашизм в Германии, и он напоминает о себе антисемитскими выкриками в адрес Берты — эмигрантки из Германии «известного фашиста, белогвардейца Саньки»⁴¹. Мальчика из «Честного слова» Л. Пантелеева учат стоять на часах, и даже врун у Хармса врет про то, как «а вы знаете, что ПОД? / А вы знаете, что МО? / А вы знаете, что РЕМ? / Что под морем-океаном / Часовой стоит с ружьем»⁴².

Реальные властные силы эпохи мифологизировались и переносились то в отдаленные романтические сферы, ассоциативно связанные с легендарной Гражданской войной, то в сильно приукрашенный идиллический мир счастливой советской страны. Права на счастье, как представлялось, обеспечивались интенциями политики коммунистов и «тяжелыми испытаниями», в которых значительной частью общества была доказана верность революции. Грядущее будет свободно от ежедневного героизма, но в современном мире существуют лишь островки будущего светлого мира, за который нужно бороться. Армия при таком состоянии общества становится важнейшим социальным институтом, а служба в армии, участие в боевых действиях против широко понимаемого фашизма — способом приблизить всеобщее будущее счастье. Поэтому студент Арон Копштейн, ссылаясь на авторитет А. Блока («И вечный бой. Покой нам только снится...») / Так Блок сказал. Так я сказать бы

мог»), напишет в 1940 году о полной готовности поколения воевать столько, сколько понадобится: «И если я домой вернуся целым, / Когда переживу двадцатый бой, / Я хорошенько выплусь первым делом, / Потом опять пойду на фронт. Любой»⁴³. Копштейн погибнет во время Финской кампании, сражаясь за светлое будущее, которое его столь же романтично настроенные сотоварищи видели в том числе и так: «Война не только смерть. / И черный цвет этих строк не увидишь ты. / Сердце, как ритм эшелонов упорных: / При жизни, может, сквозь Судан, Калифорнию / Дойдет до океанской, последней черты» (М. Кульчицкий)⁴⁴; «Но мы еще дойдем до Ганга, / Но мы еще умрем в боях, / Чтоб от Японии до Англии / Сияла Родина моя» (П. Коган)⁴⁵.

Но эти энергичные «наступательные» стихи, выражавшие мироощущение поколения, станут достоянием широкой общественности значительно позже, а в официальной печати с середины 1930-х годов тема наступления сменилась темой обороны как защиты рубежей, границ, родной земли. Доминируют образы «границы на замке», «часовых Родины», мотив охраны границы как залога счастья каждого отдельного человека («Пусть он землю сбережет родную, а любовь Катюша сбережет» — М. Исаковский «Катюша», 1938), воспевание готовности к обороне границы, важности осознания черты между своей — прекрасной и «вражьей» землей («И на вражьей земле мы врага разгромим / Малой кровью, могучим ударом» — В. Лебедев-Кумач «Если завтра война, если завтра в поход...», 1938). Даже в текстах о Гражданской войне, где ранее на первый план выходила идея идеологического противостояния, появляется мотив защиты земли, отечества: «И он погиб, судьбу приема. / Как подобает молодым: / Лицом вперед, / Обнявши землю, / Которой мы не отдадим!» (И. Уткин «Комсомольская песня», 1934)⁴⁶.

Когда к концу 1930-х годов в стихотворной и прозаической «оборонной» публицистике появится еще и тема

сохранения границ («Чужой земли мы не хотим ни пяди, / Но и своей вершка не отдадим» (Б. Ласкин «Марш танкистов», 1939), представления о «своей» и «чужой» земле, то есть о месте пролегания рубежа между «нашим» и «ненашим», уже будут размыты реальными военными конфликтами. При этом мотив обороны «рубежей» по-прежнему соседствует с мотивом распространения «завоеваний революции», которая могла осуществляться, видимо, и путем нападения. Это создавало известную двусмысленность, позволяющую по-разному толковать самые невинные на первый взгляд строки. О каком «верном друге в далекой стороне», спрашивающем, «где пройти к весне такой надежной и такой хорошей, как у вас», говорит поэт Александр Жаров.⁴⁷ В риторике предвоенного времени, в условиях реальных военных конфликтов локальные столкновения осознавались как часть некоей символически зашифрованной глобальной цели: «Мы любим жизнь. И любим тем сильнее, / Чем больше счастья есть у нас во власти. / А потому во имя всех людей / Ведем мы бой за их земное счастье» (Александр Безыменский «Мы любим жизнь», 1940, Раатевара)⁴⁸.

П. Павленко, в 1937 году рассуждая о «нужных» времени книгах, предлагает смягчающую видимые противоречия концепцию «созидательной» войны, где формальное нападение противника должно смениться немедленным контрнаступлением Красной Армии, которая будет энергично реализовывать идеи распространения социализма по миру: «Сейчас наша военная тема — тема строительства, ибо наша война — это созидательная война, наши бойцы и командиры — строители. Они будут строить ревкомы и воспитывать людей на тех территориях, где придется драться. Мы строим, а не уничтожаем»⁴⁹. Это суждение является своего рода послесловием к роману П. Павленко «На Востоке» (1936), где как раз и выведена гипотетическая «созидательная» война СССР с Японией. Действие романа начинается в 1932 году, а завершается чуть позже, в неизвестный год начала новой мировой

войны: «Пятого марта 193... года партизанский командир Ван-Сюн-тин, отдохавший в родных местах, узнал о движении японских дивизий к озеру Ханка»⁵⁰.

Писатель предлагает своего рода конспект «контуров будущей войны» «советских» с «белогвардейцами», «японцами», «империалистами» от стадии локального конфликта до мощной революционной битвы всемирно-исторического значения. «Труднее всего было... на границе. Пора строительства укрепления давно прошла, уехали инженеры, и началась жизнь крепости, глубоко закопанной в землю. Так, впрочем, продолжалось недолго. Одна за другой пошли провокации на границе. Белогвардейцы обстреливали колхозников, японцы ежедневно «исправляли» пограничную черту, ссылаясь на давние разговоры. Не было ночи без выстрелов. Пограничники работали, как на войне, без сна, без отдыха. <...> За одну последнюю зиму Тарасюк четыре раза ходил в штыки на японцев, перешедших рубеж, был ранен и ни за что не хотел уезжать на запад, боясь пропустить тот ответственный день, который всем казался почти наступившим» (439). Однажды утром японцы все же пересекают воздушную границу, но советские войска готовы к немедленному контрнаступлению. «Звуки издалека делались гуще, и скоро можно было разобрать, что это звучат моторы. Потом что-то звякнуло на дорогах, и за колхозными фанзами залаяли псы. И еще раз, но громче, прозвучало моторами небо и медленно, как бы заикаясь, откашлялось на горизонте, у моря. Человек встал и оглянулся.

— Это война, — сказал он. — Товарищ Михаил Семенович, уверяю вас, это типичная война.

<...> Дорога еще была пустынна, но звонкий ход металла чувствовался за первым ее поворотом. Шла артиллерия. Впереди нее, оглушительно тарахтя, катились танки» (453).

Готовые к войне войска относятся к отражению врага как к повседневной боевой задаче. Молодой командир перед картой тылов противника уже в первые часы вой-

ны «задумчиво набрасывал на ней разноцветные линии обозов, скопления эшелонов, беженцев и продовольственных баз. Он как бы искал поля будущих битв, осторожно накладывая на них мазок за мазком, меняя краски или вовсе стирая их. Радиоосведомление держало его в постоянном творческом напряжении» (493).

Итогом его задумчивости и усилий войск стал быстрый перелом ситуации: «В пять часов дня 8 марта пришло сообщение, что авиация красных громит тыл и коммуникации армии. Маньчжурская образцовая бригада, захватив санитарные поезда, самовольно отходит по направлению к Харбину. Фронт армии Накамуры перемещался в тыл. Армия его должна была поворачиваться во все стороны. Фронт обтекал ее, окружал. Армия Накамуры зарывалась в землю. Красные части теснили японцев к югу. Красные десанты ждали их с флангов. Маньчжурские партизаны громили их с тыла. Советский рубеж, грудью приняв японский удар и расплющив его о себя, теперь оставался далеко позади» (504).

Столь энергичное отстаивание своих рубежей имеет, по П. Павленко, две причины. Во-первых, военная мощь Красной Армии. «Борьба в воздухе разгорелась с новой силой. Красные истребители все прибывали, и сражение воздушных машин все более отрывалось от связи с землей. Красные срывали разведку, ослепляли колонны и час за часом уходили все дальше от полосы прорыва, в Маньчжурию. Война спешила на чужую землю <...> Штурмовики уходили волна за волной, и небо над полями прорыва становилось все тише, беззвучнее и бездеятельнее. И вдруг из-за горизонта появилась новая колонна машин. Она проносилась почти над головами сражающихся, трудно уловимая на фоне холмов и земли. Невидимые, грохотали где-то высоко бомбардировщики. Война спешила на чужую, напавшую на нас землю» (491—492). «Показались бомбардировщики. Они садились один за другим, мгновенно выбрасывали из кабин людей в шинелях и шлемах, неуклюжие танки и тягачи с

гаубицами... Люди были в добротных сапогах и шинелях, с крепкими деловыми лицами, кажущимися темными от сизых шлемов. От них несло запахом хлеба и ваксы. Это была великая пехота большевиков. Чэн видел ее впервые» (520).

Но главная причина изменения хода военных действий — в понимании всеми советскими людьми своей идеологической сверхзадачи, интернационалистский характер которой неоднократно формулируется в романе различными героями. Вот, например, комиссар Измаров дает задание эскадрилье: «Не спеша выработал он порядок дня (политические задачи рейда — первое, прием в партию — второе, информация о событиях — третье, текущие дела — четвертое) и не спеша объявил его своим голосом старого рыбака (он был тюрок из Ленкорани). У всех защемило в глазах.

— Коммунизм сметет все границы, — сказал Измаров. — Очень сильно надо понимать эту мысль. Очень сильно, очень серьезно. Сметет — ха! Думают, может быть, когда это сметет? Сейчас сметет. Когда нужно — тогда и сметете. Я так понимаю.

Но и все понимали, что границей Союза являлась не та условная географическая черта, которая существовала на картах, а другая — невидимая, но от этого еще более реальная, которая проходила по всему миру между дворцами и хижинами. Дворцы стояли по ту сторону рубежа.

Не села маньчжурских мужиков должны были отвечать за нападение на Советский Союз, а дворцы и банки купцов. Не поля маньчжурских мужиков будут гореть, но виллы. Военные заводы. Склады и аэродромы в центре страны, начавшей войну» (470).

После сообщения о начале войны в Москве на улицах царят всеобщий восторг и ликование, толпа «говорит, поет и спорит», люди постарше восторженно вспоминают Гражданскую войну, войну в Испании, выступления в Берлине. «Вы заметили, что никто не говорит об Японии... Что там Япония. Все знают, что дело не в ней.

Мы встречаем сегодня не первый день навязанной нам войны, а что-то провозглашаем на всю вселенную. Дело идет о схватке повсюду. <...> Мы всегда знали и никогда не забывали ни на минуту, что война будет и ничто не устранит ее навсегда. Мы старались отодвинуть, отдалить неотразимый час ее прихода, чтобы вырастить бойцов среди угнетенных народов, воспитать классы, выковать партии. Сколько раз билось от счастья наше сердце, когда над миром проносился революционный пожар! Мы знали, что этот час придет! Вставай, Земля! Время наше настало! Вставайте, народы! Прочь руки от Красной страны!» (510–511).

Борьба за революционное будущее человечества – это лучшее, что может случиться с советским человеком. Герой с волнением говорит героине, муж которой на фронте: «Вот и опять молодость, опять. Ах да, вы не пережили Гражданской войны. Это было счастье, Ольга Ованесовна. Все чувства, все поступки сверялись на слух с тем, что происходило на фронте <...> Только в минуту величайшей опасности начинаешь как следует осознавать, что такое советский строй. Мы родились и выросли в войне. Наш быт был все время войной, неутраченной, жестокой. У нас умеют садиться в поезда и уезжать за тысячу верст, не заглянув домой. Мы способны воевать двадцать лет, мы бойцы по исторической судьбе, по опыту жизни <...>. ...для нас победить... значит, смести с лица земли режим, выступивший против нас. <...> Китай вырастет в могущественную советскую страну. Япония станет счастливой. Индия получит свободу» (508).

Мощного освободительного пафоса «созидательной войны» хватит на всех советских людей. «Войну закончат те, кого вы воспитаєте. Они будут победителями... Умейте сложить кости на ваших лекциях, если еще мечтаете о романтических подвигах» (536), – говорят героине, работающей преподавателем океанографии в завоеванном / освобожденном городе. Восторг всеобщей битвы соединяется в финальной части романа с пафосом бурной деятель-

ности перед раскрывающимся замечательным небывалым будущим. «Но почему все же я захотел написать о войне? Лишь только потому, что вижу, какая это будет война.

Война, которую, быть может, вынужден будет вести наш Союз, в случае нападения на него, явится новой в истории человечества войной, справедливой и благодетельной. Это будет война за счастье»⁵¹.

Несомненно, что роман, созданный П. Павленко, был, что называется, заказным. Враг обозначен, цель войны приведена в соответствие с требованиями момента, описание будущих боевых действий должно вызывать у читателя прилив энтузиазма и веру в безоговорочную справедливость государства. В условиях, когда бóльшая часть литературы приравнивается к пропаганде, естественно, увеличивается число текстов, организованных в соответствии не с социальным, но с собственно государственным заказом. Значительная часть литературы об армии непосредственно обслуживала политуправление. Менялись штабные установки — соответствующим образом менялись мотивировки и пафос. Сама система пропаганды предполагает, в частности, что «пропагандистская интенция автора никогда не может быть установлена наверняка и мелькает в текстах как некий призрак, проявляясь и исчезая в зависимости от их интерпретации и конкретных условий рецепции»⁵².

Но очевидно, что не все писатели находились в столь прямой зависимости от требований Наркомата обороны. Именно «самостоятельные» тексты, как показывает история литературы, сильнее всего влияют на современников, надолго оставаясь в их памяти, создавая у потомков определенный образ ушедшей эпохи. Отдавая отчет в том, что любая интерпретация литературы под жестко заданным идеологическим углом зрения в той или иной степени произвольна, все же предпримем подобную попытку не только в случае открыто-пропагандистской литературы, субъективность которой неизменно деформирует заранее сформулированный заказ.

Рассмотрим здесь лишь один аспект выражения мобилизационной готовности в художественной литературе — произведения, предназначенные для подростков, то есть тех, кому в будущей войне придется принимать самое непосредственное участие. В русской литературе проблема проверки справедливости и значительности дела его воздействием на детей постоянно разрабатывается, активизируясь в периоды, когда возникает потребность в оправдании / осуждении военных приготовлений и подготовке к войне всех членов общества. В советской культуре периода ее становления война довольно часто представляется как своеобразная инициационная практика. Готовность к походу у «красногалстучной гвардии», как было принято называть пионеров, надо было воспитывать уже сегодня. Равнение на героев прошлого и непрерывающаяся освященная пионерской клятвой «борьба за дело Коммунистической партии» требуют самовоспитания качеств, необходимых воину, герою времени — летчику, пограничнику, танкисту. Равнение на героев требует быть мужественными, решительными и бдительными.

Выразительными примерами подобного рода текстов, влияние которых на советских подростков трудно переоценить, являются повести и рассказы А. Гайдара. Писатель не входил в число локафовских активистов, тем не менее военная тема пронизывает все его творчество. Это, видимо, связано в первую очередь с биографическими причинами. Попав на Гражданскую войну совсем юным, А. Голиков после ее окончания был демобилизован из армии с диагнозом «травматический невроз», от которого и лечился всю последующую жизнь. Он, судя по всему, прекрасно осознавал, что испытание войной выдержал не до конца, и понимал, какого рода подготовки ему не хватило. Об этом в 1930 году он пишет повесть «Школа», где подводит негероический итог «героическому» периоду в изображении событий своей юности.

Как большинство современников, уверенный в том, что еще одна большая война неизбежна, писатель поста-

вил перед собой своеобразную и по-своему благородную задачу — помочь современным детям и подросткам психологически подготовиться к будущей войне. Не случайно самого себя Гайдар представлял воспитателем будущих солдат: «Пусть потом какие-нибудь люди подумают, что вот, мол, жили такие люди, которые из хитрости назывались детскими писателями. На самом же деле они готовили краснорозетную крепкую гвардию»⁵³. Чтобы гвардия выдержала предстоящие испытания, составляющие ее люди должны обладать внутренне непротиворечивой системой воззрений, которая сделает преодолимыми военные перегрузки. Кроме того, она должна знать, какие битвы ждут ее впереди.

Как и многие другие детские писатели этой поры, А. Гайдар изображает мир как непрекращающуюся войну, вынося изображение явных или скрытых военных действий в центр любого своего сюжета. Война может проявляться в борьбе с кулаками и вредителями («Дальние страны», «Военная тайна»), с диверсантами и шпионами («Судьба барабанщика», «Маруся»), с внешним неназванным врагом («Поход») или названными белофиннами («Комендант снежной крепости»). Поскольку война носит непрекращающийся и всеобщий характер, все члены общества или являются солдатами, или готовятся в солдаты — это, очевидно, относится к твердым убеждениям писателя. Даже совсем малыши Чук и Гек впервые появляются в рассказе Гайдара, когда у них «был бой. Короче говоря, они просто выли и дрались»⁵⁴. И на протяжении всего рассказа с вполне мирным сюжетом — поездкой вместе с матерью к отцу на север — то Гек делает пику, чтобы «ткнуть этой пикой в сердце медведя» (3, 35), то он видит «в поле завод. Интересно, что на этом заводе делают? Вот будка, и укутанный в тулуп стоит часовой. Часовой в тулупе огромный, широкий, и винтовка его кажется тоненькой, как соломинка» (3, 41), то, заметив «могучий железный бронепоезд», мальчишки решают, что в кожанке рядом с ним «командир, который стоит и

ожидает, не придет ли приказ от Ворошилова открыть против кого-нибудь бой» (3, 42). И даже на конфетных обертках у них «нарисован танк, самолет или красноармеец» (3, 36). Война определяет мечты героев о будущем. Васька из «Дальних стран» собирается, став взрослым, пойти в Красную Армию: «Возьму винтовку и буду сторожить. <...> А если не сторожить, то налетит белая банда и завоюет все наши страны» (2, 68).

Всеобщая готовность к воспитанию в себе солдата, свойственная героям Гайдара, приводит их к идее создания организации единомышленников, отряда, а позже и своей армии, состоящей из тех, кто только готовится пойти в «настоящую» армию. Идея «отрядов» буквально пронизывала всю систему общества, и фабула произведений Гайдара построена так, что герои формируют территорию обороны, постепенно создавая отряды из тех, кто готов сражаться вместе с ними. Одиночки сплываются и постепенно научаются видеть другие такие же отряды, превращаясь в армию, последовательно уничтожая или перевоспитывая противника, будь то уже упоминавшийся Санька, Мишка Квакин или сестра Оля из «Тимура и его команды»⁵⁵.

Военный человек, по А. Гайдару, — центральная фигура в советской действительности, обладающая четко обозначенным набором качеств, среди которых одним из важнейших является умение обнаруживать врагов и обезвреживать их. Формирование этого умения является важнейшей частью воспитания гражданина. Советская политическая риторика 1930-х годов, во многом построенная на идее мира как войны, предполагала формирование поляризованного образа действительности с отчетливо обозначенными образами «своих» и «врагов». При этом полагалось, что обучение безошибочно отделять одних от других, в том числе и по идеологическим признакам, должно стать едва ли не основополагающим в процессе социализации советского ребенка. Советская детская журналистика (см. журналы «Дружные ребята»,

«Мурзилка» и др.) предлагала немногочисленные и ясные способы подобного различения, следование которым обещало заведомый успех.

Дети на Гражданской войне – одна из центральных тем творчества А. Гайдара 1920-х годов («Р.В.С.» – 1925; «На графских развалинах» – 1929; «Школа» – 1930) – легко отделяли «своих» от «чужих» по их принадлежности к той или иной воюющей стороне. Война «настоящая», в произведениях писателя 1930-х годов неизменно находящаяся на периферии повествования, с отголосками которой в мирной жизни сталкиваются юные герои, также задает принадлежность «своих» к «красным», а «чужих» к «белым». Но подобное «политическое» противопоставление утрачивает очевидность, даже в рамках заведомо схематичной «Сказки о Мальчише-Кибальчише...» (1932) осложняется введением образа Мальчиша-плохиша – тайного «чужого», в условиях боя оборачивающегося врагом.

В повестях и рассказах 1930-х годов А. Гайдар особое внимание уделяет не результату, но процессу различения, неизменно изображая его как сложный, требующий от героя сверхусилия. Писателем вводится градация «своих», и наградой за успехи становится причисление героя к особенно доверенным «своим» – потенциальным хранителям Военной Тайны. По мере развития читателя ситуация различения требует от героев все больших интеллектуальных и эмоциональных затрат, поскольку «чужесть» может проявляться неожиданно («Дальние страны» – 1932; «Военная тайна» – 1935), не осознаваться самими ее носителями («Голубая чашка» – 1936), сознательно и хитроумно прятаться («Судьба барабанщика» – 1939), скрываться в «своих» («Тимур и его команда» – 1940), скрываться в себе («Чук и Гек» – 1939), наконец, только казаться присутствующей («Комендант снежной крепости» – 1941). Ведение войны с условным противником, являющимся то ли тайным другом, то ли явным врагом, – главный предмет в школе советских

подростков. При этом писатель не просто постепенно переводит читателей на все более сложные «уровни» игры «Найди чужака», но через развитие лейтмотивов крепости, тревоги, военной тайны и других меняет параметры изображаемого мира, делая его все менее однозначным, сохраняя тем не менее отчетливую, но уже не столько идеологическую, сколько психологическую границу между «своим» и «чужим», используя в качестве барьера понятие «справедливость».

Цель войны в творчестве Гайдара — защита / уничтожение советского строя. Ради этого одни готовы «бить белых и сегодня, и завтра, и до самой смерти, проверять на земле полевые караулы» (1, 33), другие — неумоимо идти на любые ухищрения ради получения чертежей оружия, срыва строительства завода, организации колхоза и т.п. Ненависть «белых» к «красным» носит во многом иррациональный характер: злодеи не вспоминают о добрых старых царских временах, у них нет плана будущего без советской власти, эта власть просто вызывает их зависть и желание разгадать ее загадку⁵⁶. Все войны, начиная с Гражданской, — этапы единой справедливой со стороны советских людей войны по защите советского строя.

В символически-обобщенном виде образ этой войны создан в «Сказке о Военной Тайне, о Мальчише-Кибальчише и его твердом слове» (1933): война «наших отрядов» с «проклятыми буржуинами», напавшими на мирных тружеников. Но попытки завоевать «наших» и «забрать их в свое проклятое буржуинство» безуспешны, потому что от мала до велика «наши» готовы отстаивать свою землю, а их предводители, какими бы юными они ни были, знают Военную Тайну. Эта война в итоге заканчивается окончательной победой «наших», так как на их стороне могучая Красная Армия и привлекательная для других стран идея, благодаря которой, недоумевают буржуины, «как у вас кликнул, так у нас откликаются, как у вас запоют, так у нас подхватывают, что у вас скажут, над тем у нас задумаются» (2, 187). Поэтому «при первом грохоте войны

забурлили в Горном Буржуинстве восстания, и откликнулись тысячи гневных голосов и из Равнинного Королевства, и из Снежного Царства, и из Знойного Государства. И в страхе бежал Главный Буржуин, громко проклиная эту страну с ее удивительным народом, с ее непобедимой армией и с ее неразгаданной Военной Тайной» (2, 190). Неназванная Тайна включает в себя в первую очередь глубокую веру в основополагающую справедливую идею государства трудящихся.

А. Гайдар так разъяснял читателям смысл названия повести: «Тайна, конечно, есть. Но ее никогда не понять главному Буржуину. Дело не только в вооружении, в орудиях, в танках и бомбовозах. Всего этого немало и у капиталистов. Дело в том, что наша армия знает, за что она борется. Дело в том, что она глубоко убеждена в правоте своей борьбы. В том, что она окружена огромной любовью не только трудящихся советской страны, но и любовью миллионов лучших пролетариев капиталистических стран <...> ...что в помощь Красной Армии подрастает такое поколение, которое поражений знать не может и не будет. И это у Красной Армии — тоже своя военная тайна»⁵⁷.

Представление о справедливом характере войны советского с несоветским на протяжении творчества у Гайдара в целом остается неизменным, но постепенно меняется образ врага и само описание военных действий. Сначала эта война именовалась Гражданской, и события в ней имели конкретно-исторический характер. В «Сказке о Мальчише-Кибальчише» война является однозначно оборонительной, но затем войны утратят наименования и определения⁵⁸. Если ставится прагматическая задача — научить героя / читателя обнаруживать врага в любых условиях, делается неважным, в какой войне приходится принимать участие герою, лишь бы она была «справедливая». На неизвестную войну уходит отец Альки из рассказа «Поход»: «Ночью красноармеец принес повестку. А на заре, когда Алька еще спал, отец

крепко поцеловал его и ушел на войну — в поход» (3, 78). Весной отец возвращается из похода и приказывает сыну «оружие и амуницию держать в полном порядке, потому что тяжелых боев и опасных походов будет и впереди на этой земле еще немало» (3, 79). Маруся из одноименного рассказа 1940 года несет букет «на свежую могилу отца, только вчера убитого в пограничной перестрелке» (3, 81). Столь же территориально неопределенной оказывается война в «Тимуре и его команде»: «Вот уже три месяца, как командир бронедивизиона полковник Александров не был дома. Вероятно, он был на фронте» (3, 84). Своему другу Георгию Гараеву, инженеру-механику на автомобильном заводе, который после получения повестки мгновенно превращается в капитана танковых войск, Ольга Александрова поет песню, где есть такие слова: «Гей! Да где б вы ни были, на земле, на небе ли, / Над чужими ль странами — / Два крыла, / Крылья краснозвездные, / Милые и грозные, / Жду я вас по-прежнему, / Как ждала» (3, 164).

В изображении Гайдара советская страна живет в ситуации войны вообще, к которой все относятся с пониманием, уважая ее таинственность, но новые конкретно-исторические военные конфликты конца 1930-х — начала 1940-х годов вновь позволяют упоминать реальные сражения («Командант снежной крепости») в Финляндии, Польше и Монголии, которые именуются «далекими командировками» (3, 174), только чтобы не пугать зря близких. Эти войны тоже ведутся за советскую страну, и закончатся они только тогда, когда «сметут волны революции все границы, а вместе с ними погибнет последний провокатор, последний шпион и враг счастливого народа» (2, 413).

25 июня 1940 г. главный редактор «Красной звезды» Е.А. Болтин собрал писателей, работающих над военной тематикой, на своего рода инструктаж: «Прежде всего надо воспитывать людей в понимании того, что Красная Армия есть инструмент войны, а не инструмент

мира. Надо воспитывать людей так, что будущая война с любым капиталистическим государством будет войной справедливой, независимо от того, кто эту войну начал. У нас были такие настроения, что будем обороняться, а сами в драку не полезем. Это неверно. Наш народ должен быть готов к тому, что, когда это будет выгодно, мы первыми пойдем воевать... Мы должны быть готовы, если понадобится, первыми нанести удар...»⁵⁹

Эти кулуарные установки не успели претвориться в художественную практику⁶⁰, поскольку открыто были провозглашены лишь 5 мая 1941 года в речи И. Сталина на приеме выпускников военных академий. Близкий к военным кругам литератор Вс. Вишневский, присутствовавший на приеме, записал в дневнике: «Речь огромного значения. Мы начинаем идеологическое и практическое наступление... Впереди — наш поход на запад. Впереди возможности, о которых мы мечтали давно»⁶¹.

Литература сделала все для того, чтобы этими возможностями смогли воспользоваться граждане СССР. Но на их долю выпала война совсем другого характера.

Примечания

- ¹ Слова, взятые в кавычки в заглавии, — название законченной в 1937 году книги В. Трифонова, о которой с горечью вспоминает его сын, писатель Ю. Трифонов как о причине гибели отца. Проведенный одним из организаторов советских вооруженных сил стратегический анализ неизбежного будущего СССР, его совпавшие с исторической реальностью предупреждения о внезапности войны, о немецком фашизме как главном вероятном противнике и т.п. — приводятся как доказательство прозорливости частного, хотя и близкого к государственной верхушке лица и преступной недальновидности советских властей. См.: Трифонов Ю. Отблеск костра. Исчезновение: Романы. — М., 1988. С.143–145.
- ² См. об этом, например: Образ врага. — М., 2005; *Faces of The Enemy: Reflections of the Hostile Imaginations*. San Francisco, 1986.
- ³ Коткин С. Советский Союз в межвоенном цивилизационном контексте // Мишель Фуко и Россия. — СПб., 2001. С. 241.
- ⁴ Хоскинс Дж. История Советского Союза. 1917–1991. — М., 1995. С. 273.
- ⁵ Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. — М., 2001, 2001. С. 18.

- ⁶ Сергеев А. Omnibus. — М., 1997. С. 31.
- ⁷ Симонов К. Глазами человека моего поколения. — М., 1988. С. 45.
- ⁸ Зиновьев А. Русская судьба, исповедь отщепенца. — М., 1999. С. 109.
- ⁹ Друнина Ю. В двух измерениях. — М., 1970. С. 47.
- ¹⁰ Ленин В. И. О литературе и искусстве. Изд. 4-е. — М., 1969. С. 87.
- ¹¹ История русской литературы: В 3 т. Т. 2. — М., 1960. С. 501.
- ¹² «Товарищи писатели, держите народ в мобилизационной готовности!» // Лит. газета. 1938. 10 апреля. Цитата из В. Маяковского, к этому времени признанного «лучшего и талантливейшего поэта советской эпохи», чья поэма «Владимир Ильич Ленин», из которой взято приведенное в письме высказывание, заучивалась наизусть, звучит довольно двусмысленно, ибо контекст читателем легко восстанавливался, а в поэме речь шла о будущей мировой «революции радостной и скорой», которая и была названа «единственно великой войной».
- ¹³ Лит. газета. 1938. 30 мая.
- ¹⁴ Лит. газета. 1931. 9 марта.
- ¹⁵ Выходил с февраля 1931 года (изд-во «Федерация», отв. ред. Л. Дегтярев).
- ¹⁶ Подробнее об этой организации и создаваемых в ее рамках произведениях см.: Добренко Е. В. Метафора власти: Литература сталинской эпохи в историческом освещении. — Мюнхен, 1993; Он же. Оборонная литература и соцреализм: ЛОКАФ // Соцреалистический канон. — СПб, 2000.
- ¹⁷ Ранее, 5 июля 1932 года, при МосЛОКАФ состоялось производственное совещание, наметившее ряд мероприятий по развитию жанра массовой песни «в связи с отставанием этого жанра от требований обороны страны и социалистического строительства» (см. об этом: Лит. газета. 1932. 5 июля).
- ¹⁸ Правда. 1936. 29 марта.
- ¹⁹ I Съезд писателей СССР: Стенографический отчет. — М., 1990. С. 683.
- ²⁰ Цит. по: «Счастье литературы»: государство и писатели. 1925–1938 гг. Документы. — М., 1997. С. 263.
- ²¹ См., например: Писатель на фронте // Лит. газета. 1939. 26 ноября.
- ²² Под галицийским небом // Знамя. 1939. № 11.
- ²³ Из фронтовых стихов // Звезда. 1939. № 12.
- ²⁴ См. об этом: Лит. газета. 1940. 20 июня.
- ²⁵ См. отчет об этой встрече: Правда. 1941. 7 января.
- ²⁶ I Съезд советских писателей: Стенографический отчет. — М., 1990. С. 194.
- ²⁷ Там же. С. 683.
- ²⁸ Там же. С. 3.
- ²⁹ Там же. С. 285. Видимо, подобной широко понимаемой «обороной» можно объяснить, что в журнале «Знамя», позиционировавшемся как «ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический оборонный журнал», публиковали не только тексты, непосредственно посвященные теме войны, а, например, книгу путевых очерков И. Ильфа и Евг. Петрова «Одноэтажная Америка» (1936).
- ³⁰ Сталин И. В. Сочинения. Т. 12. С. 176.
- ³¹ Целеустремленный журнал // Лит. газета. 1936. 29 января.
- ³² Маяковский В. Сочинения в одном томе. — М., 1940. С. 306.

- ³³ Сурков А. «Песня» именем жизни. — М., 1986. С. 29.
- ³⁴ Там же. С. 59.
- ³⁵ Смеляков Я. Стихотворения. Свердловск, 1989. С. 27.
- ³⁶ Там же. С. 66.
- ³⁷ Литературная газета. 1932. 5 августа.
- ³⁸ Строки, добытые в боях. Поэзия военного поколения. — М., 1969. С. 54.
- ³⁹ Там же. С. 90.
- ⁴⁰ Олейников Н. Боевые дни. — М., 1991.
- ⁴¹ Гайдар А. Сочинения. — М., 1948. С. 204.
- ⁴² Хармс Д. Полет в небеса. — М., 1988. С. 245.
- ⁴³ Строки, добытые в боях. С. 26.
- ⁴⁴ Там же. С. 91.
- ⁴⁵ Там же. С. 58.
- ⁴⁶ Страницы русской поэзии: (20–30-е годы). — Томск, 1988. С. 325.
- ⁴⁷ Жаров А. Стихи. Песни. Поэмы. — М., 1964. С. 113.
- ⁴⁸ Безыменский А. Стихи о комсомоле и молодежи. — М., 1983. С. 126.
- ⁴⁹ Павленко П. Писатель должен быть бойцом // Знамя. 1937. № 4. С. 287.
- ⁵⁰ Павленко П. Собр. соч.: В 6 тт. Т. 6. М., 1953. С. 441. В дальнейшем роман будет цитироваться по этому изданию с указанием в скобках страницы.
- ⁵¹ Павленко П. На Востоке (о моей книге) // Павленко П. Собр. соч.: В 6 тт. Т. 1. С. 547.
- ⁵² Маргулис Н. «Слово наше — это сила и оружие...»: литературная пропаганда в «испанском конфликте» // Культура и власть в условиях коммуникационной революции XX века. — М., 2002. С. 161
- ⁵³ Гайдар А. Воспитание мужества // Детская литература. 1941. № 2. С. 40.
- ⁵⁴ Гайдар А. Собр. соч.: В 4 тт. — М., 1960. Т. 3. С. 33. В дальнейшем тексты Гайдара будут приводиться по этому изданию с указанием в скобках номера тома и страницы.
- ⁵⁵ Военная коллективность представлена в литературе этого периода одной из основ советского строя, непонятной врагам. Переходящий советскую границу враг из стихотворения С. Михалкова «Граница» не догадывается, что вступает на территорию, где каждый воин: «И в тот же самый ранний час / Из ближнего села / Учиться в школу, в пятый класс, / Друзей ватага шла. // Шли десять мальчиков гуськом / По утренней росе, / И каждый был учеником / И ворошиловским стрелком, / И жили рядом все. // Они спешили на урок, / Но тут случилось так: // На перекрестке двух дорог / Им повстречался враг» (М и х а л к о в С. Избранное. — М., 1948. С. 16). Эта встреча оказывается смертельной для врага, которого, «глазом не моргнув», отправляют к начальнику заставы, поскольку «неписанный закон» пограничной полосы о бдительности является обязательным для исполнения всех независимо от возраста.
- ⁵⁶ Аналогичная ситуация — враг желает вызвать «тайну советской стороны» — встречается во многих других произведениях этого времени. Арестовав советский корабль, его пассажиру — пионеру Мише Королькову — японский офицер-фашист задает вопросы: «Ты живешь на Сахалине, / На советской половине. / Сколько вас учеников — / Ворошиловских стрелков?» Но, несмотря на обещание «за хорошие ответы» достать из стола «конфеты, шоколад и пастилу», Миша — член армии пионеров

дает уклончивые ответы, четко и безошибочно отвечая лишь на один вопрос: «Если каждый пионер / Кончит школу, например, / Кем захочет мальчик быть? ... – Нашей Родине служить!» (Михалков. Избранное. – М., 1948. С. 90).

- ⁵⁷ Цит. по: Га й д а р А. Собр. соч.: В 4 тт. Т. 2. – М., 1959. С. 419.
- ⁵⁸ «Большая кругом лежала земля. Большая ходила по дорогам война» (Га й д а р А. Собр. соч.: В 4 тт. – М., 1964. Т. 4. С. 75).
- ⁵⁹ Цит. по: М е л ь т ю х о в М.И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941 гг. – М., 2002. С. 346.
- ⁶⁰ Органами пропаганды немедленно были предложены новые инструкции по ведению политико-воспитательной работы среди военнослужащих и гражданского населения СССР, но на уровне искусства они реализованы не были. См. об этом, например: М о ш к и н С. В. Советская военная пропаганда накануне Великой Отечественной войны / Великая война: Великая победа и Великая трагедия. Доклады Всероссийской научной конференции (23–24 апреля 2005 года). – Екатеринбург, 2005.
- ⁶¹ В и ш н е в с к и й В.С. «...Сами перейдем в нападение». Из дневников 1939–1941 гг. // Москва. 1995. № 5. С.108–109.

*Дмитрий Хмельницкий**

РЕЧЬ ГИТЛЕРА 3 ОКТЯБРЯ 1941 ГОДА

Третьего октября 1941 г. Гитлер произнес в Берлине речь, посвященную началу третьей ежегодной кампании зимней помощи фронту. Тогда же она была опубликована в Берлине отдельной брошюрой. Эта речь интересна во многих отношениях. Во-первых, как великолепный образец пропагандистской риторики Гитлера, демонстрирующий и его ораторский талант, и его политическое мышление, и его демагогические приемы. Во-вторых, эта речь — интереснейший исторический документ, особенно важный в свете ведущихся сейчас бурных (хотя и сильно запоздавших) дискуссий о причинах начала советско-германской войны. Гитлер в своей речи рассказывает о вещах, которые были секретными в 1940–1941 гг. и оставались таковыми в СССР все последующие годы существования последнего. Имеются в виду поездка Молотова в Берлин осенью 1940 г., связанные с ней переговоры и другие обстоятельства, предшествующие нападению Германии на СССР 22 июня 1941 года.

Речь представляет собой характерную и для нацистской, и для советской пропаганды смесь вымысла с правдой. Тоталитарные вожди, как правило, вралли о своих

* Дмитрий Хмельницкий — Dr.-Ing., архитектор и историк сталинской архитектуры, живет в Берлине.

собственных действиях и намерениях, но о противниках, тем более тоже тоталитарных, иногда писали и говорили довольно точно.

Сегодня мы знаем достаточно много о той эпохе, чтобы с относительной уверенностью судить о том, что в речи Гитлера вранье, а что вполне может соответствовать действительности.

Очевидная неправда — декларации Гитлера о его стремлении к миру и о том, что «демократические ничтожества» (а именно — Черчилль) вынудили его вступить в мировую войну. Но вот его рассказ о приезде Молотова в Берлин и о предъявленных им экспансионистских требованиях выглядит вполне правдоподобным и подтверждается данными новейших исследований. Во всяком случае, иной, более убедительной версии, объясняющей намерения советского правительства на тот момент, не существует. Точно так же в целом подтверждаются и данные о потерях Красной Армии в первые три месяца войны. Они могли выглядеть фантастическими раньше, до публикации исследований В. Суворова, М. Мельтюхова и др. в отношении реального состояния Красной Армии накануне немецкого вторжения. И есть основания доверять сделанному в этой речи заявлению Гитлера, что, ясно видя растущую угрозу со стороны Советского Союза, до 22 июня 1941 г. он не подозревал, насколько далеко зашли военные приготовления СССР к нападению на Германию и Европу.

В соответствии с этим заявленный Гитлером мотив нападения на СССР — предотвращение неминуемого удара с советской стороны — можно считать в большой степени убедительным. Во всяком случае, доказательств в пользу реальности этого мотива сегодня существует больше, чем в пользу обратного.

Это подтверждается, например, записью из дневника Геббельса от 16 июня 1941 г. Дневниковую запись никоим образом нельзя считать пропагандистским материалом:

«Фюрер подробно объясняет мне положение: наступление на Россию начнется, когда закончится наше развертывание. Это произойдет в течение недели... Русские скопились прямо на границе, это для нас лучшее из того, что могло произойти. Если они, рассредоточившись, отступят в глубь страны, то будут представлять большую опасность. У них есть 180–200 дивизий, возможно даже меньше, в любом случае приблизительно столько, сколько у нас. В кадровом и техническом отношении их даже сравнивать с нами нельзя... Фюрер оценивает длительность акции в 4 месяца, я оцениваю в меньший срок. Большевизм рассыплется, как карточный домик... Мы должны действовать. Москва хочет держаться вне войны, пока Европа не устанет и не истечет кровью. Тогда Сталин захочет действовать, большевизировать Европу и вступить во власть. Эти его расчеты будут перечеркнуты...

Россия нападет на нас, если мы ослабеем, и тогда мы получим войну на два фронта, которую мы предотвращаем этой превентивной акцией. Только тогда у нас будет свободный тыл...

Мы должны также напасть на Россию, чтобы высвободить людей. Непобежденная Россия связывает 150 дивизий, которые нам срочно нужны для военной экономики. Ее нужно усилить, чтобы реализовать программы производства оружия, подводных лодок и самолетов, тогда США не смогут нам ничего сделать. У нас есть материалы, сырье и машины для трехсменной работы, но не хватает людей. Если Россия будет разбита, мы сможем высвободить целые призывные возрасты и строить, вооружаться, готовиться. Только тогда можно будет начать воздушную войну с Англией на другом уровне. Вторжение все равно малореально. Итак, речь о том, чтобы гарантировать победу иным образом...»¹

Не следует путать спор о том, действительно ли Гитлер напал на СССР потому, что опасался советского нападения, с сугубо терминологическим спором о «пре-

вентивности» немецкого нападения. Если считать (как это обычно происходит) «превентивным» нападением такое, которое лишь ненамного опережает нападение противника, то в реальности немецкое нападение было «превентивным», поскольку советское нападение, как мы теперь знаем, действительно было намечено на самое ближайшее время. Но Гитлер этого явно не знал. Немецкая разведка не смогла выявить реальный размах советских военных приготовлений, например, разглядеть армии второго советского стратегического эшелона. Немецкое руководство не ждало скорого нападения Красной Армии, но стратегическая угроза была несомненна. Поэтому в долговременном смысле немецкое нападение можно считать «превентивным».

Гитлер попал — с его точки зрения — в патовую ситуацию. Он не мог победоносно закончить войну с Англией, потому что не хватало сил для вторжения на остров, и не мог убрать войска с восточной границы, потому что тогда стало бы неминуемым советское вторжение. И не мог ждать — со временем ситуация только усугублялась. Так что его нападение на СССР даже нельзя считать авантюризмом, скорее отчаянной и рискованной попыткой переломить катастрофическую ситуацию. Авантюризмом было заключение пакта со Сталиным и расчет на то, что тот будет соблюдать договоренности и удовлетворится оговоренным пактом разделом сфер влияния.

Цель этой публикации — ввести в научный оборот никогда ранее не публиковавшийся по-русски и чрезвычайно интересный исторический документ.

РЕЧЬ АДОЛЬФА ГИТЛЕРА НА ОТКРЫТИИ 3-Й КАМПАНИИ ЗИМНЕЙ ПОМОЩИ ФРОНТУ В БЕРЛИНСКОМ ДВОРЦЕ ШПОРТПАЛАСТ 3 ОКТЯБРЯ 1941 ГОДА²

Благодарность вождя фронту и родине

Мои немецкие соотечественники и соотечественницы!

Если я сегодня после долгих месяцев снова обращаюсь к вам, то не для того, чтобы отчитаться перед теми государственными деятелями, которые недавно удивлялись моему молчанию. Потомки когда-нибудь смогут взвесить и определить, что в течение этих трех с половиной месяцев было важнее: РЕЧИ господина Черчилля или мои ДЕЙСТВИЯ.

Сегодня я пришел сюда, чтобы, как всегда, сказать несколько слов, посвященных зимней кампании по оказанию помощи фронту. Однако сегодня появление здесь далось мне нелегко, потому что в эти часы на нашем Восточном фронте начинается новая операция, представляющая собой громадное событие.

Уже 48 часов она разворачивается в гигантских масштабах! С ее помощью мы разгромим противника на востоке.

Я обращаюсь к вам от имени миллионов тех, кто в этот момент сражается, чтобы попросить вас, нашу немецкую Родину, в дополнение ко всем лишениям и в этом году взять на себя помощь фронту.

С 22 июня идет неистовая борьба, которая имеет истине решающее значение для всего мира. Размеры и последствия этого события станут ясны только потомкам. Они осознают его как поворотный пункт, с которого началось новое время.

Однако я не желал и этой борьбы.

С января 1933 г., когда провидение ниспослало мне руководство империей, только одна цель была у меня перед глазами, цель, которая в основном была намечена в программе нашей Национал-социалистической партии.

Я никогда не предавал эту цель и никогда не отступал от моей программы. Я старался тогда содействовать внутреннему возрождению народа, который, по своей вине проиграв войну, оказался в глубочайшей за всю свою историю пропасти, — это сама по себе гигантская задача! Я взял ее на себя в тот момент, когда все другие либо не справились с ней, либо перестали верить в возможность осуществления этой программы.

То, что мы за эти годы создали мирным трудом, уникально. Поэтому для меня и моих сотрудников часто оскорбительно иметь дело с теми демократическими ничтожествами, которые не в состоянии предъявить ни одного настоящего большого достижения, воплощенного ими в жизнь.

Эта война не нужна ни мне, ни моим сотрудникам для того, чтобы с ее помощью увековечить наши имена. Их увековечат наши мирные достижения, и увековечат достаточно.

И кроме того: мы не пришли к концу нашего созидательного труда, наоборот, в некоторых областях мы были в самом начале.

Так в труднейших условиях удалось осуществить внутреннее оздоровление народа. Как ни говори, в Германии нужно прокормить 140 человек на один кв. километр. Остальному миру в этом отношении легче. Но несмотря ни на что, мы решили свои проблемы, в то время как остальной демократический мир потерпел неудачу как раз при их решении.

Мы ставили перед собой следующие цели:

во-первых, внутренняя консолидация немецкой нации, во-вторых, достижение нашего равноправия с окружающим миром и

в-третьих, объединение немецкого народа и, соответственно, восстановление естественного состояния, которое в течение столетий было искусственно нарушено.

Так, мои соотечественники, с самого начала звучала наша внешняя программа, которая изначально опреде-

лила необходимые действия. Это, однако, ни в коем случае не означает, что мы когда бы то ни было стремились к войне. Непременным было только одно: мы ни при каких обстоятельствах не откажемся от восстановления немецкой свободы и, таким образом, от предпосылки национального немецкого подъема.

Исходя из этих соображений, я сделал миру множество предложений. Мне не нужно их здесь повторять — это обеспечивает ежедневная публицистическая деятельность моих сотрудников.

Сколько бы мирных предложений я ни сделал этому миру — предложений о разоружении, о мирном введении разумного экономического порядка и т.д., — они все были отклонены, и отклонены в основном теми, кто, скорее всего, не верил, что сможет с помощью мирного труда справиться с собственными задачами, или, точнее сказать, удержать руль собственного режима.

Несмотря на это, нам постепенно удалось за годы мирного труда не только провести в жизнь большие внутригосударственные реформы, но и добиться объединения немецкой нации, создать Великую немецкую империю, вернуть миллионы немецких соотечественников на их собственную родину, усилив ими, как фактором политической мощи, немецкий народ.

В это же время мне удалось приобрести ряд союзников, в первую очередь Италию, с главой которой меня связывает тесная личная дружба.

И наши отношения с Японией становятся все лучше. Кроме того, целый ряд народов и стран Европы еще с прежних времен относятся к нам по-дружески и с постоянной симпатией, прежде всего Венгрия и некоторые северные государства. К этим народам присоединились и другие, однако, к сожалению, не тот народ, за который я больше всего в моей жизни боролся, а именно — британский. Конечно, английский народ в своей массе не может нести за это ответственность. Нет, но это те немногие, кто в своей упорной ненависти и сумасбродстве саботирует

любую попытку такого понимания, поддерживаемые тем интернациональным врагом мира, которого мы все знаем, — интернациональным еврейством.

Так, к сожалению, не удалось установить между Великобританией, и прежде всего между английским народом, и Германией такую связь, на которую я всегда надеялся. Поэтому наступил день, точно как в 1914 г., когда нужно было принять твердое решение. Я не побоялся и этого. Потому что я был уверен в одном: **если нам не удалось добиться дружбы с Англией, то пусть ее враждебность настигнет Германию в тот момент, когда я сам еще стою у руководства империей. Если благодаря моим действиям и моим желаниям пойти навстречу не удалось достичь дружбы с Англией, то тогда это невозможно и в будущем; тогда не остается ничего, кроме борьбы, и я только благодарен судьбе за то, что этой борьбой могу руководить я сам.**

Я твердо убежден в том, что с этими людьми действительно не может быть никакого понимания. Это сумасшедшие глупцы, люди, которые уже в течение 10 лет не знают других слов, кроме как: **«Мы снова хотим войны с Германией!»**

Все эти годы, пока я прилагал усилия в любых обстоятельствах наладить взаимопонимание, господин Черчилль восклицал только одно: «Я хочу войну!»

Теперь он ее имеет!

И все его подстрекатели, которые не могли выдумать ничего другого, кроме того, что это будет «прелестная война», которые тогда, 1 сентября 1939 года, поздравляли друг друга с пришедшей прелестной войной, — между делом они, наверное, уже научились несколько иначе думать об этой прелестной войне!

И если им еще не пришло в голову, что для Англии эта война не будет развлечением, то достаточно скоро они это заметят, это так же очевидно, как то, что я стою здесь!

Эти подстрекатели войны — не только в Старом, но и в Новом Свете — сумели прежде всего выдвинуть вперед Польшу. Хитро убедили ее в том, что, во-первых, Герма-

ния — совсем не то, чем она притворяется, а во-вторых, в гарантиях того, что она получит необходимую помощь в любом случае. Это было то время, когда Англия еще не стояла с протянутой рукой, прося помощи у остального мира, а сама щедро обещала помощь каждому. С тех пор все значительно изменилось.

Теперь мы больше не слышим о том, чтобы Англия втягивала в войну какое-то государство с обещанием ему помогать, теперь Англия сама умоляет весь мир помочь ей в ее войне.

Именно Польше я сделал тогда предложения, о которых сегодня, после того как против нашей воли события приняли совсем иной оборот, должен сказать: только провидение помешало ей тогда принять это мое предложение. Польша точно знала, почему этого не могло быть, а сегодня и я, и мы все знаем это.

Этот заговор демократов, евреев и масонов два года назад толкнул на войну для начала Европу. Оружие должно было все решить.

С того момента ведется война между правдой и ложью, и, как всегда, эта борьба в конце концов победоносно завершится в пользу правды. Другими словами: что бы ни вращали вместе взятые британская пропаганда, международное еврейство и его демократические пособники, они не смогут изменить исторический факт. А исторический факт — это то, что не какие-то государства завоевали Берлин, что не они продвинулись на Запад или Восток,

историческая правда состоит в том, что вот уже два года, как Германия низвергает одного противника за другим.

Я этого совершенно не хотел. После первого же столкновения я снова подал им руку. Я сам был солдатом и знаю, как тяжело достаются победы, сколько связано с этим крови и нищеты, лишений и жертв. Мою руку оттолкнули еще резче, и с тех пор мы увидели, что любое мирное предложение с моей стороны тут же было интерпретировано Черчиллем и его сторонниками перед обманутыми народами как доказательство немецкой

слабости. Якобы это доказательство того, что мы не в состоянии больше бороться и стоим накануне капитуляции. И я отказался от таких попыток. Тяжелым путем пришел я к следующему убеждению:

наконец должно быть завоевано абсолютно ясное решение, решение всемирно-исторического значения на сто лет вперед!

Всегда стремясь ограничить военный размах, я решил в 1939 г. на то, что прежде всего вы, мои старые партийные соратники, понимаете с трудом, на то, что могло бы быть воспринято почти унижением человеческого достоинства: я послал тогда своего министра в Москву. Это было тяжелейшим преодолением моих чувств, но в моменты, когда речь идет о благополучии миллионов, чувства решать не могут. Я пробовал добиться взаимопонимания. Вы сами прекрасно знаете, как честно и неуклонно я выполнял свои обязательства. Ни в нашей прессе, ни на наших собраниях не было произнесено ни одного слова против России или большевизма.

К сожалению, другая сторона с самого начала этого не придерживалась. Следствием этих договоренностей стало предательство, которое ликвидировало прежде всего весь европейский северо-восток. Что для нас тогда означало быть молчаливыми свидетелями того, как задушили маленький финский народ, это все вы сами знаете. Однако я молчал. Каким ударом стал для нас наконец захват балтийских государств, может постигнуть только тот, кто знает немецкую историю и знает, что нет там ни одного квадратного километра, который не был бы однажды приобщен к человеческой культуре и цивилизации немецкими первопроходцами.

Я молчал и по этому поводу. Лишь тогда, когда от недели к неделе я все сильнее стал ощущать, что Советская Россия уже видит тот час, когда она выступит против нас, когда неожиданно в Восточной Пруссии собрались 22 советские дивизии, в то время как наших там было от силы три, когда я постепенно стал получать информацию о том, что на

нашей границе возникает аэродром за аэродромом, когда через всю гигантскую Советскую империю сюда начала катиться дивизия за дивизией, вот тогда я почувствовал себя обязанным принять меры со своей стороны.

Потому, что история не признает извинений за недосмотр, извинений, которые состоят в том, что задним числом объясняют: я это не заметил, или я в это не поверил. Стоя во главе Немецкой империи, я чувствую себя ответственным за весь немецкий народ, за его существование, за его настоящее и, насколько это возможно, за его будущее.

Поэтому я был вынужден принять защитные меры. Они были чисто оборонительного характера. Все же в августе и сентябре прошлого года нам пришлось сознаться в том, что мы не можем вести на западе войну с Англией, в которой прежде всего была бы задействована вся немецкая военная авиация, потому что за нашей спиной стояло государство, с каждым днем все более готовое к тому, чтобы напасть на нас в такой ситуации.

Но как далеко, однако, зашли эти приготовления, об этом в полной мере мы узнали только сейчас.

В тот момент я хотел еще раз прояснить ситуацию и поэтому пригласил Молотова в Берлин. Он поставил передо мной известные вам четыре условия.

Первое: Германия должна окончательно согласиться с тем, что Финляндия ликвидируется как государство, поскольку Советский Союз снова почувствовал угрозу с ее стороны. Мне не оставалось ничего, кроме как ответить отказом.

Второй вопрос касался Румынии. Он заключался в том, будут ли немецкие гарантии защищать Румынию также от Советского Союза. И здесь я должен был держаться данного мной когда-то слова. Я не жалею об этом, потому что в Румынии, в генерале Антонеску я нашел человека чести, который, со своей стороны, твердо придерживался данного слова.

Третий вопрос касался Болгарии. Молотов требовал права для Советского Союза разместить свои гарнизоны в

Болгарии и таким образом гарантировать ей свою защиту. Что это значит, мы уже прекрасно поняли на примере Эстонии, Литвы и Латвии. Я мог в этом случае сослаться на то, что такая гарантия должна быть обусловлена желанием гарантируемого. Мне о таком желании не было ничего известно, я должен был сначала навести справки и обсудить это со своими союзниками.

Четвертый вопрос касался Дарданелл. Россия требовала разместить там опорные пункты. Если сейчас Молотов будет это отрицать, я не удивлюсь. Если завтра или послезавтра его не будет в Москве, вероятно, он тоже будет отрицать, что его там нет.

Однако он поставил эти условия, и я их отклонил. Я должен был их отклонить, и одновременно мне стало ясно, что пришло время величайшей осторожности.

С этого момента я стал тщательно наблюдать за Советской Россией. Каждая дивизия, обнаруженная нами, аккуратно регистрировалась, и в ответ на это принимались меры предосторожности. Уже в мае ситуация сгустилась так, что не осталось никаких сомнений по поводу того, что Россия собиралась при первой же возможности напасть на нас. К концу мая такие моменты участились настолько, что уже невозможно было отогнать от себя мысль об угрозе борьбы не на жизнь, а на смерть.

Я должен был тогда все время молчать, и сохранять это молчание было мне вдвойне тяжело. Не так тяжело по отношению к Родине, поскольку она, в конце концов, должна была понять, что есть моменты, когда нельзя говорить без того, чтобы не подвергнуть опасности целую нацию. Гораздо тяжелее давалось мне молчание по отношению к моим солдатам, которые, дивизия к дивизии, стояли на восточной границе империи, и, тем не менее, никто не знал, что затевается, никто не имел ни малейшего понятия о том, как изменилось положение в действительности и что им, возможно, придется выступить в тяжелый, даже в наитяжелейший военный поход всех времен.

Именно из-за них мне приходилось молчать, потому что, пророни я хоть одно слово, это ни в коей мере не изменило бы решения Сталина, зато внезапность, которая осталась моим последним оружием, была бы потеряна. И любое такое заявление, любой намек стоил бы жизни сотен тысяч наших товарищей.

Поэтому я молчал даже в тот момент, когда окончательно принял для себя решение самому сделать первый шаг. Если я вижу, что мой противник вскинул ружье, я не буду ждать, пока он нажмет на курок, а лучше сделаю это первым. Это было, сейчас я могу об этом сказать, тяжелейшим решением всей моей жизни. Такой шаг открывает дверь, за которой таится неизвестность, и только потомки будут знать точно, как это началось и что произошло.

Можно только заручиться своей совестью, верой в свой народ и в созданную своими руками военную мощь и, наконец, — то, что я раньше часто говорил, — просить господ бога благословить того, кто хочет и готов свято и жертвенно бороться за свое существование.

Утром 22 июня началась эта величайшая в мировой истории битва. С тех пор прошло чуть больше трех с половиной месяцев, и я могу сегодня сделать следующее заключение:

С того момента все шло по плану!

Даже в том случае, если одиночному солдату или целой части приходилось столкнуться с неожиданностями, — все это время руководство ни на секунду не теряло контроль над ситуацией. Напротив, до сегодняшнего дня каждая акция протекала так же согласно плану, как когда-то на востоке против Польши, затем против Норвегии и, наконец, против Запада и на Балканах.

И вот что еще я должен заявить: мы не ошиблись ни в правильности наших планов, ни в исторически неповторимом мужестве немецких солдат, — наконец, мы не ошиблись и в качестве нашего оружия!

Мы не были разочарованы функционированием всей организации нашего фронта и покорения огромных внутренних пространств, и мы не обманулись в нашей Родине.

Однако в чем-то мы обманулись: мы не имели ни малейшего понятия о том, насколько гигантской была подготовка противника к нападению на Германию и Европу, о том, как невероятно велика была опасность, о том, что в этот раз мы были на волосок от уничтожения не только Германии, но и всей Европы. Сегодня я могу об этом сказать!

Я впервые говорю об этом, потому что сегодня уже могу сказать, что противник сломлен и никогда больше не оправится!

Там была сколочена такая сила, направленная против Европы, о которой, к сожалению, большинство не имело никакого представления, а многие не догадываются и по сей день. Это было бы вторым нашествием монголов под руководством нового Чингисхана.

За то, что эта опасность отведена, мы благодарны прежде всего мужеству, выносливости и жертвенности наших немецких солдат и тех, кто пошел на жертвы, маршируя с нами. Потому что впервые на нашем континенте произошло что-то вроде пробуждения Европы.

На Севере борется Финляндия — настоящий народ-герой. Он зачастую остается в одиночестве на своих широких просторах, надеясь только на свою силу, на свое мужество, героизм и упорство.

На Юге борется Румыния. Невероятно быстро оправилась она под руководством храброго и решительного человека после тяжелейшего кризиса, который только мог поразить какую-либо страну и народ.

Между ними — огромное пространство театра военных действий, от Белого моря до Черного. И на этом пространстве сражаются наши немецкие солдаты, и в их рядах, с ними вместе итальянцы, финны, венгры, румыны, словаки. Уже подходят хорваты, выступают в поход испанцы. Бельгийцы, голландцы, датчане, норвежцы,

даже французы либо уже собираются на фронт, либо скоро будут собираться.

Ход этих уникальных событий в основном уже вам известен.

В наступление пошли три немецкие группы войск. Одна должна была прорваться в центр. Цель одного из двух флангов была атаковать Ленинград, другого — оккупировать Украину. И в основном эти первые задачи были решены.

Если противники во время этих сокрушительных, невиданных в мировой истории битв часто говорили: «Почему ничего не происходит?» — на самом деле все время что-то происходило. Именно потому, что что-то происходило, мы и не могли говорить.

Если бы я сегодня должен был бы стать английским премьер-министром, я бы тоже при таких обстоятельствах постоянно что-нибудь говорил бы — потому, что там ничего не происходит. В этом и заключается разница! Мои соотечественники, я должен сегодня, здесь, перед всем немецким народом это сказать: часто было просто невозможно что-либо говорить — не потому, что не хотелось воздать по достоинству непрекращающимся громадным успехам наших солдат, а потому, что мы не имели права заранее оповещать противника о ситуациях, о которых он, благодаря убожеству своей разведывательной службы, узнавал иногда днями, а иногда неделями позже.

Потому что я уже опубликовал это в сводке вермахта. Сводки вермахта — это правдивые сводки. Если какой-нибудь британский газетный олух заявляет, что это должно быть сначала подтверждено: сводки вермахта до сегодняшнего дня были достаточно подтверждены!

Нет никаких сомнений в том, что в Польше победили мы, а не Польша, хотя британская пресса утверждала иное.

Нет сомнений и в том, что в Норвегии победили мы, а не англичане.

Нет сомнений, что Германия победила Францию, а не наоборот.

В конце концов, нет никаких сомнений в том, что в Бельгии и Голландии имели успех мы, а не англичане. И нет сомнений в том, что в Греции находимся мы, а не англичане или новозеландцы, и на Крите не они, а мы. Таким образом, сводки немецких вооруженных сил говорят правду, а не... (конец предложения тонет в громогласном ликовании тысяч людей).

И теперь на востоке то же самое. По версии англичан, в течение трех месяцев мы терпели там поражение за поражением. Но мы стоим в тысяче километров от нашей границы, мы стоим восточней Смоленска, мы стоим у Ленинграда и мы стоим на Черном море. Мы стоим у Крыма, а не русские на Рейне. Если до сих пор советские постоянно побеждали, то получается, что они не сумели воспользоваться своими победами и после каждой победы немедленно отступали на 100 или 200 километров, возможно, чтобы заманить нас в глубь своей территории!

В остальном о масштабах этой борьбы говорят цифры

Среди вас много тех, кто участвовал еще в Первой мировой войне, и они знают, что такое брать пленных и одновременно захватывать 100 километров территории.

Число советских военнопленных выросло примерно до 2,5 миллиона.

Число захваченных или уничтоженных орудий — короче говоря, тех, что находятся у нас в распоряжении, — составляет уже 22 тысячи.

Число уничтоженных или захваченных, то есть находящихся в нашем распоряжении, танков составляет сейчас более 18 тысяч.

Число уничтоженных, разбитых и сбитых самолетов превышает 14,5 тысячи.

И позади наших войск лежит уже пространство по пло-

щади в два раза большее, чем была немецкая империя в тот момент, когда я получил власть в 1933 г., или в четыре раза большее, чем Англия.

Если считать по прямой, то наши солдаты преодолели на сегодня от 800 до 1000 километров. Это по прямой. Если считать в километрах похода, то это часто в полтора или в два раза больше, — на гигантской линии фронта, имея перед собой противника — это я должен сказать, — состоящего не из людей, а из зверей, из чудовищ.

Мы уже увидели, что большевизм может сделать из людей. Мы не можем показать Родине картины увиденного. Это самое ужасающее из того, что может выдумать человеческий мозг, — противник, который сражается, с одной стороны, из-за звериной кровожадности и, с другой стороны, из трусости и страха перед своими комиссарами.

Такова страна, с которой после почти 25-летнего большевистского бытия познакомились наши солдаты.

И я знаю одно: тот, кто там побывал и в глубине своего сердца оставался немного коммунистом, пусть даже в идеальном смысле, он вернется излеченным от этого. В этом вы можете быть уверены!

«Рай для рабочих и крестьян» я всегда описывал правильно. Когда закончится этот поход, пять или шесть миллионов солдат подтвердят, что я говорил правду. Они будут свидетелями, к которым я тогда смогу обратиться. Они маршировали по улицам этого рая. Они не могли жить в нищих хижинах этого рая, они туда даже не заходили, если не было острой необходимости. Они видели устройство этого рая.

Это не что иное, как одна-единственная фабрика по производству оружия за счет снижения жизненного уровня людей. Фабрика оружия, направленного против Европы!

И над этим ужасающим, жестоким, звериным противником с его мощным вооружением наши солдаты одерживали сокрушительные победы. Я не знаю слов, соответствующих

их заслугам. Храбрость и мужество, которые они постоянно проявляют, невероятное напряжение — это непредставимо!

Неважно, идет ли речь о танковых дивизиях или моторизованных соединениях, о нашей артиллерии или саперах, возьмем ли мы наших летчиков — истребителей, пикирующих бомбардировщиков или штурмовиков, — подумаем ли мы о военно-морском флоте, о командах подводных лодок, заговорим ли мы, наконец, о наших горных войсках на Севере или о солдатах наших Ваффен-СС: все одинаковы! Но всех их — и это я снова хочу подчеркнуть особо — превосходит в своих успехах немецкий пехотинец, немецкий мушкетер!

Ведь, друзья мои, там есть наши дивизии, которые с весны прошли пешком от двух с половиной до трех тысяч километров, многие дивизии оставили за собой тысячу, и полторы, и две тысячи километров. Это только произвести легко.

Я могу сказать только одно: если речь идет о молниеносной войне, то наши солдаты заслуживают того, чтобы их успехи называли молниеносными. Потому что в истории такого еще не было, чтобы кто-то превзошел их в продвижении вперед, в лучшем случае некоторые английские части при отступлении.

Были в истории несколько молниеносных отступлений, которые превзошли по скорости эти действия. Но тогда не шла речь о таких больших расстояниях, поскольку с самого начала все происходило вблизи побережья.

Я не хочу этим хулить противника; я хочу только воздать немецкому солдату справедливость, которую он заслуживает!

Он достиг невозможного!

И с ним вместе — все те организации, чьи люди сегодня рабочие и одновременно солдаты. Потому что на этих громадных пространствах сегодня практически каждый — солдат. Каждый рабочий, каждый железнодорожник — солдат.

На всей этой территории каждый должен служить с оружием. А это огромная территория! То, что было создано позади линии фронта, в своем роде так же огромно, как и достижения на фронте. Восстановлено более 25 тысяч километров русских железных дорог, более 15 тысяч километров из них перестроено на немецкую колею. Знаете ли вы, мои соотечественники, что это значит? Это значит, что самая длинная железная дорога, когда-то пересекавшая Немецкую империю, примерно от Щецина до баварских гор — линия длиной около 1000 километров — была переделана в пятнадцатикратном размере на немецкую колею...

Родина, возможно, еще не в состоянии оценить, сколько труда и пота это стоило. И за всем этим стоят батальоны рабочей службы, наших организаций, прежде всего организация Тодта и организаций нашего берлинца Шпеера, и все те, кто им помогает. На службе всего этого гигантского фронта стоит наш Красный Крест, стоят офицеры-врачи, медицинский персонал и сестры Красного Креста. Они все истинно жертвуют собой! А позади этого фронта уже организуется новая администрация, которая должна будет позаботиться о том, чтобы, если эта война продлится дольше, извлечь для немецкой Родины и наших союзников пользу из этих огромных пространств. Польза от них будет громадной, и ни у кого не может быть сомнений, что мы сумеем организовать эти территории.

Рисуя вам несколькими штрихами картину уникальных достижений наших солдат и всех тех, кто сегодня воюет или работает на востоке, я хочу также передать Родине благодарность фронта!

Благодарность наших солдат за оружие, которое создала Родина, за это превосходное и первоклассное оружие, благодарность за боеприпасы, которые в этот раз, в противоположность Первой мировой войне, поставляются в неограниченном количестве. Сегодня это только проблема транспорта. У нас такие запасы, что в середине этой гигантской войны я могу на большой территории остановить дальнейшее производство оружия, поскольку знаю, что нет

уже такого противника, которого мы бы не победили с уже имеющимся количеством боеприпасов.

Если вы иногда читаете в газетах что-то о гигантских планах других государств, что они думают сделать и что они желают **начать**, и если при этом вы слышите миллиардные суммы, тогда, мои соотечественники, вспомните о том, что я сейчас скажу:

1. Мы тоже ставим на службу нашей борьбы целый континент.

2. Мы говорим не о капитале, а о рабочей силе, и эту рабочую силу мы используем на сто процентов.

3. Если мы не говорим об этом, это не значит, что мы ничего не делаем.

Я знаю точно, что другие могут все лучше нас. Они строят несокрушимые танки, они быстрее наших, с более мощной броней, чем наши, их пушки лучше наших, и им вообще не нужен бензин.

Но в бою пока что их всюду расстреливали мы! И это главное!

Они строят чудо-самолеты. Они всегда делают удивительные вещи, невероятные, даже технически невероятные. Но нет у них пока машин, превосходящих наши.

И машины, которые у нас сегодня ездят, стреляют или летают, — не те машины, которые будут ездить, летать и стрелять в будущем году!

Я полагаю, что этого достаточно для каждого немца. Обо всем остальном позаботятся наши изобретатели, наши немецкие рабочие и работницы.

За спиной у этого фронта, где идут на жертвы, презирают смерть и не щадят жизни, находится фронт Родины, фронт, образованный городом и деревней. Миллионы немецких крестьян, значительную часть которых составляют старики, подростки и женщины, выполняют свой долг наилучшим образом. Миллионы и миллионы немецких рабочих в непрестанном труде — их достижения поразительны. **И над этим всем снова немецкая женщи-**

на, немецкая девушка, заменившая миллионы мужчин, ушедших на фронт.

Мы действительно можем сказать: впервые в истории в борьбе участвует целый народ — частично на фронте, частично на Родине.

Когда я об этом говорю, то, как старый национал-социалист, я вынужден признать: мы узнали две крайности. Одна — это капиталистические государства, которые с помощью лжи и обмана отказывают своим народам в самых естественных человеческих правах, которые заняты исключительно своими финансовыми интересами, ради которых готовы принести в жертву миллионы людей. С другой стороны мы видим коммунистическую крайность, государство, принесшее невыразимую нищету миллионам и миллионам и приносит в жертву своей доктрине счастье других людей.

Из всего этого, на мой взгляд, вытекает одно обязательство: стремиться к нашему национальному и социалистическому идеалу больше, чем когда-либо! Потому что одно мы должны осознавать ясно: когда однажды эта война закончится, ее выиграет немецкий солдат, который вышел из крестьянских дворов, с фабрик и т.д., который в общем и целом действительно представляет массу нашего народа. И эту войну выиграет немецкая Родина с миллионами рабочих и работниц, крестьян и крестьянок. Ее выиграют созидающие люди, в конторах и на заводах. Все эти миллионы трудящихся людей, они ее выиграют! И именно на таких людей должно равняться наше государство.

Когда закончится эта война, я вернусь с нее еще более фанатическим национал-социалистом, чем был раньше!

Точно так же будет и с теми, которые призваны к руководству; потому что в этом государстве царит не так называемый принцип равенства, как в Советской России, а принцип справедливости. Кто может быть ру-

ководителем, в политике ли, в армии или в экономике, тем мы всегда дорожим. Но так же ценен тот, без чьего содействия любое руководство останется бесполезным, всего лишь игрой мысли. И это решающее.

Немецкий народ может сегодня гордиться: у него самые лучшие политические руководители, самые лучшие военачальники, самые лучшие инженеры, самые лучшие экономисты и организаторы, но у него и самые лучшие рабочие и самые лучшие крестьяне.

Соединить всех этих людей в одно целое — это была когда-то задача, которую мы как национал-социалисты ставили перед собой, задача, которая для нас сегодня яснее, чем когда-либо.

Я вернусь с этой войны снова с моей старой партийной программой, выполнение которой кажется мне теперь еще более важным, чем в первый день.

Сознание этого и привело меня сюда сегодня, чтобы коротко выступить перед немецким народом. Ибо в зимней кампании по оказанию помощи фронту содержится еще одна возможность проявить дух этой общности.

Жертвы на фронте не могут быть оплачены ничем!

Но и достижения Родины выдержат испытание историей!

Необходимо, чтобы солдат на фронте знал, что дома Родина заботится как только может о его близких и о нем. Он должен это знать, и должно так случиться, что когда-нибудь наряду с гигантскими успехами на фронте и Родина примет свои заслуженные почести.

Каждый знает, что он должен делать в это время. Каждая женщина, каждый мужчина — они знают, что от них требуется и что они обязаны дать.

Если вы пройдете по улице и вас одолеют раздумья — должны ли вы еще что-то дать, нужно ли это сделать или нет, посмотрите по сторонам: возможно, вы встретите кого-то, кто пожертвовал Германии гораздо больше, чем вы.

Только тогда, когда весь немецкий народ станет обществом, способным на жертвы, только тогда мы можем

надеяться и ожидать того, что и в будущем провидение не оставит нас.

Господь бог еще никогда не помог ни одному лентяю, он не помогает также трусам и ни в коем случае не помогает тому, кто не хочет помочь себе сам. Здесь, по большому счету, действует следующий принцип:

Народ, помоги себе сам, тогда и господь не откажет тебе в своей помощи!

Приложение:

Оригинальный текст речи Гитлера 3 октября 1941 года

**REDE ADOLF HITLERS
ZUR ERÖFFNUNG DES 3. KRIEGS-WINTERHILFS
WERKES IM BERLINER SPORTPALAST AM 3.
OKTOBER 1941**

Der Dank des Führers an Front und Heimat

Meine deutschen Volksgenossen und -genossinnen!

Wenn, ich heute nach langen Monaten wieder zu Ihnen spreche, dann geschieht es nicht, um etwa einem jener Staatsmänner Rede und Antwort zu stehen, die sich vor kurzem wunderten, warum ich solange geschwiegen habe. Die Nachwelt wird einmal abwägen und feststellen können, was in diesen dreieinhalb Monaten mehr Gewicht hatte: Die Reden des Herrn Churchill oder meine Handlungen.

Ich bin heute hierher gekommen, um wie immer dem Winterhilfswerk eine kurze Einleitung zu geben. Dieses Mal wurde mir das Herkommen allerdings sehr schwer, weil sich in diesen Stunden an unserer Ostfront eine neu eingeleitete Operation wieder als gewaltiges Ereignis vollzieht.

Seit 48 Stunden ist sie in gigantischem Ausmaß im Gange! Sie wird mithelfen, den Gegner im Osten zu zerschmettern.

Ich spreche nunmehr zu Ihnen im Namen der Millionen, die in diesem Augenblick kämpfen, um Sie, die deutsche Heimat, aufzufordern, zu allen sonstigen Opfern auch in diesem Jahr das zusätzliche des Winterhilfswerkes auf sich zu nehmen.

Seit dem 22. Juni tobt ein Kampf von einer wahrhaft weltentscheidenden Bedeutung. Umfang und Auswirkung dieses Ereignisses wird erst eine Nachwelt klar erkennen. Sie wird dereinst feststellen, daß damit eine neue Zeitenwende begann.

Aber auch dieser Kampf wurde von mir nicht gewollt.

Seit dem Januar 1933, in dem mir die Vorsehung die Führung und Lenkung des Reiches anvertraute, hatte ich ein Ziel vor Augen, das im wesentlichen im Programm unserer nationalsozialistischen Partei umrissen war. Ich bin diesem Ziel nie untreu geworden, ich habe mein Programm niemals aufgegeben. Ich habe mich damals bemüht, den inneren Wiederaufbau eines Volkes herbeizuführen, das nach einem durch eigene Schuld verlorenen Krieg den tiefsten Sturz in seiner Geschichte hinter sich hatte: – Allein schon eine riesenhafte Aufgabe! Ich begann dabei diese Aufgabe in dem Augenblick, als alle anderen an ihr entweder gescheitert waren, oder nicht mehr an die Möglichkeit der Erfüllung eines solchen Programms glaubten.

Was wir nun in diesen Jahren im friedlichen Aufbau geleistet haben, ist einmalig. Für mich und meine Mitarbeiter ist es daher oft geradezu eine Beleidigung, uns mit jenen demokratischen Nullen abgeben zu müssen, die selbst noch auf keine einzige wahre große Lebensleistung zurückzublicken in der Lage sind.

Ich und meine Mitarbeiter hätten diesen Krieg nichtnotwendig gehabt, um dadurch etwa unsere Namen zu verewigen. Dafür würden die Werke des Friedens gesorgt haben, und zwar genügend gesorgt. Und außerdem: Wir waren nicht etwa am Ende unserer schöpferischen Arbeit angekommen, sondern wir standen auf manchen Gebieten erst am Beginn.

So war die innere Sanierung des Reiches unter den schwersten Voraussetzungen gelungen. Denn immerhin müssen in Deutschland 140 Menschen auf den Quadratkilometer ernährt werden. Die andere Welt hat es hier leichter. Trotzdem aber haben wir unsere Probleme gelöst, während die andere demokratische Welt zum großen Teil gerade an diesen Problemen scheiterte.

Unsere Ziele waren dabei folgende:

**erstens, die innere Konsolidierung der deutschen Nation,
zweitens, die Erringung unserer Gleichberechtigung nach außen und**

drittens, die Einigung des deutschen Volkes und damit die Wiederherstellung eines naturgegebenen Zustandes, der durch Jahrhunderte nur künstlich unterbrochen worden war.

Damit, meine Volksgenossen, war also auch unser äußeres Programm von vornherein festgelegt, die dazu nötigen Maßnahmen von vornherein bestimmt. Keineswegs aber war damit gesagt, daß wir jemals nach einem Kriege strebten. Nur eins war sicher, daß wir unter keinen Umständen auf die Wiederherstellung der deutschen Freiheit und damit auf die Voraussetzung zum deutschen Wiederaufstieg verzichten würden.

Ich habe aus diesen Gedanken heraus der Welt sehr viele Vorschläge unterbreitet. Ich brauche sie hier nicht zu wiederholen; das besorgt die tägliche publizistische Tätigkeit meiner Mitarbeiter. Wieviele Friedensangebote ich aber auch dieser anderen Welt machte, Abrüstungsvorschläge, Vorschläge zur friedlichen Herbeiführung neuer vernünftiger wirtschaftlicher Ordnungen usw. — sie sind alle abgelehnt worden, und zwar im wesentlichen von jenen abgelehnt worden, die ersichtlich nicht glaubten, durch eine Friedensarbeit ihre eigenen Aufgaben erfüllen oder besser gesagt, ihr eigenes Regime am Ruder erhalten zu können.

Trotzdem ist es uns allmählich gelungen, in jahrelanger friedlicher Arbeit nicht nur das innere große Reformwerk durchzuführen, sondern auch die Einigung der deutschen Nation einzuleiten, das Großdeutsche Reich zu schaffen, Millionen deutscher Volksgenossen wieder in ihre eigentliche Heimat zurückzuholen und damit auch das Gewicht ihrer Zahl dem deutschen Volk als machtpolitischen Faktor zur Verfügung zu stellen.

In dieser Zeit gelang es mir, eine Anzahl von Bundesgenossen zu erwerben, an der Spitze Italien, mit dessen Staatsmann mich eine persönliche enge und innige Freundschaft verbindet.

Auch zu Japan wurden unsere Beziehungen immer besser. In Europa hatten wir außerdem von früher her eine Reihe von Völkern und Staaten, die uns in einer immer gleich bleibenden Sympathie freundschaftlich gegenüberstanden, vor allem Un-

garn und einige nordische Staaten. Es sind zu diesen Völkern andere hinzugekommen, leider nicht das Volk, um das ich in meinem Leben am meisten geworben habe, das britische. Nicht, daß etwa das englische Volk in seiner Gesamtheit dafür allein die Verantwortung trägt. Nein: aber einige Menschen sind es, die in ihrem verbohrtten Haß und Wahnwitz jeden solchen Versuch einer Verständigung sabotierten, unterstützt von jenem internationalen Weltfeind, den wir alle kennen, dem internationalen Judentum.

So gelang es leider nicht, Großbritannien, vor allem **das englische Volk**, mit Deutschland in jene Verbindung zu bringen, die ich immer erhofft hatte. Deshalb kam eben, genau wie 1914, der Tag, da die harte Entscheidung getroffen werden mußte. Ich bin nun allerdings auch davor nicht zurückgeschreckt. Denn überfeines war ich mir im Klaren: **Wenn es eben nicht gelingen konnte, die englische Freundschaft zu eringen, dann war es besser, seine Feindschaft traf Deutschland in einem Augenblick, in dem ich selbst noch an der Führung des Reiches stand. Denn wenn durch meine Maßnahmen und durch mein Entgegenkommen diese englische Freundschaft nicht zu erwerben war, dann war sie für alle Zukunft verloren; dann blieb nichts anderes übrig, als der Kampf, und ich bin dem Schicksal nur dankbar, daß denn dieser Kampf von mir selbst geführt, werden kann.**

Ich bin daher auch der Überzeugung, daß es mit diesen Männern wirklich keine Verständigung gibt. Es sind das wahn-sinnige Narren, Leute, die schon seit zehn Jahren kein anderes Wort mehr kannten als das eine: «Wir wollen wieder einen Krieg mit Deutschland!»

Denn in all den Jahren, in denen ich mich bemühte, unter allen Umständen eine Verständigung herbeizuführen, da hat Herr Churchill immer nur eines gerufen: «Ich will meinen Krieg haben!»

Er hat ihn jetzt!

Und alle seine Mithetzer, die nichts anderes zu sagen wußten, als daß das «ein reizender Krieg» sein wird, und die sich damals am 1. September 1939 gegenseitig beglückwünschten

zu diesem kommenden reizenden Krieg. — Sie werden wohl unterdes über diesen reizenden Krieg schon jetzt anders denken gelernt haben!

Und wenn sie es noch nicht wissen sollten, daß dieser Krieg für England keine reizende Sache wird, so werden sie es sicher mit der Zeit noch merken, so wahr ich hier stehe!

Diese Kriegshetzer — nicht nur in der Alten, sondern auch in der Neuen Welt — haben es fertiggebracht, zunächst Polen vorzuschieben. Schlau haben sie ihm eingeredet, daß erstens Deutschland sowieso nicht das sei, was es zu sein vorgebe, und zweitens, daß man ja die Garantie besäße, unter allen Umständen die notwendige Hilfe zu bekommen. Das war die Zeit, in der England noch nicht seinerseits in der Welt um Hilfe herumgebettelt hat, sondern noch jedem großmütig seine Hilfe versprach. Das hat sich ja seitdem schon wesentlich geändert.

Jetzt hören wir ja nicht mehr, daß England einen Staat in den Krieg führt mit dem Versprechen, ihm zu helfen, sondern jetzt hören wir, daß England in der Welt herumbettelt, es möchte ihm in seinem Krieg geholfen werden.

Ich habe damals gerade Polen gegenüber Vorschläge gemacht, von denen ich heute, nachdem die Ereignisse gegen unseren Willen einen anderen Verlauf genommen haben, geradezu sagen muß: Es war doch die Vorsehung, die es damals verhindert hat, daß dieses mein Angebot angenommen wurde. Sie hat wohl gewußt, warum das nicht so sein durfte, und heute weiß auch ich es, und wir alle wissen es!

Diese Verschwörung von Demokraten, Juden und Freimaurern hat es also damals vor zwei Jahren fertiggebracht, zunächst Europa in den Krieg zu stürzen. Es mußten die Waffen entscheiden.

Seitdem findet nun ein Kampf statt zwischen der Wahrheit und der Lüge, und wie immer, so wird aber auch dieser Kampf am Ende für die Wahrheit siegreich ausgehen. Das heißt mit anderen Worten: Was immer auch die britische Propaganda, was immer das internationale Welt Judentum und seine demokratischen Helfershelfer zusammenlügen, an den historischen Tatsachen werden sie nichts ändern! Und die historische Tat-

sache ist, daß nicht die anderen Staaten etwa Berlin erobert haben, daß sie nicht nach dem Westen oder nach dem Osten vorgerückt sind,

sondern die historische Wahrheit ist, daß seit nunmehr zwei Jahren Deutschland einen Gegner nach dem ändern niedergeworfen hat.

Ich habe das gar nicht gewollt. Sofort nach der ersten Auseinandersetzung gab ich ihnen wieder meine Hand. Ich war selbst Soldat und weiß, wie schwer Siege zu erkämpfen, wieviel Blut und Elend, Jammer, Entbehrungen und Opfer damit verbunden sind. Meine Hand wurde aber noch brücker zurückgestoßen, und seitdem haben wir es ja erlebt, daß jedes Friedensangebot von mir sogleich dem Kriegshetzer Churchill und seinem Anhang dazu diente, um den betrogenen Völkern zu erklären, das sei der Beweis der deutschen Schwäche. Das sei der Beweis, daß wir nicht, mehr kämpfen könnten und vor der Kapitulation stünden. Ich habe es daher aufgegeben, noch einmal diesen Weg zu versuchen. Ich habe mich zu der Überzeugung durchgerungen:

Hier muß nunmehr eine ganz klare Entscheidung, und zwar eine weltgeschichtliche Entscheidung, für die nächsten hundert Jahre erkämpft werden!

Immer in dem Bestreben, den Umfang des Krieges zu begrenzen, habe ich mich im Jahre 1939 zu etwas entschlossen, was vor allem Sie, meine alten Parteigenossen, als das schwerste begreifen, was ich, ich möchte fast sagen, an menschlicher Demütigung hinnehmen mußte: Ich habe damals meinen Minister nach Moskau geschickt. Es war die bitterste Überwindung meines Gefühls, aber in solchen Augenblicken, in denen es sich um das Wohl von Millionen anderer handelt, darf ja nicht das Gefühl entscheiden. Ich habe versucht, hier zu einer Verständigung zu kommen. Sie wissen selber am besten, wie ehrlich und aufrichtig ich diese Verpflichtungen dann gehalten habe. Weder in unserer Presse ist damals auch nur ein Wort mehr gegen Rußland geschrieben, noch in unseren Versammlungen ein Wort über den Bolschewismus gesagt worden.

Leider hat sich die andere Seite von Anfang an nicht daran

gehalten. Die Folge dieser Abmachungen war ein Verrat, der zunächst den ganzen Nordosten Europas liquidierte. Was es für uns damals bedeutete, stillschweigend zusehen zu müssen, als das kleine finnische Volk abgewürgt wurde, das wissen Sie alle selbst. Ich habe aber geschwiegen. Wie es uns endlich traf, als die baltischen Staaten ebenfalls überwältigt wurden, das kann nur der ermessen, der die deutsche Geschichte kennt und weiß, daß es dort keinen Quadratkilometer gibt, der nicht einst durch deutsche Pionierarbeit der menschlichen Kultur und Zivilisation erschlossen worden war.

Trotzdem habe ich auch dazu geschwiegen, erst als ich von Woche zu Woche mehr empfand, daß Sowjetrußland nunmehr die Stunde gekommen sah, gegen uns selbst vorzugehen, als sich in einem Augenblick, da wir knapp drei Divisionen in Ostpreußen besaßen, 22 sowjetische Divisionen dort ansammelten, als ich allmählich die Unterlagen erhielt, wie an unserer Grenze Flugplatz an Flugplatz entstand, wie eine Division nach der anderen aus dem riesenhaften Sowjetreich hierher zusammengeballt wurde, da war ich nun verpflichtet, auch meinerseits besorgt zu sein.

Denn es gibt in der Geschichte keine Entschuldigung für ein Versehen, eine Entschuldigung, die etwa darin besteht, daß man nachträglich erklärt: ich habe das nicht gemerkt oder ich habe nicht daran geglaubt. An der Spitze des Deutschen Reiches stehend, fühle ich mich nun einmal verantwortlich für das deutsche Volk, für sein Dasein, für seine Gegenwart und, soweit möglich, gerade auch für seine Zukunft.

Ich war daher gezwungen, Abwehrmaßnahmen einzuleiten. Sie waren rein defensiver Natur. Immerhin ergab sich bereits im August und September des vergangenen Jahres eine Erkenntnis: Eine Auseinandersetzung im Westen mit England, die vor allem die ganze deutsche Luftwaffe gebunden hätte, war nicht mehr möglich, denn in unserem Rücken stand ein Staat, der sich täglich mehr fertig machte, in einem solchen Augenblick gegen das Reich vorzugehen.

Wie weit allerdings diese seine Vorbereitungen bereits getroffen waren, das haben wir erst jetzt in vollem Umfang kennengelernt.

Ich wollte damals noch einmal das ganze Problem klären und habe deshalb Molotow nach Berlin eingeladen. Er stellte mir die Ihnen bekannten vier Bedingungen.

Erstens: Deutschland müsse endgültig einwilligen, daß, nachdem sich die Sowjetunion erneut von Finnland bedroht fühlte, sie zu einer Liquidierung Finnlands schreiten dürfte. Ich konnte nicht anders, als diese Zustimmung verweigern.

Die zweite Frage betraf Rumänien. Es war die Frage, ob die deutsche Garantie Rumänien auch gegen Sowjetrußland schützen würde. Ich mußte auch hier zu meinem einmal gegebenen Wort stehen. Ich bereue es nicht, daß ich es getan habe, denn ich habe auch in Rumänien in General Antonescu einen Ehrenmann gefunden, der auch seinerseits blind zu seinem Wort gestanden hat.

Die dritte Frage betraf Bulgarien, Molotow forderte, daß Sowjetrußland das Recht erhalte, nach Bulgarien Garnisonen zu legen, um damit über diesen Staat eine russische Garantie auszuüben. Was das heißt, wußten wir ja unterdes von Estland, Lettland und Litauen her zur Genüge. Ich konnte mich hier darauf berufen, daß eine solche Garantie doch bedingt sei von dem Wunsch des zu Garantierenden. Mir sei aber von einem solchen Wunsche nichts bekannt, und ich müßte mich daher erst rück erkundigen und mich mit meinen Verbündeten besprechen.

Die vierte Frage betraf die Dardanellen. Rußland forderte Stützpunkte an den Dardanellen. Wenn Molotow das jetzt abzustreiten versucht, ist es nicht weiter verwunderlich. Er wird, wenn er morgen oder übermorgen nicht mehr in Moskau sein wird, wahrscheinlich auch abstreiten, daß er nicht mehr in Moskau ist.

Er hat aber diese Forderungen gestellt, und ich habe sie abgelehnt. Ich mußte sie ablehnen, und damit war ich mir allerdings klar, daß nunmehr höchste Vorsicht am Platze war. Ich habe seitdem Sowjetrußland sorgfältig beobachtet. Jede Division, die wir feststellen konnten, wurde bei uns gewissenhaft eingetragen und durch Gegenmaßnahmen pflichtgemäß beantwortet. Die Lage war bereits im Mai so weit verdüstert, daß es keinen Zweifel mehr darüber geben konnte, daß Ruß-

land die Absicht hatte, bei der ersten Gelegenheit über uns herzufallen. Gegen Ende Mai verdichteten sich diese Momente so, daß man nunmehr den Gedanken einer drohenden Auseinandersetzung auf Leben und Tod nicht mehr von sich weisen konnte.

Ich mußte nun damals immer schweigen, und es ist mir das doppelt schwer geworden. Nicht so schwer vielleicht der Heimat gegenüber; denn letzten Endes muß sie begreifen, daß es Augenblicke gibt, in denen man nicht reden kann, wenn man nicht die ganze Nation in Gefahr bringen will. Viel schlimmer ist mir das Schweigen meinen Soldaten gegenüber gefallen, die nun Division an Division an der Ostgrenze des Reiches standen und doch nicht wußten, was eigentlich vor sich ging, die keine Ahnung hatten von dem, was sich unterdes in Wirklichkeit verändert hatte, und die aber eines Tages vielleicht zu einem schweren, ja, dem schwersten Waffengang aller Zeiten antreten mußten.

Und gerade ihretwegen durfte ich ja nicht reden, denn hätte ich auch nur ein Wort verloren, dann hätte dies nicht im geringsten Herrn Stalins Entschluß geändert, aber die Überraschungsmöglichkeit, die mir als letzte Waffe blieb, wäre dann weggefallen. Und jede solche Vorankündigung, ja jede Andeutung hätte Hunderttauseriden von unseren Kameraden das Leben gekostet.

Ich habe deshalb auch in dem Augenblick noch geschwiegen, in dem ich mich endgültig entschloß, nunmehr selber den ersten Schritt zu tun. Denn wenn ich schon einmal sehe, daß ein Gegner das Gewehr anlegt, dann werde ich nicht warten, bis er abzieht, sondern dann bin ich entschlossen, lieber selber vorher abzudrücken. Es war, das darf ich hier heute aussprechen, der schwerste Entschluß meines ganzen bisherigen Lebens. Ein jeder solcher Schritt öffnet ein Tor, hinter dem sich nur Geheimnisse verbergen, und erst die Nachwelt weiß genau, wie es kam und was geschah.

So kann man sich nur im Innern mit seinem Gewissen abfinden, das Vertrauen auf sein Volk, auf die selbstgeschmiedete Waffenstärke unc. schließlich – was ich früher oft sagte – den

Herrgott bitten, daß er dem den Segen gibt, der selbst bereit und gewillt ist, heilig und opfervoll für sein Dasein zu kämpfen.

Am 22. Juni morgens setzte nun dieser größte Kampf der Weltgeschichte ein. Seitdem sind etwas über 3Vüs Monate vergangen, und ich kann heute hier eine Feststellung treffen:

Es ist alles seitdem planmäßig verlaufen!

Was immer auch vielleicht im einzelnen der Soldat oder die Truppe an überraschendem erleben mußte – der Führung ist in dieser ganzen Zeit in keiner Sekunde das Gesetz des Handelns aus der Hand gewunden worden. Im Gegenteil: Bis zum heutigen Tage ist jede Aktion genau so planmäßig verlaufen wie einst im Osten gegen Polen, dann gegen Norwegen und endlich gegen den Westen und auf dem Balkan.

Und noch eines muß ich hier feststellen: Wir haben uns weder in der Richtigkeit der Pläne getäuscht, noch in der einmaligen geschichtlichen Tapferkeit des deutschen Soldaten – wir haben uns schließlich auch nicht getäuscht über die Güte unserer Waffen!

Wir haben uns nicht getäuscht über das reibungslose Funktionieren unserer ganzen Organisation der Front, über die Beherrschung der gigantischen hinteren Räume und auch nicht getäuscht über die deutsche Heimat.

Wir haben uns aber über etwas getäuscht: Wir hatten keine Ahnung davon, wie gigantisch die Vorbereitungen dieses Gegners gegen Deutschland und Europa waren, und wie ungeheuer groß diese Gefahr war, wie haarscharf wir diesmal vorbeigekommen sind an der Vernichtung nicht nur Deutschlands, sondern ganz Europas. Das kann ich heute hier aussprechen.

Ich spreche das erst heute aus, weil ich es heute sagen darf, daß dieser Gegner bereits gebrochen ist und sich nie mehr erheben wird!

Hier hat sich gegen Europa eine Macht zusammengeballt, von der leider die meisten keine Ahnung hatten und viele heute noch keine Ahnung besitzen. Es wäre dies ein zweiter Mongolensturm eines neuen Dschingis Khan geworden.

Daß diese Gefahr abgewendet wurde, das verdanken wir zunächst der Tapferkeit, der Ausdauer und Opferwilligkeit unserer deutschen Soldaten und dann auch den Opfern aller derer, die mit uns marschieren sind. Denn zum erstenmal ist diesmal doch so etwas wie ein europäisches Erwachen durch diesen Kontinent gegangen.

Im Norden kämpft Finnland – ein wahres Heldenvolk! In seinen weiten Räumen steht es oft ganz allein, nur auf seine eigene Kraft, auf seinen Mut, auf seine Tapferkeit und seine Zähigkeit angewiesen.

Im Süden kämpft Rumänien. Es hat sich aus einer der schwersten Staatskrisen, die ein Volk und ein Land befallen können, in erstaunenswerter Schnelligkeit erholt, unter einem ebenso tapferen wie entschlußfreudigen Mann.

Und damit umfassen wir auch bereits die ganze Weite dieses Kriegsschauplatzes vom Weißen bis zum Schwarzen Meer. Und in diesen Räumen kämpfen nun unsere deutschen Soldaten und in ihren Reihen und mit ihnen gemeinsam Italiener, die Finnen, die Ungarn, die Rumänen, Slowaken. Kroaten sind im Anmarsch, Spanier – sie rücken jetzt in die Schlacht. Belgier, Holländer, Dänen, Norweger, ja selbst Franzosen sind eingerückt in die große Front oder werden es demnächst sein.

Der Ablauf dieses einmaligen Geschehens ist Ihnen, soweit es zurückliegt, im großen bereits jetzt bekannt.

Drei deutsche Heeresgruppen traten an. Eine hatte die Aufgabe, die Mitte aufzubrechen. Eine der beiden Flanken hatte den Auftrag, gegen Leningrad vorzustoßen, und die andere, die Ukraine zu besetzen. Im wesentlichen sind diese ersten Aufgaben gelöst.

Wenn die Gegner in dieser Zeit gewaltigster, weltgeschichtlich einmaliger Kämpfe oft sagten: «Warum geschieht jetzt nichts?» – nun, es ist immer etwas geschehen! Gerade weil etwas geschah, konnten wir ja auch nicht reden!

Wenn ich heute englischer Ministerpräsident sein müßte, würde ich unter diesen Umständen vielleicht auch dauernd reden – weil dort eben nichts geschieht. Aber gerade das ist der Unterschied! Meine Volksgenossen, ich muß das heute

hier vor dem ganzen deutschen Volk einmal aussprechen: Es konnte oft einfach nicht geredet werden: – nicht etwa, weil wir die ununterbrochenen gewaltigen Leistungen unserer Soldaten nicht genügend würdigen, – sondern weil wir dem Gegner nicht voreilig von Situationen Kenntnis geben dürfen, die ihm selbst, bei seinem miserablen Nachrichtendienst, oft Tage, ja manchmal erst Wochen später bewußt werden.

Denn — ich habe das neulich schon im Wehrmachtbericht bringen lassen — Der deutsche Wehrmachtbericht ist ein Bericht der Wahrheit.

Wenn irgendein blöder britischer Zeitungslümmel nun erklärt, das müßte erst bestätigt werden: Der deutsche Wehrmachtbericht ist bisher schon gründlich bestätigt worden!

Es gibt doch wohl keinen Zweifel, daß wir in Polen gesiegt haben und nicht die Polen, obwohl die britische Presse es anders behauptet hat.

Es gibt auch keinen Zweifel, daß wir in Norwegen sitzen und nicht die Engländer.

Es gibt auch keinen Zweifel, daß Deutschland Frankreich besiegt hat und nicht umgekehrt.

Es gibt endlich auch keinen Zweifel, daß wir in Belgien und in Holland erfolgreich gewesen sind, und nicht die Engländer. Und es gibt auch keinen Zweifel, daß wir in Griechenland sind und wiederum nicht die Engländer oder Neuseeländer, und auch auf Kreta sind nicht sie, sondern wir. Also hat der deutsche Heeresbericht die Wahrheit gesagt und nicht der... (Das Ende des Satzes geht im tosenden Beifallsjubel der Tausende unter.)

Und jetzt im Osten ist es nicht anders. Nach der englischen Version haben wir dort seit drei Monaten eine Niederlage nach der anderen erlitten. Aber wir stehen tausend Kilometer jenseits unserer Grenzen, wir stehen östlich von Smolensk, wir stehen vor Leningrad und wir stehen am Schwarzen Meer. Wir stehen vor der Krim und nicht die Russen etwa am Rhein.

Wenn bisher die Sowjets dauernd gesiegt haben, dann haben sie ihre Siege jedenfalls schlecht ausgenutzt, sondern sie sind nach jedem Sieg 100 oder 200 Kilometer sofort zurück-

marschiert, wahrscheinlich um uns in die Tiefe des Raumes zu locken!

Im übrigen sprechen für die Größe dieses Kampfes Zahlen

Es sind viele unter Ihnen, die noch den Weltkrieg mitgemacht hatten und die wissen, was es heißt, Gefangene zu machen und gleichzeitig 100 Kilometer vorwärts zu erobern.

Die Zahl der Gefangenen ist nunmehr auf rund 2,5 Millionen Sowjetrussen gewachsen.

Die Zahl der erbeuteten oder vernichteten, also bei uns befindlichen Geschütze beträgt bereits jetzt rund 22 000.

Die Zahl der vernichteten oder erbeuteten, also bei uns befindlichen Panzer beträgt jetzt bereits über 18000.

Die Zahl der vernichteten, zerstörten und abgeschossenen Flugzeuge über 14,5 Tausend.

Und hinter unseren Truppen liegt nun schon ein Raum, der zweimal so groß ist als das Deutsche Reich war, als ich 1933 die Führung erhielt, oder viermal so groß als England.

Die Luftlinie aber, die die deutschen Soldaten zurückgelegt haben, beträgt fast durchgehend heute über 800 bis 1000 km. Das ist Luftlinie. An Marschkilometern bedeutet das oft das Eineinhalbfache und Doppelte – auf einer Frontlänge, die gigantisch ist, und einem Gegner gegenüber, der – das muß ich hier aussprechen – nicht aus Menschen besteht, sondern aus Tieren, aus Bestien.

Was der Bolschewismus aus Menschen machen kann, das haben wir jetzt gesehen. Wir können der Heimat gar nicht die Bilder bringen, die uns da zur Verfügung stehen. Es ist das Grauenhafteste, was Menschengehirne sich ersinnen können, ein Gegner, der einerseits aus tierischer Blutgier kämpft und zugleich aus Feigheit und Angst vor seinen Kommissaren andererseits. Es ist ein Land, das nach fast 25jährigem bolschewistischen Dasein unsere Soldaten nunmehr kennengelernt haben.

Und ich weiß eines: Wer dort war und im Herzen in irgendeiner Falte vielleicht noch Kommunist gewesen sein sollte, sei es auch nur im ideellsten Sinne, der kehrt von dieser Auffassung geheilt zurück. Davon können Sie überzeugt sein!

Das «Paradies der Arbeiter und Bauern» habe ich immer richtig geschildert. Nach Beendigung dieses Feldzuges werden fünf oder sechs Millionen Soldaten mir bestätigen, daß ich die Wahrheit aussprach. Sie werden Zeugen sein, die ich dann aufrufen kann. Sie sind über die Straßen dieses Paradieses marschiert. Sie haben in den elenden Katen dieses Paradieses nicht leben können, denn sie gehen gar nicht hinein, wenn es nicht unbedingt notwendig ist. Sie haben die Einrichtungen dieses Paradieses gesehen.

Es ist nichts als eine einzige Waffenfabrik auf Kosten des Lebensstandards der Menschen. Eine Waffenfabrik gegen Europa!

Und gegen diesen grausamen, bestialischen, tierischen Gegner, gegen diesen Gegner mit seiner gewaltigen Rüstung, haben unsere Soldaten ihre gewaltigen Siege erkämpft. Ich weiß kein Wort, das ihrer Leistung gerecht werden könnte. Was sie an Mut und Tapferkeit hier dauernd vollbringen, an unermeßlichen Anstrengungen — das ist unvorstellbar!

Ob es sich um unsere Panzerdivisionen oder die Motorverbände handelt, ob es sich um unsere Artillerie oder Pioniere dreht, ob wir unsere Flieger nehmen — Jäger, Sturzkampfbomber und Schlachtflieger — oder ob wir an unsere Marine denken, an die Besatzungen der U-Boote, ob wir endlich von unseren Gebirgstruppen im Norden sprechen oder von den Männern unserer Waffen-\\: Sie sind alle gleich! über allem aber — und das möchte ich wieder besonders betonen — über allem steht in seiner Leistung der deutsche Infanterist, der deutsche Musketier!

Denn, meine Freunde, wir haben dort Divisionen, die seit dem Frühjahr über 2500 bis 3000 Kilometer zu Fuß marschiert sind, zahlreiche Divisionen, die ein- und anderthalb- und zweitausend Kilometer zurückgelegt haben. Das spricht sich leicht aus.

Ich kann nur sagen: Wenn man von Blitzkrieg redet, dann verdienen es diese Soldaten, daß man ihre Leistungen als blitzartig bezeichnet! Denn in der Geschichte sind sie im Vorwärtsmarschieren noch nie übertroffen worden, höchstens im Rückzug von einigen englischen Regimentern.

Es gibt da ein paar historische Blitzrückzüge, die diese Aktionen an Schnelligkeit übertroffen haben. Aber dabei handelte es sich nicht um so große Entfernungen, weil man sich von vornherein immer etwas näher an der Küste hielt.

Ich will nun nicht etwa den Gegner schmähen; ich will nur dem deutschen Soldaten die Gerechtigkeit zuteil werden lassen, die er verdient!

Er hat Unübertreffliches geleistet!

Und mit ihm auch alle die Organisationen, deren Männer heute Arbeiter sind und zugleich auch Soldaten. Denn in diesem gewaltigen Raum ist heute fast jeder Soldat. Jeder Arbeitsmann ist Soldat, jeder Eisenbahner ist dort Soldat.

In diesem ganzen Gebiet muß jeder dauernd mit der Waffe Dienst tun. Und es ist ein Riesengebiet! Was hinter dieser Front geschaffen wird, ist in seiner Art genau so gewaltig wie die Leistungen der Front, über 25 000 km russische Bahnen sind wieder im Betrieb, über 15 000 km russische Bahnen sind wieder auf deutsche Spur umgewandelt worden. Wissen Sie, meine Volksgenossen, was das heißt? Das heißt, daß der größte Querschnitt des Deutschen Reiches von einst, etwa von Stettin bis zu den bayerischen Bergen, also eine Linie von rund 1000 km, fünfzehnmal nebeneinander im Osten auf deutsche Spur gelegt worden ist.

Was das an Anstrengungen und Schweiß kostet, das kann vielleicht die Heimat noch gar nicht so recht ermessen. Und hinter dem allem da sind die Arbeitsbataillone des Arbeitsdienstes, unserer Organisationen, vor allem die Organisation Todt und die Organisationen unseres Berliners Speer, und all die anderen, die wieder zu deren Betreuung da sind. Im Dienste dieser ganzen gigantischen Front steht unser Rotes Kreuz, stehen Sanitätsoffiziere, Sanitätspersonal und Rote-Kreuz-Schwestern. Sie alle opfern sich wahrhaft auf! Und hinter dieser Front baut sich bereits die neue Verwaltung auf, die dafür sorgen wird, daß, wenn dieser Krieg länger dauert, diese riesigen Gebiete der deutschen Heimat und den uns Verbündeten nützen werden. Ihr Nutzen wird ein ungeheurer sein, und keiner soll zweifeln, daß wir diese Gebiete zu organisieren verstehen.

Wenn ich Ihnen so in kurzen Zügen ein Bild der einmaligen Leistungen unserer Soldaten und all derer gebe, die heute hier im Osten kämpfen oder tätig sind, dann möchte ich auch der Heimat den Dank der Front übermitteln!

Den Dank unserer Soldaten für die Waffen, die die Heimat geschaffen hat, diese ausgezeichneten und erstklassigen Waffen, den Dank für die Munition, die dieses Mal zum Unterschied des Weltkrieges in unbegrenzten Massen zur Verfügung steht. Das ist heute nur ein Transportproblem. Wir haben so vorgesorgt, daß ich mitten in diesem gigantischen Materialkrieg auf großen Gebieten die weitere Produktion nunmehr einstellen kann, weil ich weiß, daß es jetzt keinen Gegner mehr gibt, den wir nicht mit den vorhandenen Munitionsmengen niederringen würden.

Wenn Sie aber manches Mal in der Zeitung etwas lesen über die gigantischen Pläne anderer Staaten, was diese alles zu tun gedenken und was sie alles beginnen wollen, und wenn Sie dabei von Milliardensummen hören, so, meine Volksgenossen, erinnern Sie sich an das, was ich jetzt sage:

1. Auch wir stellen in den Dienst unseres Kampfes einen ganzen Kontinent,

2. wir reden nicht vom Kapital, sondern von Arbeitskraft, und diese Arbeitskraft setzen wir hundertprozentig ein, und

3. wenn wir darüber nicht reden, dann heißt das nicht, daß wir nichts tun.

Ich weiß ganz genau, daß die anderen alles besser können als wir. Sie bauen Tanks, die unüberwindlich sind, sie sind schneller als die unseren, stärker gepanzert als die unseren, sie haben bessere Kanonen als die unseren, und sie brauchen gar kein Benzin.

Aber im Kampf haben wir sie bisher noch überall abgeschossen! Und das ist das Entscheidende!

Sie bauen Wunderflugzeuge. Es sind immer Wunderdinge, die sie machen, alles unbegreiflich, auch technisch unbegreiflich. Aber sie haben noch keine Maschinen, die die unseren übertreffen.

Und die Maschinen, die bei uns heute fahren oder schießen

oder fliegen, sind nicht jene Maschinen, mit denen wir nächstes Jahr fahren, schießen oder fliegen werden!

Ich glaube, daß das für jeden Deutschen genügen wird. Alles andere, das wird durch unsere Erfinder und durch unseren deutschen Arbeiter und auch durch die deutsche Arbeiterin besorgt.

Hinter dieser Front des Opfers, des Todesmutes und des Lebenseinsatzes steht die Front der Heimat, eine Front, die gebildet wird von Stadt und Land. Millionen deutscher Bauern, zum großen Teil auch oft ersetzt durch Greise, Jugendliche oder durch die Frauen, sie erfüllen im höchsten Grade ihre Pflicht. Millionen und aber Millionen deutscher Arbeiter, sie schaffen unentwegt, es ist bewunderungswürdig, was sie leisten. Und über allen auch hier wieder die deutsche Frau, das deutsche Mädchen, die Millionen von Männern ersetzen, die heute an der Front sind.

Wir können wirklich sagen: Zum ersten Male in der Geschichte ist ein ganzes Volk jetzt im Kampf – teils an der Front, teils in der Heimat.

Wenn ich aber das ausspreche, dann ergibt sich für mich als alten Nationalsozialisten daraus eine zwingende Erkenntnis: Wir haben nun zwei Extreme kennengelernt. Das eine sind die kapitalistischen Staaten, die mit Lügen oder mit Betrügereien ihren Völkern die natürlichsten Lebensrechte verweigern, die ausschließlich ihre Finanzinteressen im Auge behalten, die jederzeit bereit sind, dafür Millionen Menschen zu opfern. Auf der anderen Seite, da sehen wir das kommunistische Extrem, einen Staat, der unsagbares Elend über Millionen und Millionen gebracht hat und auch das Glück aller anderen nur seiner Doktrin opfert.

Daraus kann sich nun in meinen Augen für uns nur eine Verpflichtung ergeben: Unserem nationalen und sozialistischen Ideal mehr denn je zuzustreben! Denn über eines müssen wir uns im klaren sein: Wenn dieser Krieg einst beendet sein wird, dann hat ihn der deutsche Soldat gewonnen, der aus den Bauernhöfen, aus den Fabriken usw. stammt, der in seiner Gesamtheit wirklich die Masse unseres Volkes darstellt.

Und es hat ihn gewonnen die deutsche Heimat mit den Millionen Arbeitern und Arbeiterinnen, Bauern und Bäuerinnen. Es haben ihn gewonnen die schaffenden Menschen im Kontor und im Beruf. Alle diese Millionen Menschen, die tätig sind, die haben ihn gewonnen! Und auf diese Menschen hin muß dann dieser Staat ausschließlich ausgerichtet werden.

Wenn dieser Krieg zu Ende sein wird, dann werde ich aus ihm zurückkehren als ein noch viel fanatischerer Nationalsozialist, als ich es früher war!

Ebenso wird es bei all denen sein, die zur Führung berufen sind; denn in diesem Staat herrscht ja nicht, wie in Sowjetrußland, das Prinzip der sogenannten Gleichheit, sondern das Prinzip der Gerechtigkeit. Wer als Führer geeignet ist, sei es politisch, militärisch oder wirtschaftlich, der ist uns immer gleich wert. Aber genau so wert muß auch derjenige sein, ohne dessen Mitarbeit jede Führung ein leeres Tun und nur Gedankenakrobatik bliebe. Und das ist das Entscheidende.

Das deutsche Volk kann heute stolz sein: Es hat die besten politischen Führer, es hat die besten Feldherren, es hat die besten Ingenieure, Wirtschaftsführer und Organisatoren, es hat aber auch den besten Arbeiter und den besten Bauern.

Alle diese Menschen in eine Gemeinschaft zu verschmelzen, war einst die Aufgabe, die wir uns als Nationalsozialisten stellten, eine Aufgabe, die uns heute noch viel klarer ist als je zuvor.

Ich werde aus diesem Krieg einst zurückkehren wieder mit meinem alten Parteiprogramm, dessen Erfüllung mir jetzt noch wichtiger erscheint als vielleicht am ersten Tag!

Diese Erkenntnis hat mich auch heute nur ganz kurz hierher geführt, um zum deutschen Volke zu sprechen. Denn es hat auch im Winterhilfswerk wieder eine Gelegenheit, den Geist dieser Gemeinschaft zu bekunden.

Was die Front opfert, das kann überhaupt durch nichts vergolten werden.

Aber auch das, was die Heimat leistet, muß vor der Geschichte dereinst bestehen können!

Es ist notwendig, daß der Soldat an der Front weiß, daß zu

Hause sich die Heimat um jeden Zurückgebliebenen bekümmert und für ihn nach bester Möglichkeit sorgt. Das muß er wissen, und das muß sein, damit auch diese Heimat dereinst in Ehren genannt wird neben den gewaltigen Leistungen der Front.

Jeder weiß, was er tun muß in dieser Zeit. Jede Frau, jeder Mann, sie wissen, was man mit Recht von ihnen fordert und was zu geben sie verpflichtet sind.

Wenn sie nur einmal auf die Straßen gehen und im Zweifel sein sollten, ob sie noch einmal geben sollen, geben müssen oder nicht, dann mögen sie nur einen Blick seitwärts wenden: vielleicht wird ihnen dann einer begegnen, der viel mehr als sie für Deutschland geopfert hat.

Nur dann, wenn dieses ganze deutsche Volk zu einer einzigen Opfergemeinschaft, dann allein können wir hoffen und erwarten, daß uns die Vorsehung auch in der Zukunft beistehen wird.

Der Herrgott hat noch niemals einem Faulen geholfen, er hilft auch keinem Feigen, er hilft auf keinen Fall dem, der sich nicht selber helfen will. Hier gilt im größten der Grundsatz:

Volk, hilf dir selbst, dann wird auch der Herrgott dir seine Hilfe nicht verweigern!

Примечания

- ¹ Die Tagebücher von Joseph Goebbels. Teil 1, Band 9, München 1998, S. 377–379.
- ² Rede Adolf Hitlers zur Eröffnung des 3. Kriegs-Winterhilfswerkes im Berliner Sportpalast am 3. Oktober 1941. – Berlin 1941.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие составителя	5
<i>В. Суворов.</i> Все это выдумал Геббельс!	9
<i>А. Гогун.</i> Съезд воинствующих.	23
<i>Д. Наджафов.</i> Об историко-геополитическом наследии советско-германского пакта 1939 года	33
<i>Р. Раак.</i> Роль Сталина в развязывании Второй мировой войны	81
<i>Х. Магенхаймер.</i> Стратегия Советского Союза: наступательная, оборонительная, превентивная?	113
<i>С. Шайль.</i> «Летние маневры» Красной Армии 1941 года, план Жукова и операция «Барбаросса».	132
<i>М. Маркуша.</i> Ассимиляция производства. По материалам книги Л. Самуэльсона «Красный колосс»	144
<i>К. Загорецкий.</i> «Секретный архив» для всех. К методике исторических исследований	155
<i>Ю. Цурганов.</i> Как читать постсоветских историков?	222
<i>М. Шарова.</i> «Контурсы грядущей войны» в советской литературе 1930-х годов	245
<i>Д. Хмельницкий.</i> Речь Гитлера 3 октября 1941 года	277

ПРАВДА ВИКТОРА СУВОРОВА-2
Восстанавливая историю Второй мировой

Художественный редактор *П. Волков*
Технический редактор *В. Кулагина*
Компьютерная верстка *Д. Фирстов*
Корректор *Е. Щукина*

OCR - Давид Титиевский, май 2017 г., Хайфа

ООО «Яуза-пресс»
109439, г. Москва, Волгоградский пр-т, д. 120, корп. 2

Для корреспонденции: 127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5
Тел.: (495) 745-58-23

Подписано в печать с готовых диапозитивов 10.05.2007.
Формат 84x108 1/32. Гарнитура «Ньютон». Печать офсетная.
Бумага тип. Усл. печ. л. 16,8.
Тираж 10 000 экз. Зак. № 5740.

Отпечатано с предоставленных диапозитивов
в ОАО «Тульская типография». 300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

Продолжение главного исторического бестселлера 2006 года!

Новый сборник работ историков-профессионалов из России, Европы и США, поддерживающих точку зрения Виктора Суворова.

Новые доказательства гипотезы, буквально взорвавшей общественное сознание и навсегда изменившей наши представления о прошлом.

Сенсационные версии и смелые выводы, увлекательная дискуссия без оглядки на официоз, свежий неортодоксальный взгляд на историю и причины Второй Мировой войны.

Сам Виктор Суворов не только одобрил эту книгу, но и предоставил для публикации свою новую статью, еще неизвестную читателям.

ISBN 978-5-903339-46-4

9 785903 339464

